

ЮРИЙ ТРУСОВ

ПРОНИКНОВЕНИЕ В ТАЙНУ

ЮРИЙ ТРУСОВ

ПРОНИКНОВЕНИЕ В ТАЙНУ

Р о м а н

ОДЕССА «МАЯК» 1980

ББК 84Р7
Р2
Т78

Рецензент А. П. Роготченко,
член Союза писателей

Трусов Ю. С.
Т78 Проникновение в тайну: Роман. — Одесса: Маяк,
1980.— 279 с.

Новый роман одесского прозаика посвящен благородной работе советских генетиков-селекционеров. Ученый Алексей Бережной, главный герой произведения, все свои знания и энергию направляет на создание морозостойких сортов пшеницы, выступает непримиримым противником приспособленцев от науки. В многоплановом произведении поднимаются важные морально-этические вопросы.

Т 70302—042
М217(04)—80 40—80. 4702010200

ББК 84Р7
Р2

© Издательство «Маяк», 1980

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. ТРЕВОГА

Алексей Бережной несколько раз пытался остановить такси. Как назло, все машины шли с пассажирами, и шоферы не обращали внимания на его поднятую руку. Тогда Алексей побежал к трамвайной остановке. Здесь, в ожидании очередного вагона, выстроилась длинная очередь.

Наконец переполненный трамвай, громыхая, подошел к остановке, и Алексей бросился к передней площадке. Ловко посадив на подножку старушку, он вскочил вслед за ней в вагон.

— Спасибо, сынок,— только и успела вымолвить женщина.

Обычная двадцатиминутная езда показалась ему мучительно медленной. Волнуясь, он часто посматривал на ручные часы.

В заиндевавшем окне вагона мелькнула чугунная решетка ограды селекционного института.

Сквозь массивные арочные ворота Алексей вышел на асфальтированную дорогу. Почти бегом миновав служебные корпуса, теплицы, широкооконные лаборатории, он очутился возле опытных полей. Огромное пространство мерзлой, запорошенной снегом земли уходило к горизонту.

Среди снега выделялась нежно-зеленая полоска озимой пшеницы. «Вот посевы академика Крыленко»,— подумал Алексей. По неровному грунту бесчисленных грядок он добрался до низенького столбика с табличкой, испещренной полустертыми буквами: «Озимая-203». Это была его, Бережного, делянка. Тонкие сморщенные ростки прижимались к земле. словно в агонии, они вздрагивали от упругого ледяного ветра.

Алексей опустился на колени, затем низко склонился над умирающими растениями. Пальцы начали осторожно перебирать ростки, слегка приподнимая их с закаменелого грунта. Каждый кустик он хорошо помнил, как и пшенич-

ное зерно, из которого тот появился на свет. В растениях нового сорта озими заключался итог его пятилетнего труда. Алексей опустился на колени, сгребая ладонями сухую пожелтевшую траву.

Хлестким ударом ветер сорвал с его головы шляпу, швырнул в сторону, но Алексей не обратил на это внимания.

— Алеша,— раздался рядом знакомый девичий голос.

В шагах десяти от себя Бережной увидел девушку, одетую в беличью шубку. Отливающий темной бронзой мех облегал стройную фигуру. Белый пуховый платок закрывал почти все лицо. Одни глаза с укором смотрели на него.

— Ты что, не слышишь? Я уже несколько раз тебя окликала, а ты... Как уткнешься носом в свой неудачный посев, все на свете забываешь...

Бережной поднялся на ноги. Достав из кармана платок, стал вытирать пальцы.

— Как ты сюда попала?— с нарочитой грубостью в голосе спросил он девушку, пытаясь скрыть смущение.

— Пшеницу на анализы приносила,— она кивнула в сторону, где виднелся корпус технологической лаборатории.— У нас, в сельскохозяйственном, лаборатория на ремонте, а тут срочно требуется анализ. Да и тебя хотела повидать,— пояснила она улыбаясь.

Девушка подошла ближе. Оглядела делянку. В глазах досада сменилась испугом.

— Ой, беда какая!

— Успокойся, Катя, не все пропало...— глухо произнес Алексей.— Погода подводит. Понимаешь, в чем суть?..

— В чем суть, я понимаю,— вздохнула девушка.— Под угрозой твоя диссертация. Ведь все вымерзло. А еще говорил, что эти посевы морозостойкие.

— Но ведь что-то сохранилось,— возразил Бережной.— Я убежден, в уцелевших растениях — будущее. И, мне кажется, неплохое. Нет худа без добра...

— Ой Алеша, как мне надоели твои вечные «пойми», «пойми»... Особенно не люблю твое это — «нет худа без добра». Объяснять неудачи ты научился. А вот смотри,— Катя показала на соседнюю делянку.— Почему у Крыленко озимые не погибли, как у тебя? Ну, почему?

— Ты агроном и сама должна знать это не хуже меня. У Крыленко все проще. Он испытывает пшеницы, полученные от скрещивания озимых с озимыми. А я с озимыми —

яровые. С сортами, которые в наших условиях давали бы урожай намного больший, чем яровые! И не только у нас, а может, и на целинных землях, где еще никогда не сеяли озимой.

— Ладно,— Катя подняла шляпу Бережного и взмахнула ею в воздухе.— Брюки отряхни, ведь новые... Да одень шляпу, а то замерзнешь, как твоя пшеница.

Она сделала попытку улыбнуться, но вместо улыбки на ее лице появилась гримаса. Алексей нахлобучил шляпу до самых бровей.

— Катя, я все же должен тебе объяснить,— Бережной показал рукой на делянку,— чтобы ты не очень огорчалась. Я опять повторю свою присказку — «нет худа без добра»...

Они двинулись по направлению к институту. Морозный ветер мешал говорить. Когда резкий порыв воздуха забивал дыхание, Алексей поворачивал Катю спиной к ветру и кричал:

— Моя пшеница выдержала двадцатиградусные морозы!.. Если бы не оттепель перед этим мартовским циклоном, она устояла бы... Понимаешь?

Катя была не в силах пошевелить замерзшими губами. В знак согласия она только кивала головой.

— Понимаешь? Теплая погода изнежила растения. А когда они утратили стойкость к холоду, ударил мороз. Вот причина неудачи. Но если хоть один колос выстоит, будет удача.

— А если не выстоит?— напрямик спросила Катя.

Бережной посмотрел на нее с укором.

— Этого не может быть!

— Ну, а если?..

— Значит, не веришь?

— Просто сомневаюсь,— твердила Катя.

Алексей упрямо насупил рыжеватые мохнатые брови и замолчал.

Затем они добрались до склада, длинного одноэтажного здания с маленькими, как бойницы, окнами. Бережной толкнул плечом на тугую пружине двери, и они очутились в теплом коридоре, освещенном яркими электрическими лампочками. Вдоль стен тянулись высокие дубовые лари, окованные железом, запертые висячими замками. Пахло свежей соломой, зерном.

В помещении никого не было.

Катя устало опустилась на длинную скамью и прислонила озябшие ноги к радиатору. От ее ботинок, отороченных белым мехом, пошел пар. Алексей сел рядом, растирая руки. Почувствовал боль в пальцах. При других бы обстоятельствах он немедленно пошел бы в амбулаторию.

— Послушай, Катя,— после тягучей паузы произнес Бережной и осторожно взял девушку за руку,— мне надо поговорить с тобой. Не о пшенице...

Катя нахмурилась. В ее взгляде Алексей уловил беспокойство.

— Хотел бы сегодня с тобой встретиться,— продолжал он.— Можно зайти к тебе вечером?

— Нет, нет, только не сегодня! У нас на квартире стирка,— поспешно возразила Катя и отвела глаза в сторону.

— Тогда, может, ты придешь к нам в общежитие?

— К тебе?— удивилась она.

— Что же тут странного? Ведь еще совсем недавно ты заходила.

Катя на минуту задумалась. Взглянула на его распухшие малиновые пальцы и всполошилась.

— Тебе в больницу надо...

— Придешь?

— Ладно! Только иди скорее к врачу!

* * *

Весь вечер Бережной провел, сидя за ветхим письменным столиком. Он то просматривал книги по агробиологии, то, неловко держа забинтованными пальцами авторучку, записывал в тетрадь наблюдения, сделанные днем на опытном поле. Сначала ему мешали сосредоточиться веселые голоса, шум и песни, которые доносились из комнаты, где жили студенты третьего курса. Он постучал в смежную стену, чтобы уговорить разбушевавшихся соседей. Шум несколько приутих. Зато, словно на смену ему, на втором этаже лихо затренькали балалайка с мандолиной. «Готовятся, черти, к смотру самодеятельности»,— подумал он и с досадой отложил ручку. Прислушался. В привычной симфонии вечерней студенческой жизни хотелось услышать знакомый стук Катиных каблучков. «Надо сказать ей об этом, когда придет»,— улыбался Алексей. Глянул на часы. Было только половина восьмого. «К девяти она обязательно появится»,— успокаивал он себя.

Несколько раз шаги в коридоре заставляли его вскакивать со стула и подбегать к двери. Несколько раз ему слышался знакомый голос на лестнице. Чтобы чем-то заняться, он перебинтовал руки.

Когда из соседней комнаты донеслись слова «Последних известий», Бережной понял, что прождал напрасно и стал было готовиться ко сну. Неожиданно в дверь постучали, и незнакомая студентка позвала его к телефону. Он быстро спустился в вестибюль, взял трубку и услышал Катин голос. Она спрашивала его о здоровье.

— Поскорее выздоравливай, Алеша!

Ее голос звучал так весело, что у Алексея не хватило духа упрекнуть ее за многочасовое ожидание. Все же он попросил провести его завтра.

— Не обещаю, Алешенька, дел по самое горлышко, — оправдывалась Катя. — Впрочем, завтра забегу. Ты знаешь, у нас сессия, к тому же — стирка. Вообще я очень занята. Ну хорошо, хорошо... Постараюсь зайти, — торопливо пообещала она и повесила трубку.

И опять целый вечер Бережной тщетно ожидал Катю. На этот раз она даже не позвонила.

Внешне Алексей сохранял спокойствие, стараясь скрыть от окружающих плохое настроение и тревогу. Он терпеливо лечил пальцы и, как ни в чем не бывало, целые дни проводил на опытной делянке, наблюдая за исходом борьбы своего посева с морозом.

Здесь, среди зимних полей, обжигал своим студеным дыханием ветер, а Бережной обретал нужное ему душевное равновесие. Алексею казалось, что эти сверкающие голубоватым снегом просторы, где прорастают хлебные злаки, источают могучие невидимые лучи, способные вылечить человека от душевного недуга.

Как-то утром, когда Бережной измерял температуру грунта, к нему подошел Крыленко. Приземистый, моложавый для своих пятидесяти шести лет, академик дружески взял его за плечо.

— Что это вы, молодой человек, гуляете с обмороженными руками по такому холоду? Вам руки еще пригодятся, — сказал он. — Немедленно идите домой!

— Мне, Федор Петрович, вспомнилось сиротское детство. Когда становилось тяжело на сердце, я шел на могилу отца, просиживал там часами. Вот эти делянки напоминают сейчас кладбище. Но я верю в чудо. Уверен, что некоторые

из увядших растений еще воскреснут и дадут хорошие семена...

— Это неплохо, что вы верите... Но по вашему виду этого не скажешь. Больше, больше бодрости, молодой человек! И, кроме всего прочего, здоровье — важнее всего! Поэтому ступайте домой. И пока руки не заживут, носа в поле не показывайте! Я сам за деланкой вашей присмотрю. Что можно спасти, спасу. Надеюсь, вы доверяете?

— Конечно, но... — смутился Бережной.

— Никаких «но»... Давайте термометр.

Крыленко взял у Бережного термометр и шутливо подтолкнул того к дороге.

— Идите, идите... А диссертацию кое в чем, видимо, придется переделать, а?

...Теперь Алеша лишь изредка, нарушая запреты врача, совершал тайные походы на участок. Приходил на рассвете, уверенный, что не встретит ни академика Крыленко, ни других сотрудников института. Опытное поле по-прежнему представляло грустную картину. Правда, ветер уже не свирепел, как раньше, но весна все еще дышала холодом. Редкие солнечные лучи приносили с собой жизнь. Участок озимой пшеницы начал покрываться еле заметной зеленью.

Однажды Бережной, в который раз, остановился у своей почерневшей, лишенной признаков жизни деланки. Присев на корточки, начал разгребать руками землю. Выкопал несколько корешков. Они были мертвыми, но Алексей продвигался все дальше и дальше по грядкам. Вдруг его лицо засияло и он, не выдержав, крикнул:

— Нет! Не все погибло!..

Оглянувшись — на поле никого не было. Он начал тщательно рассматривать каждый кустик. Нашел еще несколько уцелевших растений. Радости его не было предела. «Если эти кустики дадут колосья, в зернах будет драгоценная морозостойкость, способная придать новому сорту нужную выносливость. Вот тогда-то мой труд не пропадет!»

В тревогах прошла неделя. Ранки на обмороженных пальцах заживали скорее, чем предполагали врачи. Можно было открыто, не опасаясь упреков Крыленко, появляться на участке.

...Однажды, подходя к воротам института, Бережной встретил Катю. Он снова уловил в ее глазах тревогу. То ли она торопилась куда, то ли делала вид, что торопится, но — только махнула ему рукой и скрылась за воротами.

Глава 2. ОТБЛЕСКИ ПЛАМЕНИ

Бережной не ошибся — Катя действительно избегала его. Тот вечер, когда он ее ждал, она коротала за чтением книги в квартире своей хозяйки Марии Харитоновны. Пухлый роман давался нелегко. За окном в густеющих сумерках вспыхнули огни города. Неясный, несмолкаемый шум вечерней улицы манил к себе, звал в какой-то неведомый и веселый мир. И ей захотелось пойти к Бережному, побывать в его уютной, заваленной книгами комнатухе, спросить о здоровье, о делах, как бывало уже много-много раз. Но теперь в их отношениях появилось нечто новое, непоправимое. Она знала, вернее, догадывалась, что Бережной предложит ей разделить свою неустроенную жизнь, а значит — и обидно неудачливую селекционную работу.

«Вечно торчать с ним на полях — небольшое счастье», — вспомнились слова тетки.

Но ей не хотелось ранить Бережного решительным отказом. Она-то хорошо знала, какой это будет для него удар!.. Их отношения завязались крепким узлом давно, еще в тот день, когда сироту-пастушонку Алешу усыновил ее отец, Иван Григорьевич Корнедуб.

...Словно отгоняя тягостные воспоминания, Катя отбросила с виска непослушную иссиня-черную прядь. Затем ее длинные пальцы дотронулись до твердого рубца, всегда старательно прикрытого завитушками волос. Розоватый шрам проходил от пухлой мочки уха по длинной шее к плечу. Скрывая прической рубец, Катя никогда не носила сережек, хотя, вероятно, они подошли бы ее смуглому цыганского типа лицу. Этот шрам всегда напоминал ей страшную августовскую ночь, когда Алеша вынес ее, насмерть перепуганную, из охваченного огнем отцовского дома. Именно тогда отлетевшая горящая доска оставила на ее теле вечную, несмываемую печать войны.

Из событий той далекой ночи девушке особенно запомнились истошные крики матери да крупные, будто вырубленные из дуба, черты отцовского лица. Какие-то орудия на непонятном языке люди бросились на батьку, увели из хаты... А ее подхватили цепкие мальчишеские руки и понесли сквозь воющее пламя в ночную, исполосованную вспышками выстрелов степь.

Став старше, Катя узнала историю гибели своего отца, народного селекционера. Иван Григорьевич Корнедуб

вывел новый сорт озимой пшеницы, который летом военного года зашумел на опытном колхозном поле удивительно крупными колосьями. Захватив село, гитлеровцы сразу обратили внимание на необычную пшеницу и на того, кто ее создал. Вместе с драгоценными зернами новой озимой они решили отправить в «фатерланд» и Ивана Григорьевича. Но Корнедуб не захотел служить врагу. Ночью он поджег пшеницу, и опытное поле превратилось в бушующее море огня. Враги сразу догадались, чьих это рук дело. Они убили Ивана Григорьевича, его жену, Катиных сестер...

Пробираясь темной степью, шестнадцатилетний Алеша отнес свою названую сестренку в соседнее село к добрым людям. Затем Катю отвезли в Новоград к тетке, а Бережного и след простыл. Говорили, что мальчишка ушел к партизанам...

Всю войну о нем не было ни слуху, ни духу. Думали, что парнишка погиб. А летом 1945 года в калитку теткинго дома постучался высокий белокурый лейтенант. Ни Катя, ни ее тетка, Христина Григорьевна, не могли узнать в неожиданном госте Алексея. Уж сильно он изменился за годы войны! Из худенького долговязого подростка превратился в рослого парня со спокойным взглядом серых глаз.

После объятий, вздохов и охов Христины Григорьевны лейтенант, не торопясь, открыл свой объёмистый чемодан. Христине Григорьевне, ее мужу Павлу Васильевичу, сыну Косте, невестке Жене — всем нашлись у него подарки. Большая доля даров, разумеется, досталась Кате, которую Алеша стал называть не иначе как сестренка.

В каждом взгляде, в каждом движении молодого лейтенанта чувствовалось спокойствие. Лишь за ужином, когда разговор зашел о Катиной учебе, он неожиданно разгорячился и стал доказывать, что сестренке необходимо учиться, и учиться серьезно, чтобы стать агрономом да продолжать дело отца. Он тут же добавил, что и сам хочет заняться селекцией. Говорил он о пшенице, об учебе с таким жаром, что не только удивил, но даже несколько испугал Христину Григорьевну и ее семейство...

«Какая муха его укусила? Смотри, даже кричать стал. Не контужен ли?» — подумала тетка и с тревогой посмотрела на белокурую голову Алеши. Незаметно подмигнув мужу, спросила:

— Куда же тебя, милый, поранило?

Алешу озадачил такой неожиданный вопрос. Он удивленно посмотрел на пожилую женщину, обретая прежнее спокойствие, объяснил, что ранен дважды: один раз пулей в ногу, другой — осколком мины в грудь. А теперь у него со здоровьем все в порядке, хоть сейчас в атаку... Он даже боксом занимается...

Его ответ успокоил Христину Григорьевну. «Здорово война потрепала тебя, кричать ни с того, ни с сего начинаешь. Да это пройдет. А что до науки тянешься, так это на пользу. Учись, милый, может толк який будет», — решила она про себя.

На другой день поутру лейтенант взял пустой чемодан и шинель, простился с семейством Христины Григорьевны и уехал в соседний приморский город. Ему хотелось учиться в известном на всю страну сельскохозяйственном институте.

С этих пор ежемесячно на имя Кати стали приходить денежные переводы и письма. Алеша писал, что работает и учится в десятом классе вечерней школы, по окончании которой намерен держать экзамены в институт.

Деньги, которые присылал Бережной, были очень кстати. В послевоенные годы жилось нелегко. Христина Григорьевна была, как она сама говорила, главной «добытчицей» в доме. Она приносила в семью денег больше, чем муж, сын и невестка, вместе взятые. Эта маленькая смуглолицая женщина с гладко зачесанными седыми волосами, живыми черными глазами успевала за день и обработать огород, и пошить платье соседке. В хозяйстве держала поросят и разную птицу.

Кате тетка говорила:

— Шлет тебе гроши Олекса — и добре. Хлопцу гроши — одно баловство. А ты собирай их. Собирай... Пальтишко новое справишь или кофту. Ишь, какой красуней растешь! — и, кося черные глаза, переходила на шепот. — Напиши ему, любя моя, письмо поласковой, нехай еще грошенят вдогон этим шлет.

Советы тетки как бы рассеивали совестливые мысли Кати о том, что, может быть, Алеша, отказывая себе в самом необходимом, присылает ей свои последние деньги. И она писала Бережному ласковые письма.

Алексей помогал Кате не только деньгами. Поступив в институт, он во время каникул приезжал к тетке и помогал Кате заниматься.

Бережному в ту пору, судя по его виду, приходилось не-
сладко. Несколько лет он бессменно носил фронтовую вы-
цветшую гимнастерку и синие армейские диагональные
штаны, старательно заштопанные во многих местах. Ма-
ленькие дырочки, которые со временем появились на шта-
нах, дали повод Павлу Васильевичу окрестить их «шрап-
нельными».

Алеша стал тонким, как жердь, и только характер у не-
го остался прежним. Когда спрашивали, как ему живется,
он показывал в улыбке крепкие белые зубы: «Ничего. На
фронте бывало похуже!..»

К тому времени, когда Катя окончила десятилетку, ее,
миловидную черноглазую девушку, окружали такие же
юные, как она, поклонники. Христина Григорьевна реши-
ла выдать ее замуж за одного особенно настойчивого то-
варища — лысоватого молодого портного из артели «Инд-
пошив». Узнав о предстоящей свадьбе, Алексей снова пе-
репугал Христину Григорьевну раскатами своего голоса,
доказывая Кате, что ей надо немедленно поступать в сель-
скохозяйственный институт.

— Тебе экзамены нужно сдавать, а не замуж выхо-
дить! — говорил он девушке.

К удивлению тетки, Катя без возражений соглашалась
с доводами брата. Она, видимо, не питала к своему же-
ниху больших чувств, так как поручила Алексею передать
влюбленному портному категорический отказ. Бережной
переговорил с ним так решительно, что парень больше не
появлялся на пороге дома.

Алексей сам отнес в сельскохозяйственный институт ее
документы и не отходил от Кати, пока она не сдала все
вступительные экзамены.

Учеба в институте у Кати шла трудно. Сказывалась сла-
бая школьная подготовка. Занятия отнимали много сил.
Но не по этой причине она весьма холодно относилась к
своим новым воздыхателям. Красивая, смуглолицая, она
нравилась многим студентам и молодым преподавателям,
но не принимала всерьез ничьих ухаживаний. Бережной —
вот кто интересовал ее. А он, когда выезжал на прак-
тику, то по-прежнему присылал ей деньги и... строгие
письма.

Тогда-то Катя и влюбилась в него первой, короткой,
как весна, девичьей любовью. Но Алексей словно не заме-
чал блестящих глаз девушки. Казалось, его целиком по-

глощала мысль о дипломной работе, проблемы агротехники, селекции и сотни других важных дел.

«Наверное, он и в самом деле ужасно занят. Ему не до меня», — грустно вздыхала Катя.

Но неожиданно свежий номер студенческой газеты-многотиражки развеял ее грусть. В многотиражке были стихи Бережного.

О том, что он сочиняет стихи, она знала давно. Как-то, разбирая его конспекты по агробиологии, она обнаружила тетрадку со стихами и отнеслась к ней более чем равнодушно. Не стала ничего читать. А вот теперь, увидев Алешины стихи в газетной полосе, она с любопытством взялась за них. Некоторые стихи посвящались товарищам, погибшим в боях. Некоторые — пшеничным полям юга Украины. Три последних — любви. Автор не уточнял, кому именно он посвятил их. Но Катя почувствовала, что он адресовал стихи ей.

«Он любит меня!» — подумала она, и эта мысль наполнила все ее существо уверенной силой. С этой поры она как бы преобразилась. Даже стала лучше заниматься, стараясь в этом брать пример с Алексея. А он учился в институте отлично. Его приняли в аспирантуру как молодого ученого, подающего большие надежды.

Бережной Кате казался тогда самым родным, самым близким человеком на свете. Перед сном подолгу разглядывала его фотографию, которую укрепила над кроватью в комнатке студенческого общежития. Рядом с ней висели снимки популярных киноактеров. Открытое лицо Алексея, казалось ей, не только не уступало неотразимым героям киноэкрана, но даже чем-то выигрывало.

Каждая встреча с Алешей в то время была для нее праздником. Он же был по-прежнему внимателен к ней, и только. Правда, от женщины влюбленному в нее мужчине трудно скрыть свои чувства. Через некоторое время Катя почувствовала, что за этой сдержанной дружелюбностью Алексея таится трепет преданного сердца. Поняв это, Катя старалась скрыть свои догадки. И вовсе не из-за наставлений тетки, которая тоже поняла, почему Алексей так постоянно внимателен к племяннице и советовала держаться с ним строго.

— Он тогда к тебе еще крепче присохнет. И заботу, конечно, будет проявлять чаще... Ну, а если ты, ну, сама понимаешь, захочешь однажды от него отделаться, то тогда

тебе же легче... Скажешь, что и невдомек тебе было, что там у него на уме. Поняла?

Тетка хитро щурила маленькие глазки и улыбалась.

Подобные поучения вызывали у Кати досаду. Однако она делала вид, что следует им. Ей казалось, что, если она откроется перед Алексеем, это может быть им истолковано, как ее первый шаг к сближению. «Нет,— думала Катя,— девушка не должна делать этого шага... если она хоть немного уважает себя. Ни за что я так не поступлю!»

И Бережной считал, что не пришла еще пора для чувств. Время для учебы было нелегкое. Замужество и появление детей, ясно, не позволит Кате получить образование. Еще на фронте Алексей решил, что, если останется жив, вернется и поможет девушке в учебе. «Какая же это будет помощь, если я займусь ухаживаниями?— размышлял он.— Нет, милый мой, придержи любовную прыть. Не сбивай с пути человека. Не показывай ей, что любишь...» Алексей стал реже видаться с Катей.

Тем не менее она в конце первого семестра не смогла сдать зачеты по химии и математике. Появились так называемые «хвосты». Это грозило Кате неприятностями, вообще, ставило под сомнение ее пребывание в институте. Узнав обо всем этом, Алексей расстроился не на шутку...

Во время студенческих каникул они занимались в селе. Однажды Катина тетка с мужем получили выгодное предложение — сопровождать по дальнему маршруту вагоны-холодильники. Христина Григорьевна не устояла перед денежным соблазном, хотя ей не очень-то хотелось оставлять дом, сад и огород на попечение молодых людей. Но что делать? Ей с мужем пришлось отправиться в дальний путь...

Алексей со своей ученицей налегли на химию и математику. Репетиции по этим предметам шли с раннего утра до вечера. Однако у Кати обнаружились довольно широкие пробелы в усвоении институтской программы. Бережной рук не опустил. Он пуще прежнего загружал ее трудными задачами, замысловатыми примерами и требовал твердых знаний. А если Катя долго думала или решала задачи неверно, он упрекал ее в лени, иронизировал и даже повышал голос. Однажды она не выдержала и слезы, против ее воли, каплями покатились на страничку тетради, исписанной цифрами и формулами. Алексей устыдился своей резкости и виновато заглянул в заплаканные глаза девушки:

— Прости, родная моя, ну прости...

Он обнял ее, и его губы слились с горячими и солеными от слез губами Кати. Девушка крепче прижалась к его груди...

В последующие дни и ночи они почти не расставались. Чувства, что годами подавлялись, теперь обрели власть над ними. Но однажды ночной стук в дверь домика возвестил о возвращении тетки с мужем. Счастье, с которым они жили почти три недели, потускнело.

Тетка сразу определила, какие отношения установились у ее племянницы с Алексеем. Она ничего не говорила об этом, но осуждающе глядела на влюбленных, качала головой и сокрушенно вздыхала. Чтобы не слышать этих вздохов и не видеть осуждающих теткинских глаз, они на другой день покинули уютный сельский домик, где временно нашла приют их любовь, и выехали в город.

Катя вернулась в комнатку, которую снимала у старушки-пенсионерки Марии Харитоновны, а Бережной — в общежитие института. Они опять стали жить под разными кровлями, но ежедневно встречались. И то, чего он боялся, — случилось. Катя ждала ребенка. Она сказала ему об этом, лежа в кровати, целуя его. Сказала своим спокойным низким голосом. Алексей на миг застыл, потом вскочил, опустился на колени и уставился тревожными глазами на Катю.

— Катюша. Я виноват перед тобой... Прости... Я старше тебя, а поступил как зеленый юнец. Ведь если у нас родится ребенок, ты не сможешь заниматься?

— Да успокойся, Алешенька, — ответила Катя.

Но ей вдруг стало жалко и себя, и его.

Спустя два дня, ничего не сказав Бережному, она отправилась в больницу. А еще через неделю Катя посмотрела на него грустными глазами и поблагодарила за заботу...

И все, возможно, сложилось бы хорошо, но Бережной почувствовал иронию в Катиних словах. Он знал, что она достаточно умна, чтобы не заметить его жалкую растерянность во всей этой истории. И, вспоминая поцелуй ее непривычно холодных губ, он ощутил, что от стыда у него горит лицо.

«Жалкий трус и сукин сын! А еще фронтовик», — думал он. Давал сам себе клятвы, что в будущем он загладит свою вину перед Катей. Он никогда больше не поставит ее в такое положение. Они обязательно поженятся. Он сделает ее жизнь счастливой. Пока же они будут жить отдельно друг

от друга, реже встречаться. Пусть ничто не мешает ее учебе.

Этимися мыслями он поделился с Катей. Она выслушала его молча. И вместо ответа, в знак согласия, кивнула головой.

Все последующие годы учебы в институте Катя жила как бы по программе, составленной Бережным. Заниматься она стала хорошо.

Но вот и учеба кончилась. Когда пришло время Кате «искать дорогу в науку», то есть поступать в аспирантуру, она сама удивилась тому, как спокойно теперь воспринимает человека, о котором только и думала последние четыре года.

* * *

Так бывает, наверное, всегда, когда девушка разочаруется в любимом. Катя вдруг нашла в Бережном уйму недостатков, о которых раньше и не подозревала. Заметила, что он, пожалуй, уж очень простоват, не находчив в ответах, одеваться со вкусом не умеет. И совсем уж равнодушно она слушала рассказы Бережного о селекционных опытах. Все про пшеничную озимь... Все про способы опыления...

Теперь, оглядывая Алешину комнатуху, помещавшуюся на третьем этаже студенческого общежития, Катя ощущала жалость к хозяину этого неуютного жилища. Уж очень все здесь было убого.

— Что, тебе мой дом не по вкусу? — спросил однажды Алексей, перехватив ее взгляд.

— А разве тебе он по вкусу?

— Вполне. Здесь замечательно работается.

— Вот как!.. И все ваши научные сотрудники живут так, как ты?

— Нет. Некоторые получили квартиры в новых домах.

— Почему же тебя обошли?

— Просто я не просил. Мне и здесь неплохо. А, впрочем, я не собираюсь оседать в городе... Селекционер должен быть ближе к полям, к земле... Так вот, закончу опыты, ты — аспирантуру, и тогда переедем мы с тобой, Катенька, на наши степные просторы, — он шутливо толкнул ее в бок.

Она с недоумением посмотрела на него. Улыбка сошла с его лица.

— Ого! Да ты, я вижу, шуток не любишь. Строгая стала!

— Я просто не понимаю... Квартира тебе необходима как научному работнику.

— Да не в этом дело! — взмахнул широкой ладонью Алексей. — Пойми, все мы много болтаем о близости науки к жизни и тому подобное, а сами частенько занимаемся агробиологией на городском асфальте.

— Вот как! — пожала плечами Катя.

Она заторопилась уходить.

Думая об Алеше и их последнем разговоре, Катя сердилась на него: «Всю жизнь будет пшеницей бредить». Она же всегда в его мыслях будет оставаться на втором плане.

Однако вскоре он снова почти восстановил в ее глазах свой авторитет.

Случилось это во время вступления в аспирантуру, когда экзаменаторы встретили ее приветливо, словно старую знакомую. Причина такого благожелательного отношения открылась Кате во время беседы с председателем приемной комиссии академиком Крыленко. Когда, волнуясь, девушка начала рассказывать о своих опытах по селекции озимых пшениц, Крыленко улыбнулся и прервал ее речь:

— Да мы уже знаем о вашей мечте... о ваших опытах. Об этом нам говорил Бережной.

Катя мысленно поблагодарила Алексея и, став аспиранткой сельскохозяйственного института, начала помогать Бережному в научной работе, проводила целые вечера с ним в теплицах и лабораториях, вела записи. Бережного радовало, что Катя, наконец-то, заинтересовалась селекцией и превратилась в хорошего помощника. А в таком помощнике молодой ученый очень нуждался. Опыты над гибридами новых зимостойких сортов пшеницы требовали много внимания. Иногда их совместная работа прерывалась вспышками былой любви.

«Катя, мнлая... Я на пороге осуществления своей мечты», — думал Алексей.

Глава 3. ТРУДНЫЙ ПУТЬ

И вдруг в их жизнь неожиданно-негаданно вошел другой человек — Валерий Борисович Песков. Сначала Кате не понравился высокий, склонный к полноте доцент-биолог. Все в нем казалось ей наигранным: и подчеркнутая вежливость, и воркующие переливы голоса, и самоуверенный взгляд черно-бархатных насмешливых глаз.

В институте Песков работал несколько лет, и о нем успело сложиться прочное мнение как о человеке, который добьется быстрого успеха. В свои тридцать лет он опубликовал в разных журналах более десяти научных работ по селекции растений.

Появление на кафедре новой аспирантки Песков в первые дни словно не замечал. Ей это показалось даже обидным. Но однажды, когда они остались вдвоем в лаборатории, Валерий Борисович вдруг взял ее за руку.

— Извините меня, но я человек прямой и решился... Мне очень хотелось бы сегодня побывать с вами в театре. Пойдете?..

Катю настолько удивило неожиданное предложение, что она не нашла, что ответить и только высвободила свою руку.

— Нет, нет... Я не могу. Я занята... — пролепетала она. Но, почувствовав, как вспыхнуло ее лицо, тотчас подавила свое смущение и ответила: — Я с вами никуда не пойду.

Пескова, видимо, обескуражил такой отказ.

— Не ожидал... — признался он. — Но то, что вы неговорчивая, мне даже нравится. И для первого знакомства этого, пожалуй, достаточно... Как вы думаете?

— Вполне.

И, к удивлению, почувствовала, что ее раздражение прошло. Видимо, предложение Пескова было искренним и не стоило сердиться.

Ежедневно доцент сообщал девушке последние институтские новости, о которых, кроме него и заведующей кафедрой, еще никто не знал. Кате постепенно перестали казаться нарочитыми его манеры. К тому же Песков, узнав однажды, что она занята в селекционной работе Бережного, как-то странно улыбнулся и обронил фразу, которая крепко запомнилась девушке:

— Учтите, дорогая, что в науке со старшими спорить не нужно — дело прямо вредное... Вот у меня... А вот ваш чудак Бережной, говорят, с самим академиком пререкается — спорит. А ведь это — что головой о стенку биться... Лучше бы, чем стишками заниматься, об этом серьезно подумать.

На Катю эти слова произвели впечатление. Она теперь все реже и реже посещала Бережного, почти не появлялась на опытном поле, в лаборатории. Иногда после работы она встречалась с Песковым.

Бережной как-то вечером, бродя возле Катиного дома, увидел ее, идущую под руку с высоким, модно одетым мужчиной. Катя так увлеклась своим спутником, что не обратила на Алексея никакого внимания. В другой раз он встретил ее с Песковым в кино. Катя снова не заметила его. Хотелось спросить, почему она не говорит ему правды. Почему скрывает? Но тут же Алексей подумал: «А разве я поставил дело так, что она обязана отчитываться передо мной в своих чувствах? Значит, глупо корчить из себя доморощенного Отелло!»

И вот, наконец, случилось то, чего Катя боялась: наступило время, когда ей в самом деле надо было сказать близкому человеку правду. Пусть даже беспощадную. Другого выхода у нее не было.

...После долгих размышлений Катя решила написать Алеше письмо. Она села за стол.

«Все без утайки расскажу тебе. Тогда ты поймешь и простишь», — подумала она и по привычке обернулась к пожелтевшей фотографии Бережного, висевшей над ее кроватью. Ей показалось, что Алеша глядит на нее с укоризной.

— Ну, не смотри так сердито, — усмехнулась девушка. — Ведь все равно простишь... Я знаю.

Перо заскользило по бумаге. Через час она поставила последнюю точку, но, когда прочитала, то поморщилась от досады. Письмо скорее напоминало оправдательную докладную, составленную витиеватым слогом. А ей хотелось, чтобы оно было похоже на искреннюю исповедь. Катя порвала неудачное сочинение и взялась было снова за письмо, но тут раздался звонок в передней. Она побледнела. Ей почудилось, что сам Алеша пришел для объяснения.

— Мария Харитоновна, меня нет дома, — шепнула она старухе, но было поздно.

Дверь была отперта. Катя снова бросилась к себе в комнату. Однако ее испуг оказался напрасным. В передней послышался воркующий басок Пескова.

— Не сердитесь, ради бога! Да, я без приглашения появился у вас. Но я не мог... — он неожиданно прервал свое извинение и, схватив ее руки, стал их целовать. — Я не могу, не могу, — шептал Песков, и девушка почувствовала на своих губах поцелуй.

Вспомнив Алешу, она отстранилась от Валерия Борисовича.

— Мне нельзя целоваться с вами,— сказала Катя и показала глазами на выцветшую фотографию Алеши.— Нельзя.

Валерий Борисович посмотрел на фотографию и громко рассмеялся.

— Но ведь он еще не ваш муж! Хотите, я с ним объяснюсь как мужчина с женщиной?

— Вы его не знаете! Он и слушать вас не станет... Он любит меня.

— А вы?

— Он для меня как брат родной... Алеша столько сделал хорошего. Я очень уважаю его.

— Понимаю... Из уважения вы намерены выйти за него замуж, а? Очень убедительно. Но я все же поговорю с ним.

— Ни в коем случае!

Она холодно посмотрела на Пескова. И видя, что он погрустнел от ее сердитых слов, добавила уже спокойнее:

— Я сама должна объясниться с Алешей. Даже решила написать ему письмо — вот,— девушка подошла к столу, открыла ящик, вынула клочки разорванного письма.— Вот, видите...

— Вижу, но не совсем понимаю. Почему же вы разорвали написанное?

— Потому что письмо не удалось. Я боюсь его обидеть.

— Вы уверены, что это вам удастся? Не обидеть?

— Попробую...

С этого вечера Песков стал почти ежедневно бывать у Кати. Они смотрели телевизор или играли с Марией Харитоновной в карты. Так проходили дни, пока болел Алексей. И Катю все страшило то, что он, выздоровев, снова увидит ее с Песковым. Такая встреча, действительно, вскоре произошла в рабочем клубе, где вместе с Валерием Борисовичем она слушала концерт.

Выходя в антракте из зрительного зала под руку с ним, Катя столкнулась лицом к лицу с Алексеем. Разойтись было совершенно невозможно. Смуглое лицо Кати посерело. Ей показалось, что Алеша смерил ее презрительным взглядом, оскорбительным, как пощечина, и вот сейчас бросит жгучее, обидное слово...

Растерялся, увидев Бережного, и Песков. Катя чувствовала, как дрогнула рука, державшая ее локоть. Но Алеша поздоровался и стал объяснять, что попал на концерт случайно, потому что читал в клубе лекцию о Мичурине. Спо-

койными глазами он смотрел на стоявшую перед ним пару. Затем объявил, что торопится в институт, и исчез в толпе.

Встреча была такой неожиданной и мимолетной, что потом, уже сидя в зрительном зале рядом с Песковым, Катя невольно подумала, а не привидилось ли ей все это. Она не слушала концертную программу. Рассеянно, невпопад отвечала на вопросы Валерия Борисовича, а когда вернулась домой, в свою комнатуху, не раздеваясь, бросилась на постель и разрыдалась. Потом долго не могла уснуть. Перед ее глазами все еще стоял улыбающийся Алексей...

Ясные, родные серые глаза... И Катя вдруг поняла, что Алеша вряд ли был спокоен. Он просто нашел в себе силы, чтобы сдержаться... Очень смутно она сознавала, что все же по-настоящему любит Алешу. Что он роднее и дороже любого Пескова. Но в то же время понимала, что произошло непоправимое. Алексей, наверное, уже никогда не сможет простить ее, даже уважать. Думать об этом было тяжело и грустно. И, отгоняя от себя неприятные мысли, она, сама не зная почему, продолжала встречаться с Песковым. И уже не стеснялась появляться с ним в местах, где можно было встретить Бережного: и в институте, и у его друзей, и знакомых.

Катино предположение, что за спокойной улыбкой Бережного скрывается душевная буря, было верным. Алексею стоило огромных усилий не броситься на Пескова. Валерий Борисович и не подозревал, что во время встречи с Бережным он был, как никогда, близок к реальной опасности. Но нервы Алексея не сдали. Он смог подавить гнев, смог не выдать своих чувств. Не унижить себя грубостью.

Алексей улыбнулся. И смотрел на Катю. На свою родную, любимую, единственную. Сейчас такую испуганную, смущенную, жалкую.

И, может, этот Катин испуг придал ему силы сдержаться, не опозорить самого себя, свое достоинство и, как ни странно, ее. Да, именно ее...

Зато потом, когда он вышел из концертного зала на улицу, неодолимая сила понесла его в темноту. Он шагал яростно, и самый длинный путь не мог утомить его, отвлечь от тяжелых раздумий.

Он остановился, когда вышел за город, в степь, где начинались опытные поля института. Спотыкаясь, пошел вдоль грядок, засеянных сортовой пшеницей. Отыскал во

тьме свои посевы — уцелевшие, выдержавшие зимнюю стужу, гололед, скудные кустики озимой.

— Милые вы,— бормотал он ласково.— Вы, как я, все выдержите, выдюжите...

Эти редкие кустики сейчас казались ему символом той всепобеждающей силы, которая разлита повсюду в природе, прямым, способным преодолеть все на свете. Делает его счастливым и достойным уважения.

Он присел на рыхлую, недавно вспаханную землю возле своего участка. Успокоился от прикосновения к этой весенней земле. И его мысли стали выстраиваться в более стройный ряд. Нет, он теперь и, наверное, никогда не сможет быть с Катей. И не потому, что он, Алексей, разлюбил ее. Катя навеки ему родной, близкий человек. Он не сердится на нее. Потому что сам виноват перед ней. Да, он чем-то очень обидел ее. Может быть, своей проволочкой с женитьбой? А может быть, тем, что не остановил тогда, не настоял, что нужно оставить ребенка? И вот какой бедой все это обернулось...

Рассвет застал Алешу на опытном поле.

И когда взошло солнце, Бережной убедился, что природа словно преподносит ему и его посевам новый сюрприз.

* * *

Сухая душная весна неожиданно сменила холода. Лучи не омраченного облаками солнца превратили продутую морозными ветрами землю в раскаленную серую пыль. Горячая земля обжигала уцелевшие озимые растения.

Ясная небесная синь, настоянный на жгучей энергии солнца воздух казались Алексею свирепыми врагами. И эти страшные противники сделали то, что было не под силу ни морозу, ни ледяному ветру. Через неделю участки Бережного представляли грустное зрелище. На выжженной земле уцелело несколько десятков пшеничных кустиков. Одни из них маленькие, хилые. Другие — покрепче, повыше. Кустики напористо тянулись в пылающее зноем небо.

«Дьявольски не везет! Надо же, чтобы эта весенняя сушь сменила морозный ветер! А ведь такая жара похуже для моей озимой, чем убийственный холод»,— бормотал про себя Бережной, оглядывая свою делянку. Но как обстрелянный солдат в трудные дни на фронте убежден в пе-

реломе обстановки, так и Алексей продолжал верить в успех своего опыта.

«Что ж, нет худа без добра! Может быть, даже хорошо, что природа так безжалостно обрушилась на эту пшеницу. Она проходит сейчас великолепную закалку. И если хоть один ее росток уцелеет, это будет большой победой! Зерна выжившего колоска станут основой такого нового сорта озимой, которому уже не придется бояться никаких капризов природы», — думал он. Алексей был рад, что Катя не бывает на опытных полях селекционного института. «Слава богу, что она не видит, до какого жалкого состояния дошел мой посев. Эта веселая картина ее здорово расстроила бы...»

В то же время ему очень хотелось поделиться своими мыслями с товарищем. Близким человеком он привык считать Катю. И теперь нелегко было сознавать, что та девочка, для которой он готов был жертвовать всем, вдруг перестала его понимать. Бережной по-прежнему старался скрыть от окружающих мрачное настроение. Он напрягал все силы, чтобы казаться уравновешенным. «Кому интересно смотреть на мою кислую физиономию? Нельзя падать духом», — подбадривал он себя.

Подобно тонкой корке льда, покрывающей реку, безмятежная ясность его глаз скрывала огромное нервное напряжение. Однако скоро Алексей понял, что тех, с кем он вместе работал, его внешнее спокойствие не могло обмануть.

После внезапного мороза и гибели его посева научные сотрудники института перестали расспрашивать Бережного о ходе опыта. Он считал такое отношение проявлением равнодушия и черствости. Но однажды убедился, что глубоко ошибался в этом. А случилось это так. Алексей засиделся за картотекой, что находилась в маленькой комнатке, отделенной тонкой стеклянной перегородкой от отдела пшениц, и вдруг услышал разговор, в котором несколько раз упоминалось его имя. Он невольно насторожился. До него явно донесся звонкий и уверенный голос одной из сотрудниц Веры Федоровны Злобницкой. Алексей называл ее про себя женщиной-ухарем и считал своей недоброжелательницей. От этой седой женщины, чем-то напоминавшей ему высохший пшеничный колос, он в свое время выслушал немало неприятных «проповедей».

Вера Федоровна, или Верочка, как звали ее сотрудники, начала свою работу в институте лет двадцать пять назад, когда он представлял собой скромную опытную станцию.

Злобницкая хорошо знала всех корифеев отечественной селекции, цитировала наизусть их труды, а в институте о ее изумительной памяти ходили легенды. Говорили, например, что в небольшой головке Веры Федоровны, увитой золотисто-седыми прядями, как в образцовой картотеке, уместились все тридцать шесть тысяч названий сортов озимой пшеницы, существующих на планете. Казалось, что нрав Злобницкой соответствовал ее фамилии. Она становилась непримиримо сердитой, если замечала, что кто-то из коллег без должного почтения относится к селекционной науке. Такому человеку Верочка немедленно объявляла войну. Алексей в первые дни своего появления в институте как-то в присутствии Злобницкой пошутил, сказав, что хорошее качество селекционера определяется, очевидно, его способностью жариться на солнышке. Верочка не поняла шутки и усмотрела в этом хулу селекционной науке. Она гневно прищурила свои маленькие глазки:

— А что вы понимаете, молодой человек, в этом деле? Вы только со студенческой скамьи, а уже беретесь судить.

И много раз потом Вера Федоровна читала молодому коллеге длинные нравоучения на эту тему. Не обладай он неиссякаемым добродушием, вряд ли дело кончилось бы миром. Хотя «нападки» Злобницкой постепенно прекратились, в душе Алексея все же остался от них неприятный осадок. Поэтому он был очень удивлен, когда услышал, как Злобницкая распекает из-за него двух сотрудников: поджарого пожилого доцента Вигрянского и чернявого крепыша аспиранта Мальченко.

— Вы хотите спросить у Бережного о его опытах? Помоему, сейчас, когда вы знаете о его неудаче, это просто бестактно. Разве вы не видите, как он удручен? Задавать ему такие вопросы, значит, сыпать соль на открытую рану.

— Вы чересчур деликатничаете, Вера Федоровна! — прозвучал уверенный тенорок Мальченко.

— Деликатничаю? Я, Валентин Васильевич, считала вас тонким человеком. Представьте себя на его месте...

— Вы преувеличиваете! Он все так же ходит на свои боксерские тренировочки.

— Эх, дорогой мой, ничего вы не понимаете.

— Но, Вера Федоровна, я — за чуткость! И потому считаю, надо с ним поговорить. Успокоить.

— А мне кажется, что он обойдется без советов. Надо, чтобы человек сам мог, как говорится, отдышаться.

Бережному вдруг захотелось распахнуть дверь и горячо поблагодарить своих товарищей по работе, особенно Веру Федоровну. Какой прекрасной души человек! Есть ведь на свете такие! Есть... А он-то, чудака, считал ее злюкой!

Он тихо вышел в пустой коридор, прислушиваясь, как стук сердца сливается с гулким эхом его шагов.

Глава 4. ЗОВ ЗЕМЛИ

Неподалеку от асфальтовой дорожки, ведущей в парк, Бережной увидел дорожную фигуру старшего научного сотрудника Карпова. Его загорелое лицо было припудрено коричневым слоем пыли. Заметив Алексея, Карпов широко улыбнулся. Бережной поздоровался, и они неторопливо пошли рядом.

— Ты мне сейчас очень нужен! Идем на опытное поле.

По неписаному закону института сотрудник не мог отказать коллеге в совете. Карпов спешил в столовую, и ему не хотелось возвращаться на опытное поле. Но ломать традицию никому не дозволено, и он уныло произнес:

— Что ж... Пошли!

Через несколько минут они были уже на опытном участке.

— Вот видишь, в них моя надежда. Будущее мое... — Бережной показал на неувядшие растения.

— Ну зачем ты, фронтовая душа, меня сюда тащишь? Мне твои колоски, Алеша, напоминают последние патроны у солдата в бою. Это, конечно, правильно, что ты сражаешься до конца, но... — лицо старшего научного сотрудника снова стало серьезным. — Ты не должен обольщаться. Где гарантия, что из нескольких растений получится именно то, чего ты добиваешься? Надо считаться с фактами.

— Вот я к фактам и веду дело, — сказал Алексей. — У меня ранее вызревали колосья, похожие структурой на твердую озимь, ну, они как бы родственники этих растений. Вот как соберу зернышки да поеду агрономом в колхоз лесостепной полосы... И там на полях испытаю зерна новой озимой. Как ты на это смотришь?

— Как на пустую затею. Могу заранее сказать, что моря тебе не поджечь... Настоящей селекцией можно заниматься только тут, в институте. Твой порыв — донкихотство. В колхозе трудно будет заниматься наукой. Ну разве только ради громкой фразы...

Эти слова озадачили Бережного.

— Мне кажется, что решать задачи науки нужно сообща...

— Можно подумать, что я проповедую какой-то индивидуализм в науке,— усмехнулся Карпов.— Я повторяю: в колхозе у тебя не будет благоприятных условий для опытов.

— Самое лучшее условие — это производство. Живая жизнь! — Алексей взмахнул рукой, словно отбрасывая куда-то в сторону все, сказанное Карповым.— У нас в институте в чести только так называемый метод направленного воспитания растений. Он и составляет всю «науку». Все остальное академик Крыленко и ты считаете — от «лукавого». А генетика? Гены? Хромосомы? Упаси бог!

— Ну, брат, это ты слишком! Я ведь...

— Выслушай до конца,— перебил его Алексей.— Уж если наш институт превратился, собственно говоря, в селекционную станцию, так я и решил уйти из этих железобетонных стен, где только играют в науку! Вырваться на колхозные просторы! Меня тянет к земле, как моряка в океан. Вот наши старики только и твердят, что самые лучшие условия для науки — производство. Вот я и поищу эти условия... К тому же мне нужно, чтобы моя озимая твердая была, приспособлена к условиям лесостепной полосы. А наши институтские поля расположены у самого Черного моря. Здесь нет тех природных условий, которые необходимы для моего сорта.

— Не большая, в общем, разница,— не унимался Карпов.

— Огромная разница! Ведь здешняя черноморская озимая, когда ее посеяли под Москвой, за один год так приспособилась к другим условиям, что даже внешне изменила свою структуру.

— Знаю,— прервал его коллега,— ты мне лекцию не читай.

— Потому-то, несмотря на всю любовь к черноморским пляжам, мне надо уезжать отсюда этак километров на двести-триста севернее.

— И только в этом причина?— Карпов как бы хотел намекнуть Алексею на его нелады с Катей.

— Есть еще одна, не менее важная,— не заметил подвоха Бережной.— Даже не причина, а мечта! Чудесная мечта! На селе еще очень много дел, а я...

— Стоп, Бережной! Пощади меня! Я не могу слушать подобные излияния. Пора остепениться... Все это мальчишеская романтика!

Алексей обиженно повернулся и быстро пошел прочь. Карпов догнал его и по-дружески положил свои тяжелые руки ему на плечи.

— Эх, Алеша, гляжу я на тебя, а ты такой же, как и прежде. Ну, не сердись!

— Да я вовсе не сержусь,— Бережной посмотрел на него спокойными глазами.

— Значит, согласен со мной?

— В том-то и дело, что нет.

— Где же логика?

— Могу объяснить,— Бережной сделал паузу, как бы собираясь с мыслями.— Вот мы любим говорить о высокой культуре земледелия. А разве можно ее достичь, этой самой культуры, не используя достижения науки? И выходит, что колхозам сейчас, как никогда, нужны ученые, то есть мы с тобой... Повторяю, меня зовет поле. Вот и вся логика.

— Все ясно!— произнес Карпов.— Я тебе в этом не попутчик. Поездку в колхоз считаю лишней. Лучше составить план дальнейшей работы, продолжать опыты без ненужного риска здесь, в институте... и не рыпаться. А сейчас время нашей дискуссии окончено,— он посмотрел на часы.— Не будем больше спорить, а то, пожалуй, поссоримся.— И он улыбнулся.

Бережной изобразил ответную улыбку. Карпова, видимо, это задело.

— Не согласен? Ну, спроси других. Каждый скажет, что ты порядком того... зафантазировался. Не веришь мне, поговори с Крыленко. Старик будет рад встрече.

Всю дорогу с опытного поля до института они избегали говорить о селекционных делах. И хотя при расставании простились по-дружески, в душе затаили, очевидно, досаду.

* * *

Бережному не терпелось поделиться с академиком своими мыслями. После работы он позвонил Крыленко по телефону и попросил разрешения зайти к нему по неотложному делу.

— По неотложному? Хм... Любопытно,— услышал Алексей знакомый голос.— Ну что ж, приходите сейчас...

Крыленко жил в двухэтажном домике, расположенном неподалеку от высокого корпуса института. Дверь Алексею открыл сам. Был не брит, одет в старенький свитер и синие брюки, в которых обычно появлялся на опытных полях.

— Мария Захаровна приболела. Вероятно, заразилась от меня гриппом. Проходите, молодой человек.

Мария Захаровна была матерью недавно умершей жены Крыленко.

Жилище академика поражало своей чистотой. Уютно поблескивал дубовый паркет, мерцал темно-вишневый лак скромной мебели, прохладным хрусталем сияли стекла массивных книжных шкафов. Снежно белела постель на черном кожаном диване. Образцовый порядок царил и на зеленом поле огромного письменного стола. Здесь стопками лежали рукописи, диаграммы, пластмассовые коробочки с пшеничными зернами.

Тут же, на столе, в резной раме стояла фотография молодой, застенчиво улыбающейся женщины, Нины Карповны — покойной жены Крыленко.

Вздыхнув, Бережной опустился в кресло. Федор Петрович провел ладонью по седым волосам.

— Только, чур, Алексей Николаевич, давайте без вздохов. Чего-чего, а грусти я не люблю.

В голосе Крыленко прозвучала бодрая нота, сразу настроившая Бережного на душевный лад. Он стал рассказывать о своих опытах, сомнениях, планах. Покуривая трубку, академик слушал не перебивая. Когда Алексей посетовал на то, что его опыты, вероятно, еще не скоро увенчаются успехом, Крыленко крякнул и, сердито выпустив табачное облако, неожиданно перебил:

— За нашими делами — сама жизнь! Не стоит подобным образом отчаиваться...

— Да я...

— Не спорьте! Особенность нашей селекционной работы,— продолжал Крыленко,— в самой безжалостной терпеливости! Да! Жизнь человека коротка, а чтобы переделать природу растения, создать новый сорт, иногда нужны десятки лет. Как долго работаете вы над своей морозостойкой твердой?

— Шестой год!

— Вот видите, только шестой, а все, поди, не терпится поскорее доказать правоту.

— Есть такой грех.

— А это, представьте, и не грех. Это очень хорошо и вполне закономерно, что вы торопитесь. Но надо помнить главное — дать такие семена хлеборобам, чтобы они нам спасибо сказали. Поэтому надо спешить, но только людей не насмешить. А вы, насколько я понимаю, уж очень торопитесь.

— Тороплюсь... из института в колхоз.

— В колхоз? Гм...— академик прищурил свои чуть раскосые глаза и задумался.— Понимаю. Вы хотите на опытном поле лесостепной полосы испытать новый сорт? Так? И найти подходящую местную пшеницу, чтобы скрестить с нею твердую озимь? Ведь ваша пшеница из тех же местных сортов?— Крыленко лукаво прищурился и вопросительно посмотрел на Бережного.

— Вот именно,— кивнул головой Алексей.

Его серые глаза блеснули.

— Мне, патриоту института, вы не боитесь заявить, что хотите заниматься опытами вне его стен?

— Да, именно вам я не побоялся сказать это,— пояснил Бережной.— Мне хочется создать в колхозе опытное поле. Что-то вроде научного пункта, где бы с учетом местных условий не только испытывались, но и выводились новые высокоурожайные пшеницы. Ведь этого, Федор Петрович, сама жизнь требует. Пора серьезно заняться семеноводством. Нужно это дело на научную основу поставить!

— Гм...— задумался академик.— Идея заманчивая, но разве можно вести серьезную научную работу без современного технического оснащения? И потом... Вы советовались с товарищами?

— Только с Карповым.

— И что он?

— Против. Мол, в условиях колхозного производства трудно заниматься опытами.

— А не кажутся ли вам эти слова примелькавшимися? Трудно, трудности...

— Он сказал еще, что в данном случае лучше будет, если я завершу опыты в институте.

— Над этим нужно подумать всем вместе.

Федор Петрович встал с кресла и, дымя трубкой, подошел к письменному столу. Выдвинул тяжелый ящик, из-

влек из него зеленую папку с крупной красной надписью «Переписка». Открыл ее и, достав письмо в аккуратно разрезанном конверте, подал Бережному.

Алексей вынул листок и хотел было прочитать, но Крыленко остановил его.

— Подождите, сначала посмотрите, что написано на конверте.

Бережной пробежал старательно выведенные слова, но когда прочел обратный адрес, остановился. Потом невольно произнес вслух: «Колосовка». Название родного села, где он не был столько лет, многое воскресило в его памяти.

* * *

Усилием воли Алексей отогнал нахлынувшие на него воспоминания и стал читать письмо. Написанные твердой мужской рукой строчки заставили учащенно забиться сердце. Некто Ильчук, демобилизованный офицер, ныне заведующий Домом культуры села Колосовка, писал, что он, служа в армии, мечтал стать агрономом.

«Теперь я на почетной работе, а все же хотел бы поменять свое директорство на студенческую жизнь. Поэтому убедительно прошу сообщить, когда в институте приемные экзамены на первый курс».

— Он, видимо, не знает, что наш институт не набирает студентов,— сказал Бережной.— Такое заблуждение испытал и я, когда пришел с войны.

— Значит, я не зря показал вам это послание? Поможет офицеру?

— Конечно!— улыбнулся Алексей.

— Сообщите же ему, когда экзамены в сельскохозяйственном институте. Пусть сначала приезжает прямо к нам. Побеседуем.

Алексей записал адрес Ильчука, хотел было проститься, но Федор Петрович его задержал.

— Погодите, погодите! Хотите поесть?

— Спасибо. Я сыт.

— Что вы сегодня ели?

— Суп, жаркое, компот,— с некоторым удивлением стал перечислять Бережной.

— Довольно!— взмахнул рукой Крыленко.— Мы, биологи, учимся кормить растения, а сами питаться не умеем. Человеку умственного труда надо употреблять пищу, бога-

тую фосфором: яйца, рыбу, овощи, а вы — мясо да мясо! Кстати, вы умеете готовить яичницу?

Через несколько минут оба стояли на кухне у газовой плиты, наблюдая, как на сковороде, шипя и брызгая маслом, жарилась глазунья. Их лица были торжественными.

— Оказывается, не очень сложно,— подмигнул Алексею Федор Петрович, поддевая ножом подрумяненный белок.

За их спиной слышались шаркающие шаги, и в кухню вошла сгорбленная старуха в полосатом домашнем халате. Алексей узнал мать покойной жены Крыленко.

— Что ж ты, Федя, творишь?— с упреком обратилась вошедшая к зятю.— Смотри, какой чад идет... Я с кровати поднялась, думаю, что-то загорелось.

— Поесть, Мария Захаровна, захотелось, да и гостя покормить,— показал глазами на Бережного Федор Петрович.

— Ты бы меня кликнул,— взглянув на сковородку, старуха всплеснула руками.— Ох, беда какая! Так и есть — сожгли яичницу!

Она потушила горелку и властно сказала:

— Вот что, повара, идите-ка в кабинет. Я вам, так и быть, другую яичницу приготовлю.

Мужчины переглянулись, смущенные своей неудачей. Не прошло и пяти минут, как в кабинет вошла Мария Захаровна и поставила на стол сковородку с глазуньей. Янтарные желтки были присыпаны мелко нарезанным зеленым луком, ароматно пахли и вызывали аппетит.

— Вот что значит мастерство!— причмокнул губами Крыленко и, вооружившись вилкой, предложил Алексею последовать его примеру.

Яичница оказалась такой вкусной, что оба вмиг уничтожили все, что было на сковороде.

— Видите, Алеша,— улыбнулся Федор Петрович, вытирая салфеткой губы,— наша попытка приготовить яичницу весьма поучительна. Казалось бы, самое простое дело — разбить яйцо и поджарить. Но и это может оказаться не под силу даже таким ученым мужам, как мы, если теоретические познания не подкреплены практикой. В самом деле, чего стоят труды некоторых кабинетных деятелей науки, которые далеки от жизни, например, как мы с вами от поварского искусства.

— Вы, очевидно, имеете в виду некоторых своих противников?

— Не только их, а всех, кто примазывается к науке.

— Вот поэтому я и хочу уехать из нашего института, Федор Петрович!

— Не дерзите! Такие слова другой бы вам еще припомнил... Но я, видимо, становлюсь уже старым...

— Я хорошо знаю, Федор Петрович, что вы добрый человек и поэтому не боюсь говорить вам правду.

По тонким губам Крыленко скользнула улыбка.

— Не советую все же слишком испытывать мою доброту.— Голос его стал серьезным и суровым.— Обещаю содействовать вашему переводу из института в колхоз. Договорились?

В знак согласия Алексей крепко пожал руку хозяину дома. Вот ведь человек какой. Терпеливо вынес все его дерзости да еще обещает помочь. Поистине у него золотое сердце!

Когда Алексей вышел из квартиры Крыленко, над высокими колоннадами огромного здания селекционного института мерцали мутные весенние звезды. В воздухе плавали тонкие запахи пробуждающихся цветов.

Глава 5. СТЕПНОЙ ЛОГ

Высоко в небе ветер внезапно разорвал дымчатые облака. В широком черно-синем просвете показалась блестящая, словно умытая росой, луна. Ее полуночный свет озарил пустынную улицу поселка.

Двери большого квадратного здания с вывеской «Клуб» распахнулись. На улицу повалила шумная толпа. Поток людей вынес заведующего районным Домом культуры Ильчука и учительницу Квитку из душного кинозала в прохладную майскую ночь.

Ильчук, низкорослый большеголовый человек, предупредительно взял под руку девушку. Пройдя заросшим пахучей лебедой проулком, они вышли в освещенную луной степь. Перед ними лежала грунтовая дорога, что вдоль посадки прямехонько вела к густой россыпи огней — районному центру Колосовка.

Слегка пожимая ладонью округлый локоть спутницы, Ильчук вдруг прервал завязавшийся разговор неожиданным вопросом:

— Шурочка, вы, наверное, чувствуете, что я должен сказать вам нечто важное? Законно?

Девушка нервно пожала плечами. Ее большие серые глаза удивленно остановились на широкоскулом лице Ильчука.

— Я это не чувствую, Семен Демьянович. Разве вы не все рассказали о себе? И потом — сколько раз я просила не повторять этого «законного» словечка.

— Виноват... Больше не скажу. Но я вижу, вы ничего не понимаете, — Семен Демьянович махнул рукой. — Ребенок вы еще, Александра Андреевна. Настоящий ребенок!.. Поэтому так и получается.

Они шли вдоль полосы цветущих акаций. Из зарослей донеслась соловьиная трель.

— Слышите, Семен Демьянович? Соловей поет! Тише, потом расскажете, — приложила палец к губам учительница.

Ильчук поморщился. «Какая она красивая и душевная! — подумал он, взглянув на тонкий профиль Шурино лица. — Обязательно расскажу ей, что накопилось на сердце. Законно! Пусть только успокоится».

Соловей, к великой досаде Шуры, умолк. Пахнуло лесной сыростью. Белые гроздья акаций низко нависли над головой. Дорога теперь пролегала как бы в темном коридоре. Лунный свет, пробиваясь через листву, бросал по земле причудливые серебристые узоры.

— Видно, спугнули мы птицу. Потихе надо было идти, — прошептала Шура.

— Соловья, когда он поет, шагами не спугнешь. Просто ему, видать, петь надоело. И потом... — Ильчук остановился. — Соловей, наверное, почувствовал, что я хочу сказать вам о своей любви.

Девушка испуганно отстранилась.

— Семен Демьянович, да что вы? Ну зачем же так?

— Шурочка, вы — мое счастье. Законно... — он попытался взять ее за руки. — Ведь я уже много лет один-одинешенек.

— Ой! Смотрите, — прервала его Шура. — Какая огромная собака!

Ильчук быстро посмотрел в сторону, куда был обращен взгляд Шуры, и оторопел. В десяти шагах от него, не таясь, на освещенной лунным светом полоске дороги стоял похожий на большую овчарку зверь. Его черно-серая шерсть

отливала стальной сединой. В глазах поблескивали зеленоватые огоньки.

— Да это же волк! — вырвалось у Ильчука.

И он, как это свойственно мужественным людям в минуту опасности, вдруг почувствовал прилив ярости.

— Ату, серый! Пошел! — громко крикнул он и с поднятыми кулаками бросился на волка.

Зверь от неожиданного окрика вздрогнул, присел и стремительно прыгнул в кусты.

Ильчук вернулся к Шуре. Его клочковатые брови были воинственно нахмурены.

— Это и в самом деле был волк?

— Законно.

— И вы не побоялись...

— Что вы! Волки бывают трусливее собак. Только из-за попустительства наших горе-охотников они так обнаглели. Скоро в гости к самому председателю охотничьего совета пожалуют.

— А я и не думала, что вы такой храбрый, — призналась Шура.

— Да просто злость взяла. То соловей, то волк... Не везет мне, видно, в любви...

Девушке стало жаль его.

— Вот вы опять свое любимое словцо «законно» повторяете, — она улыбнулась.

— Больше не скажу, Александра Андреевна! Никогда!

Ильчук снова взял ее под руку. Шли молча. Из посадки дорога вывела их в степь. На холме показались белые домики Колосовки. В окнах уже гасли огни. Только железнодорожная станция продолжала сиять ожерельем огней. Они притягивали к себе Шуру. Ей хотелось теперь только одного — как можно быстрее добраться до поселка.

— После прогулки усталость нападает не только на ноги, но и на язык, — пытался пошутить Ильчук.

Чтобы прервать тягостное молчание, он рассказал несколько сравнительно свежих анекдотов. Но скрыть свое настроение ему не удалось.

«И чего я перед ней шута разыгрываю? Ведь она все понимает», — подумал Ильчук. Он сухо кашлянул и прервал анекдот на середине.

Они молча продолжали свой путь.

Ильчуку до самых незначительных мелочей припомнилась история их непродолжительного знакомства. Всего два месяца назад он, только что назначенный директором колосовского Дома культуры, встретил эту высокую худощавую девушку. Демобилизованный офицер, он имел весьма смутное представление о своих новых служебных обязанностях и чувствовал себя неловко. Но без долгих уговоров заведующего районным отделом культуры Засядько Семен Демьянович взялся за дело. Но с первого же дня понял, какую непосильную ношу взвалил на свои плечи. Его предшественник, ветеринар по специальности, за полгода основательно развалил работу. Жителей Колосовки, казалось, совершенно невозможно было заинтересовать культурными мероприятиями: лекциями, беседами, диспутами. Не удавалось приохотить к занятиям в кружках даже молодежь. Никакие объявления и красочные афиши не помогали. Люди не шли в Дом культуры. Подавленный своим бессилием, Ильчук бродил по пустующему зрительному залу, с тоской прислушиваясь к глухому стуку шаров из бильярдной. Только там по вечерам собирался кое-кто из мужчин. Но вот однажды он был атакован незнакомой девушкой. Это и была учительница Шура Квитка.

— Вы директор?

— Я.

— Когда у вас занятия кружка, ну, песни и пляски? Я хочу записаться.

Семен Демьянович объяснил, что такой кружок еще не организован.

— Почему? — в голосе Шуры прозвучала насмешка.

— Да потому, что здесь народ на подъем тяжелый.

— Ну, это не верно! — девушка сердито сверкнула большими серыми глазами. — Это вы, товарищ директор, наших людей расшевелить не умеете. Я сама здесь три года назад в самодеятельности участвовала.

— Так и помогите. Раскачайте.

— И раскачаю! Надо эту работу знать, — съязвила девушка.

Она еще хотела добавить несколько обидных слов, но Ильчук взглянул на нее и она запнулась. Большеголовый крепыш в клетчатых брюках, которые не гармонировали с защитного цвета кителем, видимо, не только был сму-

щен, но более того — подавлен ее словами. Он как-то ссутулился.

— Договорились? Подготовьте помещение. Обеспечьте баяниста. Завтра состоится первая репетиция.— Кивнув Ильчуку, Шура повернулась на высоких каблуках и ушла, оставив его в недоумении.

Действительно, на следующий день со сцены колосовского Дома культуры зазвучала песня. Народная.

Пели девчата и хлопцы. Среди них — механизаторы соседней ремонтной мастерской, старшеклассники из школы, где преподавала Квитка. Шура не только сдержала обещание, но сделала больше. Не надеясь, что Ильчуку так быстро удастся найти баяниста, она привела Павла Лысюка, чернобрового парня, недавно назначенного главным механиком колхоза. Он был неплохой баянист. Но побаивался, что участие в клубе самодеятельности подорвет его авторитет. Он долго отнекивался. Однако красноречие Шуры было таким убедительным и энергичным, что Павел вынужден был, в конце концов, взять инструмент на плечи и прийти на репетицию. Предусмотрительность Шуры оказалась кстати, потому что Ильчуку так и не удалось найти баяниста. Тот выехал в соседнее село на свадьбу.

Хор пел так увлеченно и громко, что заглушал стук шаров в бильярдной. И вскоре самые азартные игроки не выдержали, побросали свои кии и устремились в зрительный зал.

Ильчук все время стоял на сцене, наблюдая, как худенькая девушка руководит хором.

«С огоньком! Настоящий командир!» — подумал о ней. Пройдя путь от солдата до майора, Ильчук хорошо знал цену этому слову. Не всякому дано управлять людьми, уметь увлечь их за собой. Быть человеком, которого любят и уважают.

После репетиции Ильчук подошел к девушке с благодарностями, но Шура опередила его.

— Вот видите, товарищ директор, наш ансамбль начал жить! А как с другими кружками? Наверное, плоховато, а?

Вопрос был неожиданным. Слова признательности застряли в горле. Ильчук только утвердительно кивнул головой.

— Какое безобразие! Надо составить план работы кружков: шахматного, музыкального, кройки и шитья. У нас

столько женщин мечтают обучиться этому ремеслу. Я завтра вечером приду. Помогу вам. До свидания! — она взяла под руки двух подруг-учительниц и, шепнув им что-то веселое, сбежала со сцены.

С тех пор Александра Андреевна стала незаменимой помощницей нового директора. Да и как было не слушать советов такой удивительной девушки! Она помогла организовать кружки, подобрать руководителей, составила план лекционной работы...

* * *

Перемену в жизни Дома культуры вскоре заметило зоркое корреспондентское око. И в районной газете появилась статья «На подъеме», в которой расхваливалась энергия нового директора.

Но это не обрадовало Ильчука. Он не был тщеславен, и незаслуженная похвала вызвала в нем только досаду. Окончательно испортилось у него настроение после концерта, посвященного слету лучших тружеников сельского хозяйства. Особенно хорошо принимали зрители выступление ансамбля, которым руководила Квитка.

— Да ты, брат, мастер по части клубной работы, а говорил — не справишься. Скромничал... — громко похвалил Ильчука заведующий отделом культуры Засядько. — Я ведь знал, что бывшему офицеру любая работа по плечу.

Ильчуку хотелось сознаться в своей непричастности к подобным успехам, но что-то заставило его сдержаться. Станные отношения установились у него с Шурой. Даже дружбой нельзя было назвать ежедневные долгие беседы их на деловые темы. Все чаще Ильчук ловил себя на том, что в те вечера, когда Шуры не было рядом с ним, он тосковал по ней. «Не могу же я в сорок лет снова влюбиться, как юноша», — размышлял он. После развода с женой у него долгое время в душе оставалась жгучая обида. За два года, что прошли после разрыва, он не раз встречал хороших женщин, которые и по возрасту, и по характеру вполне подходили ему, но почему-то именно Шура стала самой желанной и необходимой.

Он целую ночь провел в бессонных раздумьях и решил испытать судьбу. Его план был по-армейски прост: «Если согласится выйти за меня, так я ее счастливой

сделаю,— думал он про себя.— А нет — уеду из этих мест, чтобы с глаз долой!»

В ближайший же вечер он предложил Александре Андреевне пойти с ним в кино. Девушка согласилась, но с условием — посмотреть новый фильм. Как на грех, новый фильм шел не у них, а в клубе совхоза, в поселке, расположенном в двух километрах от Колосовки. Они поехали туда попутным газиком.

Ильчук стал в длинную очередь за билетами у кассы. Но Погоженко, заведующий клубом, лишь только увидел его, вскинул на него удивленные маленькие, как пуговики, глаза:

— Ну что это вы, Семен Демьянович! Обижаете нас... Ведь для вас найдутся самые лучшие места...

Возвращаясь после просмотра фильма, Ильчук медленно шел по длинной улице Колосовки, пока его спутница не остановилась у калитки беленького дома. Шура хотела было юркнуть во двор, но Семен задержал ее.

— Завтра, Александра Андреевна,— запинаясь начал он,— я пойду в райком партии и попрошу назначить вас директором Дома культуры.

— Зачем? Ведь я учительница!— удивилась Шура.

— А кто бы в районе мог лучше вас работать на этом месте, с огоньком, с душой, по-настоящему? Тут потрудней, чем в школе. И вы, Александра Андреевна, должны пойти на эту работу.

— А вы что будете делать?

— Не беспокойтесь. Мне надо отчаливать отсюда. Законно! Надо, Шурочка, профессию приобретать, чтобы она была по моему солдатскому характеру, по душе, по способностям. Я давно думал: в студенты подамся. Хочу на агронома выучиться. Ничего, что под сорок... и в пятьдесят учатся.

— Вы решили уехать отсюда?

— Да. Как только выведу волков в районе, так и уеду,— он улыбнулся.— Ну, прощайте! Вы, вижу, торопитесь. Приятного сна.

Он пожал руку девушке и, зябко сутулясь, зашагал по ночной безлюдной улице. Шура смотрела ему вслед, а он торопился, чтобы она не видела его расстроенного лица.

Незаметно для себя он очутился на знакомом чистеньком дворике у порога небольшого флигеля. За дверью послышалось собачье повизгивание. Он повернул ключ. Огром-

ная овчарка с приветственным лаем положила ему лапы на грудь.

— Успокойся, Чингиз!

И пес, привыкший слушаться хозяина, покорно лег у порога.

Ильчук зажег лампу, осветившую небольшую горенку. В углу белела приготовленная постель. Возле нее на столике стояла кружка молока с ломтем хлеба. Семен залпом выпил молоко, разделся, потушил лампу и лег в постель. Несмотря на усталость и позднее время, колючие, как стальные иглы, мысли не давали уснуть. Он долго ворочался, вздыхал и уже хотел было снова зажечь лампу, сесть за книгу, как вдруг почувствовал на своей руке теплый шершавый язык Чингиза.

— Друг ты мой косматый! Чувствуешь, что у меня на сердце? Чувствуешь...— Семен погладил пса по голове.

Открытыми глазами встретил Ильчук первые лучи солнца, что, прорезав рассветный туман, заглянули в окно.

* * *

Первое, что он сделал в это утро,— тщательно прочистил двустволку, протер вороненные стволы, вновь зачехлил ружье и повесил на прежнее место. Помыв руки ледяной водой из колодца, он взглянул на часы. Стрелка подходила к восьми. Надо было собираться. Семен торопливо оделся в темно-синий костюм, начищенные до блеска туфли, повязал пестрый галстук и вышел на улицу. И почти сразу встретил Степаниду Савельевну, полную пожилую женщину, жену своего домохозяина, деда Ключко. Она несла большую плетеную корзину, из которой выглядывали румяные, осыпанные маком булки и зеленые стебли сочного парникового лука.

Ильчук поздоровался с нею и сказал:

— Передайте вашему деду, что я в полдень с ружьем выйду. Так, может, он мне компанию составит?

Дед Ключко на весь район славился как опытный охотник. Он много лет чабанил в этих краях и отлично знал колосовские степи. Ильчук часто бродил с ним по камышовым заводям, по заросшим кустарником балкам, стрелял мелкую дичь. Он крепко подружился со старым чабаном, но их походы не восхищали Степаниду Савельевну. Ей казалось, что с ее стариком на охоте обязательно что-то стрясется.

«Еще в овраг угодит или в трясине завязнет... Ведь седьмой десяток пошел человеку, на печи пора сидеть», — думала она. И сейчас нахмурилась.

— Нечего ему с тобой шататься! Да и сам ты каким бы делом занялся. Все это баловство от холостой жизни. Приходи-ка вечером, хорошую невесту сосватаю. Красавицу! И по возрасту, и по росту она тебе подойдет, не то что учительница...

Махнув рукой, Семен направился в Дом культуры. Здесь, словно прощаясь, обошел комнаты, кабинеты... Осмотрел фойе, сцену, полутемный зрительный зал. Тонкие лучи солнца лежали на паркете, как ломкие золотые соломинки. Удостоверясь, что везде все прибрано, он поехал в райком партии.

В приемной первого секретаря Семен Демьянович неожиданно жарко поспорил с председателем колхоза «Дружба» Головченко, худощавым, юрким человеком, прозванным за свою седую реденькую бородку «козликом». Головченко, несмотря на столь нелестное прозвище, пользовался большим уважением у односельчан. Его любили за хозяйственную рассудительность, меткое, острое словцо.

«Наш «козлик» больно бодается», — говорили колхозники, подразумевая способности своего председателя в словесных поединках.

— Секретарь сейчас урожаем занимается, а вы пришли ему культурой голову морочить? — не то шутя, не то серьезно обратился председатель к директору Дома культуры. Семена задела явная насмешка в его словах.

— Культура важна не менее, чем урожай зерновых, — ответил Ильчук.

— Хлеб, хлебушек вырастить — вот что главное!

— Да разве я против?

— Не против?.. По-моему, сначала надо урожай высокий вырастить, а потом уж и за другие дела браться. Так ведь?

— Борьба за урожай — дело важное, но и о другом забывать нельзя...

— Коли хлеба не будет, пожалуй, и в Доме культуры не очень-то попляшешь...

Тут дверь кабинета первого секретаря открылась, и из нее вышел мужчина с озабоченным лицом. Ильчук вопросительно взглянул на Головченко.

— Кажется, ваша очередь?

— Может, ты торопишься? Тогдаходи. А я еще механика своего подожду. Давай, не стесняйся,— подмигнул Головченко, довольный, что все же за ним осталось последнее слово.

Ильчук вошел в кабинет.

Плотный человек, с веснушками на лице, сидел за широким письменным столом. Он оторвал взгляд от бумаг и показал Семену рукой на кресло.

— Присаживайтесь, да только не надолго. Времени в обрез. В поле тороплюсь.

— Вот как получается, товарищ Шеварутин,— голосом, в котором одновременно слышались и жалоба и раздражение, произнес Ильчук.— Мне один председатель колхоза сейчас в приемной даже нотацию прочитал: дескать, голову я вам морочить пришел. Да только дело непростое.

— Ну, выкладывайте ваше серьезное дело, да поскорее,— улыбнулся Шеварутин, удивленно поглядывая на собеседника.— Разве Дом культуры горит?

— Хуже. Тлеет.

— А мне только недавно Засядько докладывал, что вам удалось наладить работу. Хвалил вас.

— Не за что меня хвалить, товарищ секретарь! Я ничего не успел наладить, да и не смогу при большом желании. Все это заслуга Александры Андреевны Квитки, учительницы. А товарищ Засядько не в курсе...

Волнуясь, Ильчук начал повествование о своем директорстве.

— Плохой из меня руководитель. Я, как и мой предшественник ветеринар, работник никудышный... А ведь таким, как я, демобилизованным офицерам, надо свое точное место в мирной жизни найти, специальность получить. Хочу на агронома учиться.

Шеварутин слушал его, не проронив ни слова. Когда Ильчук умолк, спросил:

— Обо всем этом знает Засядько?

— Нет. Виноват, я думал...

— Не торопитесь. Лучше сознайтесь: почему рассказали об этом мне, а не заведующему отделом культуры?

— Правду хотите знать?

— Только правду.

— Скажи я Засядько, что не справляюсь с работой, он не поверил бы. Решил бы, что я просто скромничаю или цену себе набиваю.

— Вы уверены в этом? — спросил Шеварутин.

— Вполне.

— Хорошо, сейчас проверим, — Шеварутин покосился на часы. — Ух, как время летит. Впрочем — серьезное дело... Надо довести его до конца.

Он взялся за телефон. Вскоре в дверях показалась тучная фигура заведующего районным отделом культуры.

— Заходите, — пригласил его Шеварутин. — Вот вы недавно хвалили товарища Ильчука, говорили, что он наладил работу в нашем Доме культуры. Вы и сейчас так считаете?

Толстые щеки Засядько дрогнули. Он почувствовал, что вопрос Шеварутин задал ему неспроста, и настороженно посмотрел на первого секретаря.

Спустя минут десять разговор продолжался так.

— Все равно, даже если меня не примут на стационар, я уеду из Колосовки, — упрямо ворчал Семен.

Секретарь хмурился.

— Если вам у нас так не нравится, уезжайте. Толковые люди в колхозах нужны. Но задерживать силой, конечно, не будем.

— Я бы не прочь остаться, да так все сложилось...

— Подумайте. Наш район для будущего агронома особенно перспективный, — Шеварутин поднялся и пожал Ильчуку руку.

— Спасибо, — тот направился к двери, потом остановился. — Так как же с кандидатурой Квитки?

— Надо подумать.

Лишь только за ним закрылась дверь, Шеварутин спросил Засядько:

— Вы знаете, кто такая Квитка?

— Учительница. Из местных. Отец ее работает на станции. Сейчас он, кажется, на пенсии. Ильчук вроде в нее влюблен, поэтому так расхваливал.

— Товарищ Засядько, я не уважаю сплетни, — сухо оборвал его Шеварутин, — мне нет дела — влюблен Ильчук в Квитку или нет. Говорят, ансамбль она создала хороший. Что вы скажете о кандидатуре Квитки?

— Молода! Уж очень молода!

— И хорошо, что молода. Не ждать же, пока она состарится. Молодым — дорога. Мне кажется, с ней надо поговорить... И если согласится, решить этот вопрос в районо.

Засядько мрачный вышел из кабинета первого секретаря.

В тот же день Ильчук и дед Ключко, проворный в движениях старик, покинули Колосовку. Оба, вооруженные тульскими дуэловками, тяжело шлепали охотничьими сапогами по мокрой земле. Густую озимь только-только окропил приبلудный весенний дождик. О его лихом набеге напоминали капельки на стебельках, вязкая земля, прилипавшая комьями к подошвам, да низкое белое облако на краю синего неба.

Когда они прошли казавшееся бесконечным поле и добрались до посадки, Ильчук неожиданно засмеялся. Усталый, он сбросил с плеч ружье и, по-детски раскинув руки, повалился на прелую прошлогоднюю траву. Счастливое, беззаботное чувство охватило его.

— Эх и хорошо здесь, Агей Прохорович! До чего же хорошо!— Он жадно вдыхал влажный степной воздух...

Им пришлось заночевать в степи. Долго не удавалось заснуть у ночного костра. Мешала лютая мошкара, и комары одолевали. Отмахиваясь ветками, окуриваясь дымом чадающих веток, перекидывались словами обо всем, что волновало. Семен, продолжая свои раздумья, спросил Ключко:

— А что в Колосовке хорошего? Ну, что?

— Ты еще не знаешь? Тогда плохи твои дела, брат!

Агей Прохорович важно посмотрел на Ильчука. Достал кисет с махоркой, стал свертывать самокрутку.

— Начнем разговор хотя бы с самого малого. Ты вот начальником культуры нашей, вроде грамотный, бывший майор и так далее. А скажи: знаешь ли ты, почему наше село Колосовкой зовется?

— Да я, дед, над этим еще не думал.

— Это, Семен, не только к стародавним временам относится, а и к самым что ни есть нынешним. Понял?— старик осторожно взял уголек, поднес к самокрутке, затянулся дымом и продолжал:— Я про это еще от своего деда мальчишкой слыхивал... Колосовка наша — село не простое. Много в ней удивительного есть, и не каждому сразу это понятно. В стародавние времена, когда дед мой парубком был, село наше никакого имени еще не имело. Да и селом ли оно было. С десятков мазанок лепилось, а хлеборобы, что здесь жили, бедовали, хотя степь эта ничейная считалась... Земля плодородная, а толку мало. Урожай редко удавались — засуха все губила. Однажды дед мой увидел,

что казаки через село едут. Они, видно, из похода турецкого возвращались. У каждого казака по два коня было: один — под седлом, другой — навьюченный фуражом, снопами спелой пшеницы. Пшеничку они, видно, везли издалека, может, со стороны задунайской. Колосья тяжелые, не наши — с седел свешивались. За селом сделали конники привал, отдохнули ночь, а утром — поминай как звали. Уехали... А на другой год, когда зноем спалило яровые, один хлебороб увидел на поле среди сгоревшей пшеницы колосья высокие, не нашей породы. Подозвал хлебороб на то место селян, чтобы подивились они на это чудо. Откуда взялась пшеничка эта? Кто ее посеял? И как она смогла в такую засуху уцелеть? Долго смотрели люди, пока мужик один не припомнил, что на этом самом месте казаки привал делали. «Копытами коней казацких зерна эти, знать, посеяны», — сказал он. А про себя решил: «Мабуть, пшеничку эту добрую в осень сеять надобно». И, чтобы проверить догадку, посеял хлебороб осенью зерна казацкой пшеницы. Не обманулся он. На следующий год зашумела колосьями пшеничка. Вот и стали с того времени высевать озимые в нашем селе. Расти начало село, и называли его по тем диковинным колосьям Колосовкой. Разумеешь?

— Понимаю, Агей Прохорович! — ответил Ильчук. — Занятная история... Но какое же это имеет отношение к сегодняшнему дню?

— Самое прямое, — заволновался дед Ключко. — Хлеб нынешний, пшеницы озимые от нас, от нашей земли по всей Украине пошли. Слыхивал, мабуть, об ученых академичках разных, что сорта новых пшениц разводят? Так вот, думаешь, они сами у себя выучились? Как бы не так! У нас они науку свою взяли, у народа крестьянского. Уже в колхозное время жил здесь такой Иван Григорьевич Корнедуб. Добре пшеничное дело знал, новые сорта по зернышку собирал. К нему даже ученые приезжали. Перед войной Иван Григорьевич на своем поле вывел особую пшеницу: высокую, пышную, к морозу стойкую. Только не пришлось ему урожай собрать. Немцы убили его за то, что не хотел Корнедуб своего секрета выдавать. Дочь его Катерина и сын приемный, сказывают, сейчас на агрономов учатся — дело Корнедубово продолжают. Ты и смекни, парень, стоит ли уезжать из нашей Колосовки. Золотое здесь место для агрономов.

— Надо подумать, дед.

— Только хорошо покумекай!

— Обязательно! — сонно зевая, обещал Ильчук.

— Эге! Да тебе спать хочется. Ну, нет, мил-человек... Не дам тебе спать. Глянь, уже светает. Теперь идти хорошо будет — все видать. К завтраку аккуратно доберемся, а там уже и выспимся. Айда, — старик бодро поднялся на ноги.

Он был прав. Бледно-желтые полосы зари уже проби-вали сумрачные тучи на востоке. В небе медленно умирали звезды. С затоки подул холодный, пахнувший камышом ве-тер. На его волне пронеслась стайка чирков-трясунков. Сде-лав несколько кругов над шелковицей, они стали снижать-ся на далекую болотную топь. Где-то близко в кустах про-звучали первые птичьи голоса. Звуки степного рассвета встряхнули Семена. Он почувствовал силу. Охотники оглянулись и долго не могли отвести глаз от огромного красного солнца, которое поднималось из-за камышей. Ши-рокая степная балка была залита весенней водой, лучистой и багряной от зари.

— Агей Прохорович, да ведь здесь настоящая пойма! Ежели каналы провести да болота осушить, золотая здесь пашня будет. Что только ваши колхозники думают?

— Что думают?.. Руки еще не дошли. Вот что. Моло-дые все, вроде тебя, в город тянутся.

— Стану агрономом, возьмусь за эту пойму, — не то шутя, не то серьезно сказал Ильчук.

— Конечно, — согласился Ключко.

Они вышли из посадки. Перед ними среди зеленых по-лей лежало село. Дорога к нему почему-то показалась Иль-чуку началом нового большого пути в его жизни. Он по-чувствовал, как все сильнее и сильнее его одолевает жела-ние остаться в этих местах.

Целую неделю длились его раздумья. Ночная ли бе-седа с дедом Ключко, природа ли колосовских степей, же-лание ли создать на месте болотной заводи плодородные поля, а может быть, все это вместе и послужило первым толчком к тому, что Семен раздумал уезжать. Он и сам вряд ли смог бы ответить, какие мотивы привели его к та-кому решению. Но желание работать здесь окрепло у него окончательно.

«Как это необходимо каждому человеку встречаться с глазу на глаз с родной природой», — подумалось ему. Он сейчас чувствовал, что многое может сделать. Столько энергии, столько сил накопилось!..

Вечером он позвонил секретарю райкома Шеварутину и сказал, что решил остаться в Колосовке. Внимательно выслушав его, Шеварутин ответил, что ему необходимо в таком случае явиться к председателю колхоза «Дружба» Головченко.

Глава 6. НОВАЯ УЛИЦА

Сухую, прокаленную солнцем землю размочили запоздалые майские дожди. И сразу яркими красками вспыхнули огромные квадраты полей. Стряхнули свой оцепенелый сон и растения на опытной делянке Бережного. К великой его радости, они выбросили упругие стрелки. «Такие и в бурю не полягут, не склонят бессильно к земле головы», — думал Алексей, разглядывая стебли пшеницы.

В поле ему дышалось привольно и легко. Алексей чувствовал, что именно отсюда он скоро начнет путь к родным колосовским степям. Он постоянно думал об этом, хотя для подобных мечтаний было мало времени. К обычным делам прибавилась еще одна обязанность — прием экскурсантов. Через широкие арочные ворота института тек густой поток туристов из разных стран Европы, Америки и даже — далекой Австралии.

Бережной весь ушел в работу, она отвлекала от тревожных дум. Он давно не видел Катю и ничего не знал о ней. Тосковал... Несколько раз подходил к ее дому. Но обида буквально останавливала его на пороге. Хорошо лишь, что нервное напряжение не только не сковало его энергию, а наоборот, как бы подхлестывало молодого селекционера. Уход за посевом Алексей никому не доверял. Вскоре убедился, что поступает правильно. Труд в поле дал ему много ценного в теоретическом осмыслении своего дела. Он чувствовал, что растет как хлебобоб.

Как-то весь день до вечерних звезд он пробыл на делянке. Затем пошел в отдел пшениц, чтобы обработать записи. Ему не терпелось осмыслить малоуловимые изменения, которые произошли в развитии его озимой. Это была кропотливая расшифровка жизненных процессов в сложном организме растений.

Когда работа подходила к концу, неожиданно запел телефон. Алексей решил, что звонит Катя. Не без трепета счл он трубку, но из нее донесся хриловатый баритон Крыленко:

— Здравствуйте, Алексей Николаевич! Звонил вам в общежитие, но мне ответили, что вы на работе. Приходите немедленно ко мне.

— Что случилось, Федор Петрович?

— У меня гость. Наш подшефный.

— Не понимаю...

— А-а, забыли, молодой человек! А он к тому же пришел не сам, а с другом.

— Каким другом?

Крыленко рассмеялся.

— Приходите — увидите.

Закрыв отдел, Алексей поспешил к академику.

В кабинете Крыленко сидел немолодой человек. К его ногам приткнулась большая серая собака.

— Знакомьтесь, Алексей Николаевич! Вот он, наш таинственный Ильчук! — сказал Крыленко.

Гость застенчиво улыбнулся, прищурил карие монгольские глаза. Алексей крепко пожал ему руку.

— Спасибо вам за письмо, — поблагодарил гость и стал рассказывать. — Я только что прибыл на грузовой машине. Правление колхоза поручило достать сборный железобетон для постройки фермы. Придется недельку, а то и другую повоевать в сельснабе. Заодно, по-вашему совету, решил подать документы в институт и узнать, когда экзамены.

— Я же вам подробно написал об условиях приема, — удивленно поднял брови Алексей.

Ильчук пояснил:

— Я ведь решил учиться заочно. Сам же буду работать в колхозе.

— Это вы, батенька, верно решили. Вот Алексей Николаевич, наверное, тоже согласен со мной, — подмигнул академик.

— Еще бы! — вставил Алексей. — Я хоть сейчас готов поменяться с вами ролями. Давно не был в родной Колосовке.

— А вас там не забывают, Алексей Николаевич! Вашего приемного батька помнят и ждут, что вы его дело продолжать будете... — Ильчук еще что-то хотел сказать о Колосовке, но Бережной неожиданно крепко сжал ему руку.

— Давайте потом поговорим об этом, — предложил он, считая неуместным начинать здесь разговор о близких ему вещах.

Крыленко и Ильчук понимающе посмотрели на него.

— А где же ваш друг? — переменял тему Алексей.

— Да вот он, — гость показал на собаку. — Только жаль, что с ним ни в Дом колхозника, ни в гостиницу, ни даже в ваше студенческое общежитие не впустили.

— Что ж, придется вам остановиться у меня, — предложил Крыленко. — Я думаю, что моя Мария Захаровна окажется добрее всех администраторов.

После беседы с Крыленко и Бережным вступительные экзамены в сельскохозяйственный институт показались Ильчуку не такими уж грозными, как раньше. В канцелярии института хмуроглазая девица, просмотрев его документы, сказала, не допускающим сомнения тоном:

— Вас примут! — и разъяснила, нервно дернув крашеной губой. — В первую очередь мы принимаем лиц, работающих в системе сельского хозяйства и демобилизованных. А вы и то, и другое.

Семен сразу повеселел, узнав, что он «и то, и другое...» Но когда девица добавила, что ему в ноябре придется сдать три экзамена: по русскому языку, физике и химии, он немного приуныл. Русский язык и физику он мог сдавать хоть сегодня, но экзамен по химии пугал его не на шутку. Он давно позабыл все, что когда-то, в школьные годы, узнал по этому предмету. Еще в Колосовке Ильчук пытался самостоятельно подготовиться по химии, но без успеха. Замысловатые формулы, реакции упрямо не раскрывали ему своего смысла. И Семен отчаялся осилить эту науку. «Не дается мне эта проклятая химия», — не раз повторял он про себя.

Закончив к вечеру хлопоты в сельснабе, он поспешил в селекционный институт. На опытном поле Ильчук увидел на фоне заходящего солнца высокую, слегка сутулую фигуру Алексея.

Бережной внимательно выслушал горькие сетования Семена, но и не подумал его успокаивать.

— Да, положение скверное. Без химии вы не сможете учиться в институте. Если вас даже примут, то все равно потом отчислят, с первого же курса. Агроном должен отлично знать этот предмет.

— Что же мне делать?

— Вы еще спрашиваете! — вдруг изломал широкие брови Алексей. — Учить — ум точить!

Он сердито посмотрел на насупившегося Семена.

— Сколько дней пробудете у нас в командировке?

— С неделю, пока не отправлю железобетон,— ответил Ильчук.

— Так вот, если хотите, я буду с вами заниматься. Времени у вас маловато, поэтому давайте начнем с сегодняшнего вечера. Согласны?

Семену очень не хотелось в летние вечера корпеть над книгами. Он мечтал побывать в оперном театре, которым славился этот черноморский город, но, взглянув пристально в глаза Бережного, застыдился. «Человек готов на меня вечера тратить, а я, гусь лапчатый, еще колеблюсь».

— Конечно! Законно.

— Тогда сегодня же, через час, приходите ко мне в общежитие.

И, как впоследствии не раз рассказывал Ильчук, началась у него не жизнь, а «сплошная химия». Бережной каждый вечер немилосердно заставлял своего великовозрастного ученика вникать в мудреную суть химических законов, по памяти записывать их формулы. Занятия иногда затягивались до глубины ночи, потому что Алексей сам увлекался, а Семен с неистощимым солдатским упорством задавал вопрос за вопросом. Затем волей-неволей Семену приходилось ночевать на квартире своего учителя. У Бережного была одна узкая кровать, поэтому они ложились рядом, примостившись на ней по-фронтовому — спина к спине. Несмотря на тесноту и жесткость постели, высыпались всегда отлично. Усталость после напряженной работы лучше всех удобств способствовала крепкому, освежающему сну.

Семен стал ходить на квартиру Крыленко только для того, чтобы покормить Чингиза. Хотя Мария Захаровна специально готовила для собаки обед, верный Чингиз не притрагивался к еде, пока не появлялся Семен. Забывая строгие правила поведения, в которых воспитал его хозяин, пес, приветливо лая, бросался Ильчуку на грудь, а затем начинал, повизгивая, прыгать вокруг него. И не сразу суровые окрики и шлепки могли успокоить его. Только дав волю своему собачьему восторгу, он по приказанию хозяина принимался за еду.

Постепенно Семен окончательно обосновался в жилище Алексея. Он перенес туда свой фибровый чемоданчик, а на письменном столе рядом с рукописями и коллекциями зерен разложил тетради и учебные пособия. Вскоре маленькая комната Алексея пропахла острым запахом табака.

С первого же занятия Бережной приучил Ильчука самостоятельно осиливать науку. Кратко разъяснив Семену раздел, который ему нужно было усвоить, он вышел из комнаты, оставив его наедине с учебником по химии.

Неожиданный уход «наставника» сначала обескуражил Семена. Но, преодолев охватившее его отчаяние, он вздохнул, вынул из кармана портсигар и, затягиваясь едким дымом, начал упорно разбирать каторжно непонятную, длинную формулу муравьиной кислоты.

И после томительного многократного разбора формулы он почувствовал, что замысловатые значки и латинские буквы вдруг стали раскрывать перед ним свой таинственный смысл, что он впервые без чьей-то помощи может медленно двигаться вперед по дебрям трудной науки.

Когда спустя три часа Алексей распахнул дверь своей комнатухи, он застал Семена еще сидящим за столом, склоненным над тетрадями и учебником. Сквозь пелену табачного дыма на Бережного сверкнули его полные торжества глаза.

— Алексей без слов понял своего ученика.

— Ну как, осилил?

— Почти. Совсем немного осталось. Но сейчас я сам все закончу. Сам!— сказал Семен.

— Значит, не так страшен черт...

— Теперь хоть сейчас — в Колосовку. Спасибо! Здорово вы повозились со мной.

Глаза Алексея потеплели. Он решительно провел ладонью по желтым блестящим волосам и, придвинув стул, сел рядом с Ильчуком.

— Крепко тянет меня в родные места. Давно я уже там не был,— и вдруг тихо, настойчиво спросил:— Расскажите мне все. Все, что знаете о Колосовке...

Семен выложил Алексею все, что сам знал о полюбившемся ему селе. Все о своих надеждах и планах. В его словах Алексею слышались позабытые голоса односельчан, шорохи листвы, шум ветра в золотых колосьях. Незаметно они проговорили всю ночь. Оконные стекла уже налились предрассветной синевой, когда, утомленные, они легли спать.

На другой день Ильчуку пришлось срочно вернуться в Колосовку. Тяжело груженная сборным железобетоном трехтонка миновала полосатые шлагбаумы городской заставы и понесла его в степь. Он был доволен поездкой в город: и задание колхоза выполнено, и познакомился с такими

людьми, как Крыленко и Бережной. Последнего Семен мысленно называл «дорогим другом Алешей», так уж много в молодом ученом оказалось для него привлекательного, близкого.

«Пожалуй, самое ценное — дружба с хорошим человеком», — произносил в мыслях Ильчук. И невольно вспоминал многих настоящих людей, которых знал в жизни. Это были его товарищи по фронту, сложившие головы в боях. «Мы еще не раз поговорим с тобой, друже», — думал о Бережном Ильчук.

Ему и невдомек было, что за время, покуда он добирался до Колосовки, ученый совет института решил судьбу его нового друга и что через несколько дней он должен был встретиться с Алексеем в колхозе.

А совет решил вопрос о Бережном без лишних словопрений. Академик Крыленко коротко доложил о желании молодого исследователя проводить опыты по созданию новых сортов озимой пшеницы в условиях лесостепной полосы. Он подчеркнул важность укрепления колхозных кадров квалифицированными специалистами.

— Это будет неплохим началом. Многие институты и заводы уже давно послали своих научных и инженерно-технических работников в села, — закончил информацию Крыленко.

В этот же день в отделе пшениц у Бережного состоялась беседа со Злобницкой. Вера Федоровна неожиданно подзвала его к своему столу и сказала:

— Так вы, молодой человек, и в самом деле не только решили покинуть нас, но даже следов своих в институте не оставить, а?

— Каких следов? — недоуменно поднял брови Алексей.

— А семена вашей озимой? Может быть, я...

Бережному показалось, что он ослышался. Неужели Злобницкая решила взять на себя такое бремя: продолжать его опыты здесь, в институте, когда он будет там, на колхозных полях?

— Вера Федоровна, это нелегкое дело! Ведь вы и так загружены... — он не находил нужных слов.

Злобницкая бросила на него укоризненный взгляд. Лицо Алексея, видимо, ее растрогало. Но Верочка, как ее привыкли называть в отделе, терпеть не могла «сентиментальностей». Поэтому за нарочитой суровостью она попыталась скрыть нахлынувшее волнение.

— Как вам не стыдно, Алексей Николаевич! Ведь тут разговор идет о науке, а не о нас лично. Дайте мне семена вашей озимой. Я сама апробирую их. Я уже договорила с Федором Петровичем, — она энергично тряхнула своей уже начавшей седеть головой.

— Как только сниму урожай, семена будут у вас, — пообещал Алексей.

— О ходе опытов будем ежемесячно информировать друг друга. В моей аккуратности можете не сомневаться.

Последняя фраза Веры Федоровны была явно лишней. Бережной хорошо знал, что у Злобницкой слова никогда не расходятся с делом. За посевами его озимой она будет ухаживать не хуже его самого. О лучшей дружеской помощи трудно было и мечтать.

«Широким фронтом пойдет работа, широким... Не только в колхозе, но и здесь», — обрадовался Бережной и неожиданно для самого себя поцеловал руку Веры Федоровны.

* * *

Весть о переводе Бережного из института в колхоз мгновенно распространилась среди знакомых. Алексей не ожидал, что его отъезд может заинтересовать стольких коллег. Знакомые буквально не давали ему прохода: правда ли, что он едет? По своей ли охоте? На какой срок? В самом ли деле станет продолжать на периферии научную работу?

Первый, кого особенно взволновало это известие, был, разумеется, тренер по боксу Пушко.

Узнала о решении Алеши и Катя. Ей эту весть вечером принес Валерий Борисович Песков. Он не мог удержаться, чтобы не разразиться в адрес Бережного саркастическим упреком.

Однако на Катю новость оказала действие, совсем не предвиденное Валерием Борисовичем. Девушка испугалась. Месяцами избегая встреч с Алексеем, она была почему-то уверена, что в трудную минуту, стоит ей только обратиться, Бережной немедленно придет ей на помощь. К этому она привыкла.

И вот вдруг Катя впервые почувствовала себя одинокой. Прибавилось и другое: сознание своей вины перед Алексеем.

Она воскликнула:

— Надо удержать его от этой глупости! Во что бы то ни стало удержать!

Валерий Борисович в недоумении развел руками. Его озадачили Катины слова. «Поистине сам черт не разберется в женской логике», — пришла на ум любимая фраза. Но это не успокоило Пескова.

— А какой смысл его удерживать? Чтобы он потом упрекал вас?

— Я не могу быть равнодушной к судьбе Алеши. Он столько сделал для меня! Не могу быть неблагодарной. Я... я удержу его от неверного шага.

Песков закусил губу, его черные усики смешно ощетинились. Тревожное недоумение в его глазах сменилось злым блеском. Он уже давно непритворно ревновал Катю к ее «братику». Прошло то время, когда он ухаживал за своей аспиранткой лишь по привычке волочиться за хорошенькими женщинами. Сейчас Валерий Борисович серьезно относился к ней. Он не раз задумывался: не пора ли ему сделать выбор между проходящими симпатиями и настоящей хозяйкой дома. К этому решению склоняло соображение, что женитьба сделает его солиднее в глазах сослуживцев и в значительной степени упрочит репутацию положительного человека. А своей репутацией Песков дорожил.

Валерий Борисович недаром слыл опытным сердцеедом. Он по-своему оценил сложный характер Кати. «Она рассудительная. Правда, ей нужно немного приобрести житейской опытности, элегантности, и тогда она далеко пойдет». Нравилось ему и то, что красивая аспирантка теперь относилась к нему с явной симпатией. Нелегкая победа льстила самолюбию Валерия Борисовича. Он, как азартный игрок, выигравший трудную партию, мечтал, наконец-то, поскорее вкусить плоды победы.

«Из нее выйдет не только надежная жена но и неплохой помощник в научной работе. А красивая жена — необходимое условие для успеха в жизни, — мысленно рассуждал доцент. — Со временем, да с моей помощью, и она, пожалуй, станет кандидатом наук».

Помехой в осуществлении этих планов могла быть только привязанность Кати к Алексею. Но девушка давно не виделась с ним, и Валерий Борисович уже было успокоился. Он перестал считать Бережного своим соперником.

То, как восприняла Катя известие об его отъезде, оказалось для него неожиданным.

Песков хмурился и только повторял свою прежнюю фразу:

— Стоит ли вам вообще встречаться с ним?

— Как вы можете так говорить? — вскипела девушка.

Тогда Песков прибегнул к другой тактике.

— Хорошо. Давайте вдвоем встретимся с ним и поговорим. Я хочу обязательно присутствовать. Возможно, нам удастся образумить его.

Валерий Борисович ничем не рисковал. Он совершенно не верил в то, что можно отговорить Бережного от его затеи. Ему очень не хотелось лишь одного — чтобы Катя оставалась с «братиком» с глазу на глаз. «Чем черт не шутит! Мало ли к чему может привести их встреча. Ведь этот олух, кажется, любит ее», — мелькнула у доцента ревнивая догадка.

Катя понимала, что от свидания втроем вряд ли может получиться что-либо путное. На Алексея, наверное, один вид Валерия Борисовича произведет самое неприятное впечатление.

— Все же лучше будет, если я одна увижусь с ним.

— Я побеседую с ним как ученый с ученым, — настаивал Песков. — Я предложу ему помочь мне в теоретических исследованиях.

Его слова показались Кате стоящими внимания. Может, в самом деле Алеша внемлет доводам Валерия Борисовича, останется в городе и будет вместе с ним работать. Почему в самом деле ему не сотрудничать с Песковым? Ведь труды ее нового знакомого имеют такие блестящие перспективы.

После недолгого колебания Катя согласилась.

...Лучи раннего солнца еще не успели разогнать утренний туман с полей, когда зеленый «Москвич» подъехал к участку Бережного. Катя увидела знакомые беленькие таблички делянок, на которых шумела высокая пшеница. Как давно она не была в этих местах! За это время многое изменилось.

Катя вышла из машины и торопливо устремилась к Алешину участку. Песков едва поспевал за ней. У нее больно сжалось сердце — делянка Бережного представляла разительный контраст с другими участками.

Возле одиноко торчащих колосьев сидел на корточках Алексей. Его обнаженные по локти руки были черны от загара и испачканы землей. Он наклонился к чахлому пшеничному стеблю так низко, что копна светлых волос совсем

закрыла лицо. Катя подошла ближе. Алексей услышал шаги и, увидев ее, вскочил на ноги, отряхивая брюки от прилипших комочков земли. Катя сразу заметила, что он обрадовался ее приходу, даже успел поднять с грядки свою тетрадь, в которой делал записи. Присутствие Пескова, казалось, ничуть не повлияло на него. Алексей ответил на приветствие.

— Пришла проститься? — усмехнулся Бережной, обращаясь к Кате.

— Не за тем... Олекса! Я хочу поговорить...

— О чем? Ведь все уже ясно...

— Ты делаешь большую ошибку, — горячо заговорила Катя. — Я понимаю: твои опыты здесь провалились, — она указала на чахлые колосья, — но все же уезжать не стоит. Надо набраться мужества...

Алексей ничего не ответил.

Не обращая внимания на ревнивый взгляд Валерия Борисовича, Катя цепко взяла Алешу под руку и отошла с ним на несколько шагов в сторону.

— Слушай, Олекса, — сказала она торопливым шепотом, чтобы только он мог слышать ее слова, — прошу тебя, откажись от своей затеи. Зачем тебе ехать в какой-то колхоз? Скажи, что ты передумал, останься здесь, и тогда я буду помогать тебе. Неужели ты этого не хочешь?

Дыхание девушки словно обожгло Бережного. Никогда Катя не казалась ему такой привлекательной и... чужой. «Так вот цена твоего расположения ко мне! Я должен в угоду твоим капризам изменить свое решение. Лишь тогда, быть может, поделаешь свои чувства между мною и этим ловкачом-доцентом. Лишь тогда...», — подумал Алексей.

И пристально посмотрел в ее ожидающие глаза.

В них вспыхнул добрый непоколебимый свет, который он так любил. Как будто ничего неприятного и не произошло в их отношениях. Но тут его ужалила беспощадная мысль: «Разве такой бывает настоящая дружба, настоящая любовь?»

— А ты знаешь, куда я еду? Ты даже не представляешь! Не в какой-то колхоз, как ты сейчас сказала, а в нашу Колосовку.

Катя на миг задумалась. Ей вспомнились полузабытые картины детства, юности.

— Погодил бы ты с отъездом, — вдруг ласково, почти умоляюще произнесла она. И скажи ему так Катя еще хоть

одно слово, — он дрогнул бы. Но в это время подошел Валерий Борисович и бесцеремонно взял ее за руку.

— Нас ожидают, Екатерина Ивановна. Мы опаздываем, — сказал Песков строго.

У Алексея от хозяйского тона в голосе Пескова похолодело в груди. Он представил себе жалкую роль, которую ему хочет уготовить Катя: делить свои чувства к ней с Песковым, даже работать с ним, приспосабливаться к его взглядам... Правда, он считает себя виноватым перед ней. Он сам оттолкнул ее однажды, рассчитывая и подсчитывая: сперва — образование, потом — все остальное. И ему нет прощения за это. Уже ничем не исправишь совершенную ошибку... Эти мысли ураганом пронеслись в его голове. Он почувствовал, что его лоб от них покрылся испариной. Но уже поздно жалеть себя, Катю. Поздно. Надо быть твердым и заниматься главным, а не второстепенным. Ему, например, очень хочется остаться еще немного, чтобы принять участие в областных соревнованиях по боксу. Хочется, потому что он любит этот вид спорта и ему было бы приятно выполнить просьбу своего тренера, но все это уже второстепенное. А он будет заниматься главным. Поэтому он навсегда покинет и Катю, и ринг, и тренера, и многое...

И Алексей с облегчением сказал: «До свидания». Ему очень не хотелось так прощаться с Катей, но другого выхода не было.

...В ту ночь Бережной поездом выехал из города. Он долго не мог заснуть на жесткой полке, прислушиваясь то к однообразному стуку вагонных колес, то к мерному дыханию соседей по купе.

На перрон он сошел в бодром настроении.

Алексей быстро миновал вокзал и ахнул от неожиданности. Удивляться, в самом деле, было чему. На месте обширного километрового пустыря, который не раз меряли в детстве его босые ноги, протянулась ровная, как стрела, вереница белых аккуратных домиков. Уже не пустырь, а красивая улица соединяла станцию с селом.

За время его отсутствия успели не только вырасти кварталы новых домов, но и молоденькие деревья. Ряды тополей тянулись по обеим сторонам асфальтированного шоссе. Стройные деревья шумели, сверкая серебристой листвой.

— Как называется улица? — спросил Бережной встречного паренька.

— Ивана Корнедуба, — ответил тот.

Глава 7. С ОГОНЬКОМ!

Клубы бурой пыли вились за мотоциклом. Шура Квитка, одетая в комбинезон, крепко сжимала ручки руля. Один конец ее синей косынки вытянулся по ветру, подобно вымпелу. Хорошо утрамбованная грунтовая дорога уходила к далекому рыжеватуому холму, который маячил в туманной дали.

Мотор сердито гудел от напряжения, словно старался вырваться из железной рамы мотоцикла.

Упругие струи воздуха приятно охладили лицо девушки, забивая дыхание, звенели в ушах.

Шура любила быструю езду и невольно вздохнула, когда машина, пролетев несколько километров по низине, достигла подножия холма и, кашляя, стала медленно ползти в гору.

На вершине холма девушка остановила мотоцикл и засмотрелась. Отсюда далеко видны были темные квадраты полей. Их окаймляли полосы рощиц, посадок. Серебрились узоры многочисленных ручейков, которые в луговинах образовали заросшие камышами заводи и ставки. В водоемах отражалась пожелтевшая растительность берегов и строгая синева сентябрьского неба, обрамленная дымчатыми облаками.

Ветер доносил запахи камыша, увядающих трав и цветов.

Надо было торопиться. Девушка завела мотор и стала медленно спускаться с вершины холма. Ее выручали природные внимательность и хладнокровие.

Проплывшая туча внезапно оросила холм струями дождя. Проселочная дорога порядком размокла. Шуре пришлось смотреть в оба, чтобы не свалиться под откос.

«Хорошо бы через этот холм провести асфальтированное шоссе... Осенью, как только хлынут дожди, тут будет совсем трудно пройти машинам. Ох, как много еще нужно сделать нашему колхозу», — подумала девушка. Она осторожно вырулила мотоцикл и съехала прямо к ставку, где белели новые каменные коровники.

С тех пор, как Шура стала директором Дома культуры, она почти ежедневно выезжала в ближайшие от Колосовки полевые станы, бригады, фермы. Приглашала колхозников на вечера, советовалась с ними, как лучше и интереснее подготовить программу очередного концерта, привозила свежие газеты и журналы.

В районном отделении ДОСААФ имелся старый, требовавший ремонта мотоцикл. Шура привела его в порядок. Когда-то она посещала студенческий мото клуб и научилась шоферскому делу. Теперь ей это очень пригодилось.

Колхозники скоро привыкли к появлениям стройной девушки в комбинезоне. Лишь только на ферме раздавался шум мотоцикла, люди собирались у помещения конторки.

И сейчас, когда Шура въехала на скотный двор, ее сразу окружили люди. Первым потянулся к сумке с газетами дед Клочко.

— Выкладывай, директорша, последние новости, — старик очень интересовался международными событиями, за что даже получил прозвище «дипломата».

— Для вас, дедусь, есть кое-что. Непокойно на свете, — сообщила девушка.

— Ну что ж, посмотрим. Давай газету! — Дед Клочко, взяв «Известия» и что-то бормоча себе под нос, отошел в сторону.

Перед Шурой вырос шофер Митя Шевченко, широкоплечий паренек в клетчатой ковбойке. На его скуластом лице было написано ожидание. Шура молча протянула экземпляр «Радянського спорту». Парень благодарно улыбнулся и с интересом развернул газетные страницы.

— Какой сегодня фильм в Доме культуры?

— А танцы перед кино будут?

— Когда состоится репетиция? — перебивая друг друга, засыпали Шуру вопросами девушки в белых халатах.

Ей самой очень хотелось обо всем подробно переговорить со своими недавними подружками по школе. Но Шура старалась держаться солидно, хотя в душе завидовала смешливым девчатам, их простой, но интересной работе, которая, как ей казалось, была полезнее всякой директорской деятельности.

Раздав газеты, Шура подошла к мотоциклу и взялась было за руль, но к ней снова подошел Митя.

— А насчет секции вы, Александра Андреевна, так и не поговорили с агрономом? Он сейчас здесь, — парень показывал рукой на конторку.

Шура один раз лишь видела Бережного, когда тот пришел в кино.

— Вот он — новый агроном, — шепнула ей подруга, скосив глаза в сторону вошедшего.

Она увидела рослого белобрысого парня и, наверное, забыла бы об этой встрече, если бы через несколько дней Митя Шевченко с торжественным видом не потряс страницами областной газеты:

— Прочтите, Александра Андреевна! Здесь про нашего нового специалиста!

Шура пробежала глазами статью, в которой критиковался мастер по боксу Алексей Бережной за то, что отказался выступить на ринге и перед самым началом ответственных соревнований уехал неизвестно куда, никому ничего не сообщив. Мол, тем самым подвел общественность области и свой спортивный коллектив. Сердитая статья называлась «Безответственность» и была подписана заслуженным тренером республики со странной фамилией — Пушко...

Шура недоуменно посмотрела на Митю:

— К чему ты мне это показываешь?

— А к тому, что боксер Алексей Бережной, которого критикуют в статье, это и есть наш новый агроном. И он не просто боксер, а мастер Мастер спорта, понимаете? Теперь в нашем районе имеется не какой-то там перворазрядник, а настоящий мастер!

Шуре стало понятно волнение Мити. Этот широкоплечий парень с грубым курносым лицом страстно любил спорт. Дмитрий Шевченко возглавлял районный совет спортивного общества «Колхозник», был неумным физкультурным организатором.

— Понимаете, Александра Андреевна, грех будет у нас на душе, если мы не сделаем его тренером. Может, он и в борьбе силен и в тяжелой атлетике? Надо поручить ему руководство и этими секциями. Сразу же! Тогда мы с областью сможем на равных поспорить!

Шура считала своей прямой обязанностью помогать Мите во всех его спортивных затеях. Подумав, она пообещала поговорить с Бережным.

Но получилось непредвиденное: новый агроном, ссылаясь на занятость, наотрез отказался участвовать в спортивной жизни района. Шура не на шутку рассердилась, подумав: «В городе, небось, не жалел своей физиономии — довоевался до мастера, а здесь не хочет палец о палец ударить для сельских спортсменов». Она поспешила в конторку, полная решимости пристыдить этого эгоиста.

Распахнув дверь, девушка увидела картину, которая несколько охладила ее порыв. За столом, покрытым красным

сукном, сидели председатель колхоза Головченко, Ильчук и новый агроном. Шура узнала его по копне светлых волос. Собеседники склонились над какой-то разостланной на столе бумагой, по которой Семен водил карандашом. Шуре стало ясно, что речь идет о чем-то важном и разговор с агрономом придется, наверное, отложить. Собеседники так увлеклись, что не заметили ее появления. Шура хотела было уже незаметно уйти, когда Головченко обратил на нее внимание.

— Привет, директорша! Куда уходишь? Сидай,— председатель погладил свою седую козлиную бородку.

— Я — по работе. Спешу.

— Раз спешишь, так говори. В чем дело?

— Мне не к вам, Илларион Макарович, с новым агрономом один вопрос надо решить.

— Вы уже успели познакомиться? — Головченко подмигнул Ильчуку. — Видишь, что значит молодежь!

— Вот и ошиблись. Мы совсем не знакомы, — нахмурилась Шура.

— Ну, это можно зараз исправить, — не растерялся председатель. Его бородка затряслась, словно пучок травы на ветру. — Знакомьтесь. Это хозяйка нашего Дома культуры Александра Андреевна Квитка. А это — будущий академик Алексей Николаевич Бережной. Пока по молодости в агрономах ходит, но...

Шуру смутил шутливый тон разговора. Это не позволяло ей сразу, как хотелось, строго поговорить с Бережным. Сердясь в душе на Головченко, который очень любил прибаутки, Шура внимательно взглянула на Бережного. Он выглядел спокойным и, как ей показалось, обидно спокойным.

Они встретились взглядами.

— Мне передал председатель общества «Колхозник», — начала Шура, — что вы отказались заниматься с нашими спортсменами. Это правда?

Равнодушие в глазах агронома растаяло. Шура почувствовала, что ее слова его удивили. Это заметил и Головченко. Председатель не мог упустить повода для новой шутки. Он обратился к Бережному:

— Слышишь, что у нашей директорши на уме? Она хочет тебя посрамить.

Это развеселило всех, даже хмурого Ильчука.

— Неужели Александра Андреевна такая жестокая? — парировал Алексей. И, взглянув в сердитые глаза девуш-

ки, добавил: — Я уже, пожалуй, стар для бокса. Пора на печку по этой части.

— Вас всего-навсего приглашают руководить секцией.

— Для этого и самому нужно быть, как говорится, в форме,— пояснил Алексей.— Я, как видите...— Он еще что-то хотел сказать, но дверь отворилась и на пороге показался Митя. Его щеки разрумянились от волнения.

— Товарищ Бережной! Да это же отговорка! — воскликнул он. — Вы же мастер спорта.

— Почекай, Митя,— перебил его Головченко.— Объясни лучше, как это ты успел так в самый раз появиться на подмогу? За дверью подслушивал?

— Не без этого! — не смутился Митя. — Тут и вы бы подслушивали.

Все опять рассмеялись.

— Товарищ Бережной, что же это получается? Через тебя, можно сказать, целый район страдает! Придется тебе, наверное, этой кулачной секцией руководить,— вынес приговор Головченко.

— Ох, на трудное дело вы меня подбиваете, — вздохнул Алексей. — Поймите, товарищи, меня упрашивать не надо, просто времени сейчас нет.

— Но вы хоть одно занятие проведите. Так сказать, для рекламы, — не сдавался Митя.

Искреннее волнение парня тронуло Бережного. Он на миг задумался. У него и в самом деле не было свободного времени для каких-либо спортивных занятий. Предстояла большая работа: ознакомиться с землями колхоза, изучить почвы, составить план севооборота.

Он хотел увеличить площадь зерновых культур и, в то же время, создать поле для селекционных опытов.

Алексей понимал, что убедить людей в необходимости этого будет не так-то просто. Головченко и многие члены правления — хорошие практики-полеводы. Они из года в год выращивают неплохие урожаи. Колхоз считается передовым. Придется привести веские доводы, чтобы такие серьезные люди поверили в его планы. Поэтому требовалось сначала самому потрудиться — здорово подготовиться, чтобы потом не осрамиться.

Он не мог откладывать этого дела и решительно сказал:

— Да поймите же!.. Я вот подбираю день, чтобы нашим хлопцам и девчатам рассказать о значении селекционных опытов и создать опытное поле в колхозе. Даже для этого

времени нет. Ну прямо хоть караул кричи! — И он взъерошил копну волос.

— А вы соберите молодежь на занятия по боксу и заодно о своей селекции расскажите, — предложил Митя.

Алексей рассмеялся.

— Получится в огороде бузина, а в Киеве дядько.

— Никакого «дядьки» не будет. Я ребят знаю. Вы организуете занятие по боксу, а они вам на опытном поле помогут, — поддержала руководителя «Колхозника» Шура.

Бережной с удивлением посмотрел на нее.

— Это серьезно?

— Вполне!

— Надо подумать. Может, это и в самом деле неплохая идея.

— Конечно, неплохая, — как эхо, откликнулся Митя. — Давайте, товарищ Бережной, сейчас и назначим день встречи с нашими спортсменами.

— Только она, эта идея, появилась как-то на ходу, — вяло возразил Бережной.

— И хорошо, что так. Значит, ближе к жизни, — настаивала Шура.

Алексей покосился на нее, рассмеялся и поспешно вытащил из кармана записную книжку.

Свободных дней в расписании не было. В воскресенье он намеревался начать вспашку селекционного поля. Поэтому Алексей остановился на этом дне. Шевченко такой выбор показался удачным.

Незаметно обменявшись с ним торжествующим взглядом, Шура простилась и вышла во двор фермы. Через минуту послышался гул мотора.

— Добилась своего и укатила. Вот какая у нас директорша Дома культуры, — сказал Головченко. В голосе его послышалось явное восхищение. — Огонь-девка! Не успел ты, агроном, опомниться, как она тебя и сосватала! Ближе к жизни, мол, будь! Ай да девка! Теперь будешь тренировать хлопцев! Будешь!.. А вообще, товарищ агроном, — тут председатель погладил свою козлиную бородку и лукаво прищурился, — чего бы тебе к ней не приглядеться всерьез?

— Ну что вы, Илларион Макарович! Я таких шуток не люблю. Не до них. Вот лучше трактор дайте для вспашки поля.

— Ой, какой ты серьезный! Даже пошутить с ним не можно, — проворчал Головченко.

— Товарищ Бережной прав. Вы эти шутки бросьте! — вдруг возвысил голос Ильчук.

Председатель удивленно пожал плечами.

— Только зацепи одного — другой в защиту. Успели спеться.

— Ладно, Илларион Макарович. Давайте лучше — о делах, проект мой досмотрим, — Семен ткнул карандашом в разложенный на столе чертеж.

Но у Головченко, видимо, пропала охота обсуждать проект. Он поднялся из-за стола и нахлобучил на голову кепку.

— Зачем бумажки рассматривать? Лучше поедem на завод да посмотрим своими очами — будет вернее. Ты, Семен Демьянович, механизацию свинарника нам покажи. А то одно не закончил — за другое берешься. Все только у тебя проект за проектом...

— Механизацию уже закончили, — сообщил Семен.

— Все закончили? Так чего же ты раньше не сказал? — обрадовался Головченко. — Так веди, показывай скорей. Ох и молчун ты однако!

— Главное сейчас — вот эта запруда, — кивнул на чертеж Семен.

— Добре! Потом разберемся. Пошли, агроном, глянем на его механизацию, — обратился председатель к Бережному.

Алексей посмотрел на часы.

— Мне бы сейчас в первую бригаду съездить, план севооборота уточнить. К тому же я ни черта не понимаю в механизации свинарника, — признался он. — Я — агроном, это не по моей части.

— Раз ты агроном, то все, что делается в колхозе, по твоей части. Ты везде обязан нос совать.

— Так план ведь!

— Успеешь с планом. И не упирайся, парень. Я сам упертый, меня недаром «козлик» зовут.

Побежденные настойчивостью Головченко, Алексей с Семеном последовали за ним.

Свинарники находились в двухстах метрах от конторки. «Вот куда пошел сборный железобетон Ильчука», — подумал Алексей, глядя на плиты, из которых были сложены стены новых помещений.

— Ну, показывай скорее свою механизацию, — поторапливал Ильчука Головченко, семеня к цементной площадке, где под навесом поблескивали серебристым металлом

автопоилки, двусторонние корыта и крепление длинного, как хрящевидная спина дракона, скребкового транспортера.

— Сто тонн зеленой массы вот сюда входит, — показал Ильчук на огромный бункер.

— Смотри, агроном, по всей линии транспортер корм разносит. Вот это здорово! — толкнул Алексея Головченко. И, обращаясь к Семену, спросил: — Здорово?

Ильчук молча кивнул головой, а Алексей не смог удержаться, чтобы не похвалить его.

— Молодец, Семен Демьянович!

— А при чем тут я? Железобетон пошел впрок! Механик Лысюк со своими ребятами все наладил.

— Не скромничай! Ты всю эту историю затеял и чертежи достал. Ой и скромный ты, Семен, друг мой ситный! Другой человек на весь бы район расхвастался, а ты ни слова! — восхитился Головченко и, обняв, поцеловал Ильчука.

Тот в смущении произнес:

— Кому, как не мне, вашему заместителю, об этом думать? Самое «узкое» место на свиноферме — кормушка. А теперь, чтобы загрузить корм для двух тысяч свиней, нужен всего лишь один дежурный. Включит рубильник — и за пятнадцать минут все готово, — Ильчук поднял руку и показал на свои часы. — Вот по этим проверял.

Его обступили свинарки, ездовые, механизаторы. В переливчатые женские голоса вплеталась мужская отрывистая речь.

— Девчата, смотрите, и вэаправду в четверть часа...

— Ну, что ты, Тамарка, брось. А кто подвозить корм будет? Кто его в машину загрузит? — всерьез отозвалась на шутку темноглазая круглолицая девушка.

— И это можно механизировать, — спокойно ответила светловолосая Тамара. — Ты, Галя, газет не читаешь.

— Что ж, по-твоему, и шоферов можно механизировать?

— И шоферов можно. Например, про роботы — слышала?

— Ну и скажешь! — воскликнула Галя и тут же бросила выглянувшему из кабины Мите: — Слушай, твоя Тамарка хочет тебя механизировать, роботом сделать.

— Серьезно? Что ж, буду роботом. Все, что она пожелает, сделаю, — добродушно согласился парень.

Тамара порозовела от радости.

— Ты не очень-то! — подошла к ней Галина. — Если Митя роботом станет — пожалеешь.

— А чего жалеть? — беспечно усмехнулась Тамара, не подозревая, куда клонит подруга.

— Пожалеешь! Ведь с роботом не так будет приятно целоваться.

— Как тебе не стыдно, Галка! Людей бы постеснялась.

— Пожалеешь пожалеешь! — не унималась Галина.

Когда смех утих, молоденькая девушка, почти подросток, с маленьким, чуть задранным вверх носиком, обратилась к Ильчуку:

— Семен Демьянович, а всю работу в колхозе можно механизировать?

— Конечно, — ответил тот.

— Ой, как страшно! — сказала девушка.

— Отчего же?

— Да вот, будем только кнопки на машинах нажимать?

— Будем! — неожиданно вмешался в разговор Митя. — Нажать тебе кнопку? — он протянул руку, делая вид, что хочет прикоснуться пальцем к вздернутому носику девушки.

— Ну, ты рукам воли не давай, — вступилась за нее Тамара. В ее голосе звучали нотки ревности.

— Семен Демьянович не пустить ли нам в кормушку свиней? — обратился председатель к Ильчуку.

— Пожалуй, рано. Ведь механизация кормушки еще Лысюком официально не сдана.

— А зачем ждать Лысюка? Работа закончена? Закончена?

— Будет непорядок. Надо по акту принять, — стоял на своем Ильчук.

— Ну, это ты брось! Заладил — порядок, дисциплина. Это тебе не батальон, а колхоз, — рассердился Головченко.

— В колхозе дисциплина тоже — не последнее дело...

Глава 8. ЗАПОВЕДНЫЕ ЗЕРНА

Семену Ильчуку вспомнилось, как несколько месяцев тому назад он ходил с чертежами в райком, как убеждал правление колхоза начать строительство кормушки. Сколько он намучился со всем этим: возил детали машин, железобетон, доставал всякую мелочь, но теперь все тревоги, переживания были позади и, казалось, только усиливали радость достигнутого успеха. Даже вечные подшучивания Головченко было приятно вспоминать. И лицо Ильчука становилось все приветливее.

— Ну, как-то, Семен Демьянович, лучше! А то ты все грозным до сей поры был, как германская война, — тронул его за руку Илларион Макарович.

— Да я совсем...

— Не спорь! А за это, — председатель кивнул головой в сторону действующего транспортера, — премия положена.

— Не надо мне никакой премии. Я не для нее работал, — возразил Семен.

— Знаю. Но мы все равно выдадим к празднику... Ну, а теперь пошли!

— Я побуду здесь еще малость, — сказал Ильчук.

Но Илларион Макарович упрямо теребил его за рукав.

— Пойдем, брат, пойдем! Ты не знаешь еще, куда я тебя зову. — Председатель лукаво подмигнул.

— Куда же?

— На заводь зову, твою новую затею проверим.

— На заводь? Тогда едем, — тотчас оживился Семен.

— Готов как пионер! Ишь, как выпрямился. Ох и увлекающийся ты человек! С виду суровый, а затейник... Ну что ж, раз так — едем, товарищ Бережной, — подмигнул Головченко Алексею. — Осматривать поля — это по твоей части.

Бережной не сразу ответил. Он скользнул глазом по циферблату часов и, убедившись, что все равно опоздал в бригаду, согласился.

Через полчаса бывалый газик привез их на топкий берег заводи. Узкая степная речушка одним из рукавов растекалась здесь по болотистой низине, заросшей желтеющим камышом.

Семену Ильчуку эти места были хорошо знакомы. Ранней весной он именно здесь охотился на волков. Вон там на холме колышет ветер ветви кряжистой шелковицы, на которой он с дедом Ключко провел холодную майскую ночь. А в низине, на самом берегу, плакучие ивы, по-прежнему склоняясь к воде, полощут в струях ручья свои узкие листочки.

Топкая заводь напомнила Алексею полузабытые картины детства. Сюда, к развилке реки, он пригонял на водопой коров, помогая пастушествовать покойному батьке. На илистом мыске, бывало, плескался с голопузыми сверстниками. А вон седая ветла. Она ничуть не изменилась за последние двадцать с лишним лет. С ее макушки когда-то лунным вечером он снял искусно сплетенное гнездо ремезов и принес

в родную хату. Юркие птички за один час, носясь по горнице, уничтожили всех мух.

К удивлению Бережного, Головченко несколько раз пронзительно свистнул и громко захлопал в ладоши. Не успело гулкое эхо раскатиться по камышовым зарослям, как из прибрежной осоки поднялся, шумно хлопая крыльями, крупный селезень. Разжиревшая птица летела медленно и низко, порой касаясь воды. На тусклом, подернутом зеленой ряской зеркале заводи, словно от пунктирных точек, лениво поплыли широкие круги.

— Вот прямо по линии ее полета и насыпем плотину, от берега до берега. Тогда река не будет заливать низину. Дно заводи подсохнет, а мы распашем его под зерновые, под огороды,— объяснил свой план Семен.

— Да, земля здесь богатая,— согласился Головченко и спросил Бережного:— А ты как думаешь, агроном?

— Тут все ясно,— ответил Алексей. Он сделал несколько шагов по топкому берегу и, наклонясь, врылся рукой в мягкий, покрытый нежным зеленоватым пушком грунт. Комок зачерпнутой земли потек по его ладони влажной маслянистой массой.— Не земля, а сало. Хоть с хлебом ешь.

— Это ты хорошо сказал,—откликнулся председатель.— Сало и есть, земляца — ничего не скажешь, а как нам это сало добыть? Вот ты, Семен Демьянович, просто говоришь — насыпь плотину. А во что это колхозу влетит? Ведь не только одну плотину построить нужно. Здесь, когда в марте льды да снега растают, весеннюю воду придется отводить. Котлован рыть треба, а с такой работой ты, дорогой, и за пять лет, боюсь, не справишься. Подумал об этом?

— Конечно. И даже подсчитал,— ответил Семен.

Он сделал паузу и сердито взглянул на Головченко.

— Что же ты надумал?— торопил его председатель.

— Метрах в трехстах отсюда большой овраг. В него всю воду, что в заводь заходит, поместить можно. Только канал прорыть.

— Канал этот полгода всем селом рыть придется.

— Полгода? Что ты, Илларион Макарович! Двум экскаваторам на две недели работы.

— Ишь ты какой скорый!

— Уж такой. Зато в овраге ставок сделаем, рыбу, хоть гусей, уток разводи. И полям, что рядом со ставком, тоже от него польза будет.

Бережному понравился план Ильчука. Довольно хорошо учел этот отставной майор все особенности местности. Алексей чувствовал, что сам он, несмотря на всю свою ученость, вряд ли смог бы составить такой дивный проект.

— Не ожидал, Семен Демьянович, что ты такое придумаешь, — признался он.

— Просто это же по моей части. Ведь я сапер, — пожал плечами Ильчук.

— А ты, агроном, думал, что у меня заместитель протак? Нет, братец, он только на вид неказистый, а голова у него громадная. Мозгов много, — грубовато пошутил Головченко и хлопнул Семена по плечу. — Ну говори, сколько твоя затея потянет в рублях?

— Не считал в рублях пока.

— А в чем же ты ее считал, в копейках?

— Прикинул по-своему, а сколько — судите сами. По расчетам выходит, что мне нужно два экскаватора, два грузовика и роту солдат.

— Роту! — рассмеялся Илларион Макарович. — Да ты знаешь, что за одни чертежи и за расчеты проектировщики разные да инженеры с нас кругленькую сумму возьмут. Да еще будут год твой проект морозить. План местности начнут снимать, грунт пробовать и прочее. Вот как! Не веришь? Спроси агронома, он человек ученый.

— Вообще-то проектные организации берут не дешево и работают медленно, — подтвердил Алексей, но ему хотелось поддержать Семена. — Все же, Илларион Макарович, колхоз должен пойти на эту затрату, она с лихвой окупится. Это как целина.

— Ты меня не агитируй, дорогой! Я не хуже тебя могу об этом рассказывать. Но тут серьезно прикинуть надо, что у нас получится, на что рассчитывать.

— Могу помочь в этом, — голос Алексея неожиданно зазвенел. — На этой земле, — он снова зачерпнул ладонью жидкий маслянистый грунт, — мы увеличим сборы зерна раза в три с половиной, картофеля — в пять, а овощей — в пятнадцать—двадцать раз.

— Это серьезно?

— Вполне.

— Хорошо ты, агроном, соображаешь. Я насчет овощей говорю. Получается здорово! Даже если не в пятнадцать раз, как ты обещаешь, а, скажем, в десять, и то дело стоящее.

— Только учтите, одни овощи выращивать тут нельзя. Скоро земля истощится. Надо будет чередовать овощи с зерновыми и бобовыми.

— Ладно. Давайте-ка помолчим и подумаем, — предложил Головченко.

Словно наперекор ему где-то в камыше закричала выпь. Крик вызвал переполох. Из камыша, снова поднялся селезень. Он шумно выпорхнул и направился к берегу, где стояли люди. Но, заметив их, круто изменил путь. Тяжело махая крыльями, он низко полетел вдоль реки, сверкающей красками заходящего солнца. И люди залюбовались медленным полетом птицы, которая, казалось, черпала своими крыльями переливчатые волны золотого заката.

Все трое были заняты похожими, но в то же время и очень разными думами. Бережного, Ильчука и Головченко волновали мысли о необходимости преобразования этих мест. Но если для Алексея строительство плотины на реке и освоение плодородных земель плавней представлялось вопросом отдаленным, то Семен считал необходимым завтра же приступить к делу.

Илларион Макарович своим хозяйским умом уже решил, что затея Ильчука вполне подходящая.

Однако он не желал спешить в таком важном деле, был по-крестьянски осторожен, когда требовались большие денежные затраты. Уж очень неожиданно возникла эта затея. А тут, как назло, Ильчук требует окончательного ответа: мол, согласен, давай строить. Нет, брат, этого ты от меня так сразу не дождешься. Такие решения на ходу не принимаются.

Садясь с Алексеем в машину, Семен незаметно подмигнул ему: «Сдался, пожалуй, старик!..»

Головченко сам повел вездеход, в душе гордясь своим шоферским мастерством. Синеватые сумерки затянули степной простор, когда они добрались до окраины Колосовки.

Молоденькие деревья и кусты нового парка тянулись вдоль дороги, ведущей в село. Бережной еще издали в тени тополей увидел знакомые очертания старенького домика. Из трубы его тек белый ручеек дыма, петляя по голубому полю неба. Начало вечереть. Одно окно дома светилось ясным спокойным огоньком. Лишь только приблизились к нему, он попросил Головченко остановить машину.

— Старых знакомых проведать надо.

* * *

У самого домика Алексей наткнулся на решетчатую деревянную ограду, открыл калитку и вошел в затемненный деревьями дворик. Здесь он заметил знакомую дорожку из кирпичей, которая вела к низким покосившимся дверям. Эти полустертые кирпичи, покосившаяся дверь, старые деревья, которыми был обсажен двор, напомнили Алексею день, когда он мальчишкой в последний раз вышел отсюда. И вот только сейчас, через много лет, он снова появился у этого порога.

Годы, казалось, совершенно не коснулись тихого уголка, который, словно оцепенев, невредимо проплыл сквозь бурное время.

Алексей сделал несколько шагов по кирпичной кладке. От волнения у него пересохло во рту. Он чувствовал, что не сможет сейчас бодро, как положено в таких случаях, задать обычный вопрос: «Хозяева! Где вы?»

Он остановился на секунду и, лишь успокоившись, тихо постучал в дверь.

— Можно?

— Кто там? Войдите, — раздался глуховатый женский голос.

Бережной открыл скрипучую дверь и, щурясь от света, переступил порог. Он очутился в маленькой передней, одновременно служившей и летней кухней. Ее чисто побеленные стены, потолок, большая печь, начищенные до блеска тазы и кастрюли отражали яркие лучи маленькой электрической лампочки.

На широком столе, покрытом зеленой клеенкой, дымилась полная горячей воды миска, в которой громоздились немытые тарелки.

Седая дородная женщина с мокрым полотенцем и чашкой в руках шагнула навстречу нежданному гостю.

— Признаете меня, тетя Даша? — тихо спросил Алексей.

— Конечно, признаю, Олекса. Да как тебя не признать, когда Павло мой давно о твоём приезде сказывал. А то б, наверное, не признала. Ведь ты тогда совсем малый был, а теперь — гляди какой. Погоди-ка, — она положила на стол чашку и троекратно поцеловала Бережного.

Потом показала ему на стул возле стола.

— Сидай. Мабуть, за день проголодался?

В мягком голосе, каким было сказано это, звучала и материнская доброта, и недопускающая неповиновения строгость. Бережной понял, что он обидит хозяйку, если не присядет к столу. Тетя Даша метнулась к печке. Зазвенела железная заслонка. Не успел Алексей и слова вымолвить, как возле него появилась полная миска горячего, заправленного сметаной борща. Затем он увидел холодное нарезанное ломтиками мясо и маленькие соленые огурчики. Хозяйка поставила на стол довольно объемистый графин с водкой.

Алексей смутился таким хлебосольством. А хозяйка стала наливать водку в старинные чарки.

— Ну это вы совсем зря, тетя Даша. Мне еще работа предстоит,— отодвинул от себя чарку Бережной.

— Без этого нельзя,— нахмурилась женщина.— Столько лет не виделись, а ты отказываешься.— И снова подвинула водку к Алексею.— Как хочешь, а по обычаю выпить надо. Я стара, а тебе компанию составляю. И сына позову. Он после обеда в спальне вздремнул.

Тетя Даша крикнула:

— Павло, иди сюда! Глянь, кто приехал.

На ее зов никто не откликнулся. Только после вторичного приглашения в смежной комнате послышалось ворчание, а потом шаги, и в дверях показался паренек лет двадцати двух с заспанным лицом, очень похожий на тетю Дашу. Слегка прихрамывая, он подошел к гостю и протянул руку.

— Это Олекса, о котором я тебе говорила,— пояснила мать.— Вот видишь, приехал и к нам, наконец, зашел.

Алексей пригляделся к Павлу и вспомнил, что где-то уже встречался с ним.

— Мы, кажется, знакомы? Трактор осматривали на полевом стане?

— Было такое,— согласился парень.

— Что ж не сказали, что вы Лысюка сын?

— Да как-то не к месту получалось.

— Он у меня механик,— похвалилась тетя Даша.

— Главный механик,— поправил мать Павло.

— Вот тебе и на,— желая польстить самолюбию парня, сказал Алексей,— а мне и в голову не приходило, что сын тети Даши и есть наш главный механик. Значит, это вас мы сегодня на ферме ожидали, чтобы механизацию кормушки принять.

— Я приехал, а ее без меня пустили.

— Ладно, сынок, о делах балакать. Ты лучше чокнись с Олексой за встречу. Человек с поля, голодный.

Тетя Даша налила еще чарку и протянула сыну.

Тот наотрез отказался.

— Извини, мама, не могу. Рад душевно, но никак. Мне скоро репетировать, на баяне играть, а директорша не терпит спиртного духа.

— Ох и крепко взяла же она тебя в руки!

— Да не в этом дело... Просто неудобно перед Александрой Андреевной. И у меня как-никак авторитет.

— Ишь ты! Кружит директорша тебе голову. Знаем мы этот авторитет! Человек приехал, а ты с ним даже чокнуться боишься.

— Ничего вы не поняли, мама. Просто я ее уважаю,— ответил Павло и посмотрел на часы.— Извините, мне пора.

Прихрамывая, он вышел из комнаты.

— Горячий у меня Павлуша! А как на механика выучился, еще и важным стал. Женить его собиралась — и слышать не хочет. Я, говорит, должен сам найти себе жену. А где по его характеру найдешь? Он требовательный,— сетовала тетя Даша. Прищулив глаза, она вдруг спросила:— А ты, Олекса, женатый?

— Женитьба, тетя, дело сложное.

— Чудное ты, Олекса говоришь. Нашел бы девушку по сердцу, и все тут. Не бобылем же тебе вековать. Ну, а как живет Катя?

Теперь Алексей понял, почему завела такой разговор тетя Даша. Что сказать ей о его отношениях с Катей? Обманывать не хотелось.

— Она сейчас аспирант. Я редко виделся с ней последнее время.

Воспоминание о Кате разбредило старую рану. К счастью, тетя Даша повела речь о другом.

— Нелегко мне, Олекса, после смерти хозяина. Сколько лет уже прошло, как Степан Тимофеевич помер, а все позабыть не могу.

Тетя Даша вытерла фартуком набежавшие на глаза слезы. Ее горе растрогало Бережного. Он как бы опять увидел невысокого тихого человека, который в трудную военную годину открыл ему дверь своего дома. Тетя Даша принесла пожелтевшую фотографию. На Алексея глянуло из дымки далеких лет худое морщинистое лицо одетого в ватник кре-

стьянина. Глубоко запавшие глаза под седыми бровями, казалось, таили повесть о нелегкой, но честно прожитой жизни.

— Степан Тимофеевич перед смертью все волновался за сына, наказывал ему хорошо учиться. И тебя он тоже вспоминал.

* * *

Рассказ хозяйки прервало появление Павла. Новый темно-синий костюм облегал его стройную фигуру, оттеняя загоревшее лицо.

— Так я в Дом культуры,— бросил он на ходу и вышел во двор.

Алексей невольно почувствовал зависть к этому парню, который пойдет сейчас туда, где звучит смех, раздаются музыка, песни. Там он, вероятно, увидит сероглазую девушку, с которой Алексей познакомился сегодня. И ему захотелось вместе с Павлом пойти в Дом культуры.

Но встать и уйти, не посидеть с тетей Дашей, которую он столько лет не видел, пожалуй, нехорошо.

— Орел у вас сын!— сказал он хозяйке.

В затуманенных слезами глазах женщины сверкнула гордость.

— Исполнилась дума Степана Тимофеевича. Мы с ним после революции лишь в ликбезе грамоте научились, а сын наш, гляди, и курсы осилил, и главным механиком в колхозе стал. Хотя и хроменький он — осколком немецкой мины ногу побил,— а здоровьем крепкий. Жил бы отец — порадовался. Но, погоди, я тебе о его наказе расскажу.

— Каком наказе?

— Когда Иван Григорьевич Корнедуб свою пшеницу при немцах спалил, мой Степан покоя себе не находил: «Не может того быть, чтобы и человек погиб, и труды его». Целую ночь он по сожженному полю бродил, а под утро черный весь от сажки пришел и кое-какие колоски уцелевшие, что на пепелище собрал, домой принес.

— Тетя Даша,— с волнением перебил ее Алексей,— а они, семена эти, сохранились?

— Чего это ты так встрепенулся? Погоди. Я все по порядку.

— Вы только скажите — колосья сохранились?

— Успокойся. Сохранились.

— Ну, вот и все. Теперь мне на душе легче,— промолвил Алексей. Он поднялся со стула и зашагал по кухоньке.

— Ой, Алеша, да ты, видать, нервный,— удивилась хозяйка.— Сядь, успокойся, а то я говорить не буду.

Бережной сел, и она продолжала.

— Степан Тимофеевич обмолотил колосья, зерна высыпал в глиняную сулейку, залил горлышко воском и на горнище в сухие опилки закопал. А когда перед приходом наших в сорок четвертом году весной он заболел, то перед смертью наказал, кому сулейку с семенами в руки верные отдать: если Павел будет пшеницей интересоваться, то ему, а если Олекса или Катя приедут, значит — вам. Но Павел у меня по механической части пошел, а ты и Катя в село так и не приезжали. Тогда я агроному одному лет десять назад семена и отнесла.

— Так у него семена?— воскликнул Алексей.

— Да нет же! Послушай, как было дальше.— Не принял сулейки агроном тот. «Ты, тетка, мне голову не морочь,— сказал он.— Если у тебя зерна некуда девать, так воробьям скорми». Плюнула я и ушла. Агронома этого вскоре из нашего колхоза вытурили за пьянство. Вот какие дела!

— Ну, а зерна где?

— Как где? В сулейке.

— Целехонькие?

— Конечно!

Алексей засовался от нетерпения.

— Тетя Даша, как же мне на них взглянуть?

— Лезь на горнище и смотри!

Не прошло и минуты, как Алексей, светя фонариком, стал пробираться по пыльному чердаку к месту, где, по словам тети Даши, были спрятаны семена. «Только бы сохранили всхожесть,— думал он.— Только бы не пропали».

Чердак был завален хламом: какими-то истлевшими рогожами, изношенной обувью, даже деревянными столами, которые носили люди в годы фашистской оккупации. Разгребая всю эту рухлядь, Бережной добрался до затканного густой паутиной угла.

Видимо, здесь уже много лет никто не бывал. Алексей разорвал пыльные тенета, заставив в панике бежать огромных пауков-крестовиков. Под самым накатом крыши бледный луч наткнулся на коричневое горлышко бутылки, залитое воском. Бережной вытянул из опилок объемистую глиняную сулейку.

Перепаханный, взъерошенный, он сразу бросился в кухню посмотреть содержимое сосуда. Отковырял воск и высыпал на ладонь горстку светло-коричневых зерен.

Одно из зернышек Бережной осторожно раздавил зубами. Посмотрев на стекловидную сердцевину семени, он определил, что это было зерно великолепной пшеницы, созданной Корнедубом. Алексей засмеялся. В его ладонях переливались янтарные семена замечательного колосовского злака, который был так нужен ему для опыления твердой озимой. Труд Ивана Корнедуба не погиб бесследно. Найденные зерна будут верной тропой к созданию новых урожайных сортов. Бережной осторожно ссыпал семена с ладони в сулейку и неподвижным взглядом уставился в окно.

— Бог с тобой, Олекса, ошалел ты, что ли? — тетя Даша взяла его за локоть.

Смущенно улыбаясь, Алексей почистил одежду, помыл руки, лицо и, простясь с хозяйкой, вышел на улицу.

Звезды уже густо покрыли небо. Глядя на них, Бережной задумался о своей судьбе, о Кате. Как бы хотелось ему поделиться с ней радостью! Но любимой девушки не было рядом. Когда он добрался до маленького дома деда Ключко, его встретило дружелюбное ворчание Чингиза. Овчарка лежала у ног Ильчука, рисовавшего проект своей плотины.

В ответ на его любопытный взгляд Алексей с торжествующим видом поставил сулейку прямо на чертежи и рассказал о своей находке.

Утром часть семян Бережной послал Злобницкой. Он знал, что Вера Федоровна с должным вниманием и интересом отнесется к ним. Наверное, Верочка порадуетя не менее, чем он сам! Она тоже использует эти семена для создания твердой озимой.

...Бережному не терпелось поскорее посеять заповедные зерна. Но для этого предстояло создать в колхозе опытный участок. В воскресенье, рассчитывая на помощь молодежи, он захватил боксерские перчатки и направился в Дом культуры. Здесь его ждали. Митя бросился навстречу с таким радостным лицом, что, казалось, каждая из его многочисленных веснушек излучает золотистый блеск.

— Товарищ Бережной, все уже собрались! — почти по-военному отрапортовал Шевченко.

Алексей посмотрел на свою аудиторию и удивился. Девушек, пожалуй, было больше, чем парней.

— У нас даже девчата боксом интересуются, — объяс-

нил Митя.— Хотят посмотреть, как хлопцы тренируются.— Покраснев и слегка заикаясь, он обратился к собравшимся: — Сейчас, товарищи, организационное занятие нашей секции проведет мастер спорта, боксер полутяжелого веса товарищ Бережной, который расскажет о своей борьбе на ринге.

Такое пышное титулование смутило Алексея, но раздавшиеся дружные аплодисменты настроили на веселый лад. Он шел сюда не только, чтобы рассказать о боксе, но и чтобы попросить хлопцев помочь ему в поле. Митя, наверное, и не подозревал, какую он подал ему замечательную мысль! Он и в самом деле расскажет сейчас этим славным ребятам о своей борьбе, перед которой поблекнут самые острые поединки на ринге. И, улыбаясь, он начал:

— Бокс, друзья, знать неплохо, когда имеешь дело с противником. Но первые приемы бокса я изучал не в спортивном зале, не на ринге, а неподалеку от нашего села, в лесу. В партизанском отряде. Я же сам здешний, и к тому же приемный сын Ивана Григорьевича Корнедуба. Того самого, именем которого наша новая улица называется...

В зале наступила напряженная тишина.

Алексей точными словами нарисовал озаренную пламенем далекую военную ночь, когда ему удалось вынести из горящей хаты малолетнюю дочь Корнедуба, как потом нашел тропу в партизанский отряд.

— Вот здесь-то и пришлось мне впервые узнать, что такое бокс, только вот без этих,— показал он на свои черные перчатки.— А началось это так. Был в нашем отряде кряжистый и сильный человек. Надевал он флотский бушлат и ветхую полосатую тельняшку. Наверное, поэтому звали его «Володя-моряк». Однажды нас двоих в разведку назначили. Отозвал он меня на лесную поляну и говорит: «Снимай-ка, браток, ватник, я тебя сейчас кое-чему полезному научу». И сам с плеч на землю бушлат сбросил. Посмотрел я на Володю-моряка и по его примеру ватник снял. Тогда он командует: «А ну-ка, налетай на меня и что есть силы бей — не жалей». Удивился я. А он дальше поясняет: «Больно ты жидковат, надо тебе этот пробел боксерской выучкой компенсировать, чтобы ты мог в рукопашной фрица одолеть. Так что давай — бей».

Что делать? Размахнулся я так, что сам едва на ногах устоял. Но кулак мой мимо Володиной скулы пролетел, только воздух разрезал. Я снова прицелился — и опять ми-

мо. А он стоит, усмехается. «Эх ты, мужчина!» Разозлился я не на шутку. Тогда Володя легонько меня под ложечку ткнул. Я сразу на земле распластался. Вот так и начались наши занятия. Скоро я усвоил некоторые приемы нападения и защиты, и они не раз выручали меня не только в войну, но и в мирное время. Помню, однажды, когда уже студентом был, пришлось мне Володиной наукой воспользоваться. Напали трое хулиганов, пришлось усмирить. Узнал об этом институтский тренер Александр Кирибеевич Пушко. Приглянулся я ему, и стал он меня уже по всем правилам боксу обучать. Так и попал я на ринг. Однако чемпиона из меня, сами знаете, не вышло. Другая борьба, гораздо более важная, захватила меня. Вот почему я не оправдал надежд своего тренера.

Бережной сделал паузу и обвел взглядом присутствующих.

— А что это так захватило вас? — робко задала вопрос пухленькая черноглазая девушка.

— Перестань, Галка! Вечно вперед батька в пекло лезешь, — шикнул на нее паренек, ее сосед.

— А я сейчас поясню, — ответил Алексей и вкратце рассказал о своих опытах по созданию нового сорта озимой твердой пшеницы.

Его внимательно слушали.

— Для того я и приехал в родную Колосовку — пшеничный край, чтобы в нашем микрорайоне, как говорят агрономы, в естественных условиях лесостепи проверить свою озимую. Но тут меня ожидал приятный сюрприз. Оказалось, что хорошие дела человека никогда не пропадают. Не пропало и дело рук Корнедуба.

Алексей заметил, что глаза у слушателей загорелись любопытством.

— Вы восстановили, наверное, сорт его пшеницы?

— Нашли дневник работы?

— Может, спрятал он семена своей пшеницы? — слышались голоса.

— Да нет, иначе все получилось! — И Алексей рассказал, как сохранились Корнедубовы зерна и как он нашел их на чердаке тети Даши.

— А чего же она сыну эти семена не дала? — спросила все та же неугомонная Галя.

— Видимо, потому, что сын у нее механик. А тетя Даша решила передать эти зерна в руки агрономов, — Бе-

режной, открыв чемоданчик, с которым пришел, вынул из него сулейку и поставил ее на трибуну рядом с боксерскими перчатками.

Девушки и парни повставали с мест. К сулейке потянулись десятки рук. Посыпались вопросы:

— А она с зерном?

— Какие же в ней зерна?

— Не испортились ли они?

— Годны ли к посеву?

Алексей не успевал отвечать. Он высыпал на газетный лист горстку пшеницы.

— Только чур, осторожнее, чтобы ни одного зернышка не потерять.

Его предупреждение оказалось излишним.

Хлопцы и девчата, затаив дыхание, чтобы лишний раз не дунуть, склонились над горсточкой Корнедубовых зерен. И лишь некоторые осторожно, словно семена были из особенно хрупкого вещества, дотрагивались до них пальцами.

Когда все осмотрели сулейку и ее содержимое, Алексей сказал:

— Уже пора «корнедубку» да и мою озимь сеять. Если время упустим, придется целый год ожидать. Надо, друзья, эти семена проверить. Может, придется и над Корнедубовой пшеницей, и над моей еще не один год потрудиться, чтобы создать такой сорт, о котором сам Иван Григорьевич мечтал. Сколько б ни пришлось работать, но своего добьемся!

— Раз надо сеять, так давайте посеем,— предложил Митя.

— Давайте! — принял предложение Бережной. Об этом-то и речь. На первый раз надо с полгектара земли вспахать под опытное поле. Это займет немного времени.

— А где пахать будем? — деловито спросил долговязый паренек.

— Поле уже нам выделили. За селом, рядом с огородами.

— Это, конечно, можно вспахать как-нибудь вечером, после работы, — вздохнула Тамара.

— А я, пока говоря, думал сделать это сегодня.

— Так сегодня ж выходной, и одеты мы по-праздничному.

— А чем эта работа не праздник? Тут всего дела — пустяк. За час-другой управимся. Между смехом сделаем,— раздался за спиной Бережного звонкий голос.

Бережной обернулся и увидел Александру Андреевну Квитку. Когда она появилась в зале, он в пылу беседы не заметил. Серые глаза девушки блестели.

На трибуну вышел Митя. Он поднял руку, прося слова.

— А как же, товарищи, насчет секции бокса? Будем боксом заниматься или пшеницу сеять? — спросил он.

Его слова вызвали оживление.

— Конечно, пшеницу сеять!

— Бокс — потом!..

— Да я не против, хоть сейчас готов в поле, — замахал руками Митя. — Только я хочу, чтобы наше собрание учредило секцию. А товарищ Бережной был бы в ней тренером и руководителем. Кто — за? Прошу поднять руки.

Бережной был несколько ошарашен такой необычной процедурой, но ребята с самым серьезным видом проголосовали за Митино предложение. Причем голосовали не только парни, но и девушки.

— А теперь по машинам и в поле! — скомандовал Митя.

Хлопцы и девчата заполнили кузова двух грузовиков, что стояли у входа в Дом культуры.

Одну из машин повел Митя. Алексею предложили место в кабине второго грузовика. Здесь, положив смуглые руки на баранку, уже сидела Александра Андреевна.

— Вы, оказывается, не только мотоцикл водите? — удивился Бережной, садясь рядом с девушкой.

— Вас это очень удивляет?

— Не так, как раньше. Теперь мне кажется, что нет ничего, с чем бы вы не справились.

— Ох уж эти мне комплименты! — нахмурила брови Шура и, включив мотор, повела грузовик по улице.

Некоторое время они ехали молча. Бережной искоса поглядывал на тонкий профиль соседки.

— У нас многие колхозники освоили технику, — вдруг проговорила Квитка. — Председатель наш сам водит машину, и даже секретарь райкома Шеварутин, на что человек занятой, техминимум тракториста недавно сдал.

— И вы, видать, техникой увлекаетесь?

— Есть такой грех, — рассмеялась Шура, блеснув ровными белыми зубами. — А вы?

— Вожу только трактор...

— Если так, то машиной управлять быстро научитесь. Надо вам в автокружок записаться. У нас при Доме культуры имеется.

— Рад бы, да где время взять?
— Я это уже слышала. Однако сегодня вы нашли время для беседы. А не было б ее, то кто бы помог вам сейчас на поле?
— Пожалуй, верно!
— Еще бы!
— Значит, мне надо всегда находить время для бесед. Так по-вашему?
— Конечно, так.— Шура рассмеялась.— Ну, вот мы и приехали.

Машина, миновав окраину села, выехала в степь. Здесь их уже ожидали опередившие парни и девчата.

Мити среди них не было — он ушел за трактором.

* * *

Вскоре из-за косогора, где чернели вспаханные поля, пыхтя голубоватым дымком, показался большой гусеничный трактор.

— Да ведь эта машина на взмете зяби работает!— воскликнул Алексей.— Ее нельзя брать без разрешения председателя.

— Видно, Митя уговорил тракториста. Они дружки по футбольной команде,— пояснила Тамара и рассмеялась.— Вы еще не знаете Митю! Он может всего добиться.

Бережной хотел вернуть трактор на пахоту. Но было поздно. Могучая машина уже въехала на участок, отведенный под селекционное поле.

Трактором лихо правил вихрастый паренек, рядом с ним сиял улыбкой Митя. Пахнуло тепловатой керосиновой гарью.

— Зачем же вы, ребята, без спроса сняли трактор с пахоты? Нехорошо,— обратился к ним Алексей.

— Сем бед — один ответ,— пожал плечами Митя.— Вы, товарищ агроном, лучше укажите, где пахать. Мы быстро!..

Бережной развел руками и пошел к отмеченной колышками границе опытного поля. Тракторист кивнул головой и повел трактор в первую борозду. Митя опустил лемеха, и острая сталь вгрызлась в землю, и за ней, словно бурые волны, поднялись пласты влажного грунта.

Алексей взял лопату и стал ровнять взрыхленную почву. По его примеру заработали лопаты хлопцев и девчат.

Поросший блеклой травой, участок стал превращаться в разлинованное на ровные делянки поле.

Бережной увлекся работой и не заметил, как подхватил хорошо знакомую народную песню. Ее запели девчата, а затем к ним присоединили свои голоса парни, и песня поплыла над степью, заглушая ворчание тракторного мотора.

«Стоїть гора високая, попід горою гай». Приятный тенор Алексея хорошо оттенял звонкий голос певшей где-то недалеко девушки. Он посмотрел в ее сторону. Увидев Александру Андреевну, на миг приостановил работу. Голубой берет, съехавший на затылок, и русые коротко подстриженные вьющиеся волосы делали ее похожей на задорного мальчишку. Она ловко разгребала лопатой землю, и движения гибкого и сильного тела девушки сливались с ритмом песни. «Голос какой чудесный!» — подумал Алексей и тут же поймал себя на мысли, что, кроме Кати, уже давно не засматривался ни на одну женщину.

Катя! Как странно разошелся он с ней. Вот ее образ заслоняет другая. Уже?.. Удивился собственному легкомыслию и, подтягивая хору, снова принялся за работу.

Песню неожиданно оборвал шум председательского вездехода. Из остановившейся машины вышли Илларион Макарович и Павел Лысюк.

Головченко внимательно посмотрел на Бережного, который в ожидании замечания за снятый трактор потупился и старательно ровнял лопатой борозду, сделанную плугом.

— А новый агроном — молодец, — неожиданно весело сказал Головченко. — Ученый, а по-нашему землю ворочает.

— Не то, что прежний. Тот все руки в карманах держал, — откликнулась на его слова Тамара.

— Ишь ты! Верно заметила, — улыбнулся председатель. Он хотел что-то сказать механику, но Лысюк стремительно подошел к Алексею, попутно бросив взгляд на стоявшую рядом с ним Александру Андреевну. Его лицо потемнело.

— Нехорошо вы, товарищ Бережной, делаете.

— А что? — спросил Алексей.

— Вы в мои дела вмешиваетесь. Я — главный механик. Я... — петушился Павло.

— Ну, ну, опять я да я. Уже заякал! Раньше надо узнать, что к чему, — вмешался, подойдя к ним, Головченко.

— Видите, товарищ Лысюк, я как агроном отвечаю за график пахоты,— объяснил Алексей.

— Да это же комсомольское дело, Павло! — крикнул подбежавший Митя.

— Не ори,— оборвал его Лысюк.— Я приказываю трактористу увести агрегат на колхозную пахоту. Я тоже за план отвечаю и никому не позволю его срывать. Слышите?

Головченко и Бережной поинимаясь переглянулись.

— Стоп, не горячкуй, парень! — положил ему руку на плечо председатель.— Все равно уже поздно. За доброе дело взялся агроном... и получается, что он вроде и не виноват.— Илларион Макарович лукаво улыбнулся.— Комсомольцы без твоего разрешения трактор взяли — это, конечно, нехорошо. Но раз грех такой вышел, пусть допашут делянку! Тут работы, я бачу, на полчаса осталось, а шумишь ты зря.

— Вы же с меня потом взыскивать будете. Я за план отвечаю!

— Смотри ты,— погладил бородку председатель.— Заладил — план да план! За него не только ты отвечаешь, а все мы, и я, и они,— он показал рукою на парней и девушек.

Слова Головченко попали в самое больное место Лысюка. Самолюбивый юноша, он был уязвлен вдвойне тем, что замечание председателя слышали все, в том числе и Александра Андреевна, мнением которой он очень дорожил. И Лысюк не удержался, чтобы не бросить обидное слово Бережному, который, по его мнению, был причиной всех неприятностей.

— В том-то и суть, что пустяковым делом вы занимаетесь! Напрасно мать товарищу агроному зерна дала.

Алексей улыбнулся. Выпад Лысюка показался ему настолько вздорным, что он только пожал плечами. Но Шура Квитка принадлежала не к столь спокойным натурам.

— Мне думается, товарищ Лысюк, не тебе об этом судить. Ведь ты механик, а не агроном. Наверное, потому тебе даже мамаша твоя этих зерен не доверила.

Взгляд Павла обжег улыбчивые лица. Он еле сдержался, чтобы не разразиться бранью. Илларион Макарович, увидев, что главный механик побледнел, взял его под руку.

— Пойдем-ка, друже, так сказать, от беды.

— Нет, Илларион Макарович, я не могу никуда уходить. Я останусь, пока трактор на пашню не вернется. Проверю,— буркнул Павел в ответ.

— Если людям не веришь, тогда оставайся,— усмехнулся Головченко и пошел к своему газiku.

Хлопцы и девчата снова взялись за работу, но уже молча, без песни. А Лысюк, когда уехал председатель, подошел к меже, где стояли грузовики, и уселся на камень, делая вид, что наблюдает за трактористом. Однако думал он сейчас не о плане, не о графике использования тракторов. Его мучило подозрение, что Александра Андреевна равнодушна к Бережному. Уже одно то, что она участвует в затее агронома, показалось Павлу странным, а ее горячая речь в защиту Бережного подтвердила подозрения. «Небось, за меня она так не заступалась бы. Никогда слова доброго от нее не слышал. А вот приехал этот, так она сразу готова любому глазу за него выцарапать,— думал Павел.— Я ради нее в Дом культуры хожу. Вечерами на репетициях и на концертах то и дело бесплатно играю. В селе уже говорить стали: «Не то Лысюк у нас главный механик, не то главный баянист. Ну хорошо, больше ноги моей не будет в Доме культуры».

Предаваться этим горьким размышлениям Лысюку пришлось недолго. Тракторист допахал участок и, подняв лемеха, повел трактор в обратный путь.

Хлопцы и девчата тоже закончили работу и стали складывать лопаты в кузова грузовиков.

— Ну, спасибо, товарищи! Выручили!— поблагодарил молодежь Алексей.— Вы езжайте, а я еще здесь останусь. У меня работенка такая, что теперь я и один справлюсь.

— Какая же, Алексей Николаевич?— поинтересовалась Шура.

— Да самая простая. Делянки разбить. Мне не терпится поскорее подготовить поле к посеву.

— Значит, вы сегодня не будете сеять?— удивилась Шура.

— Сегодня невозможно.

— Почему?

— Это будет нарушением правил агротехники, да и рано мою пшеницу еще сеять.

— Как это рано?— пожала недоуменно плечами девушка.— Ведь озимые уже давно везде посеяли, а вы говорите — рано.

— Ого! Вы, я вижу, в этом деле разбираетесь,— усмехнулся Алеша. — Только моя озимая непростая. Поэтому мне ее позднее надо сеять... Вот если тогда вы поможете — скажу спасибо.

— Это обязательно. Я и Митю с собой приведу.

— Ну, тогда мы втроем быстро справимся.

— До свидания!— крикнула Шура и, сев в кабину машины, взялась за руль.

Грузовики тронулись. Алексей остался один. Он вынул из чемодана заранее приготовленные колышки с фанерными табличками, на которых были нанесены сорта пшениц, и стал разбивать делянки.

Шура выполнила свое обещание. Через две недели пасмурным октябрьским деньком она пришла с Митей на опытное поле помочь Бережному в севе.

Алексей не без волнения вручил им мешочки с семенами. Себе он оставил сулейку с зернами. Ему самому хотелось посеять их.

— В мешочках сосчитанное количество семян. Надо их посеять так, чтобы каждое зерно лежало в земле на одинаковом расстоянии друг от друга. Чтобы каждый пшеничный росток не мешал развиваться соседнему,— пояснил он.

К вечеру, когда работа была закончена, хлынул ливень. Все трое сразу промокли до нитки. Потом мокрая одежда стала «согревать» тело, и струи дождя перестали казаться холодными.

— Лишь снежка для охлаждения не хватает,— пошутил Бережной.

Подошвы прилипали к вязкому суглинку. Митя первый снял башмаки, подкатил выше колен брюки. Алексей последовал его примеру. Шура тоже разулась.

Домой возвращались, положив мокрую обувь в чемодан Бережного, озорно, как в детстве, шлепая босыми ногами по лужам. И каждый испытывал какую-то особую душевную ясность, словно веселые босоногие годы снова, как по волшебству, вернулись к ним издалека.

Митя как проводник шел впереди и нес чемодан. Алексей, чтобы девушка не поскользнулась, взял Шуру под руку. Сквозь мокрую ткань одежды он чувствовал ее теплый локоть. И ему подумалось, что не только севом одним, наверное, будет значителен прожитый день.

Глава 9. ГОРЯЧИЕ ДНИ ЗИМОЙ

Метели выгладили клочковатые колосовские степи. Алексей шурился, оглядывая ослепительные просторы слоистого снега. Ранняя зима не подводила. Плотное снежное одеяло надежно прикрывало от морозов и ветров ершистую зелень озимой. Бережной чувствовал себя спокойно. Но его настроение не разделял въедливый Илларион Макарович. Еще до хорошего урожая далеко, а агроном, смотри, уже радуется. И председатель не преминул тут же «боднуть» Алексея. Сделал это Головченко с подходцем.

— Опять помогает тебе, агроном, природа. Видно, добрый урожай будет в этом году. Лучше даже, чем в прошлом!

— Конечно, лучше,— уверенно ответил Бережной, не подозревая, что вопрос задан неспроста.

— Гм!— Головченко кинул на него косой взгляд и погладил бороденку.— А как соберешь хороший урожай, так, поди, не успокоишься. На первом же собрании вскочишь на трибуну и загудишь на весь район: «Смотрите, братцы, я как только пришел в колхоз «Дружба», так сразу у них урожай поднял». И тут же, конечно, для убедительности цифры ввернешь: на столько-то центнеров с гектара собрали мы больше зерновых, чем в прошлом году. И всего этого, мол, добились под моим руководством на основе передовой агрохимии. А природу бедную, что нам помогла, конечно, забудем. Так ведь?

— Как вам не стыдно!— вспыхнул Бережной.

— Ты не злился,— сказал председатель,— а лучше послушай. Был у нас один год очень урожайный, так на очередном собрании твой предшественник здорово расхвастался, все успехи на свой счет приписал. Запомнилась мне тогда его трепотня. Я тогда его при всем честном народе на районном слете прижал: «Ну, говорю, в этом году при твоём руководстве почему тебе природа не помогла, расскажи». Целый год после этого над ним колхозники смеялись. Проходу хвастуну не давали.

— Так вы решили, что и я такой?— В голосе Алексея прозвучала обида.

Беседа проходила наедине, когда они, объезжая поля, вышли из машины. Кроме степного ветра, никто их не слышал. Укоризненно взглянув на председателя, Бережной зашагал к вездеходу. Головченко догнал его.

— Не сердись, сынок!

— Не могу понять, зачем вы мне это говорили?..

— А так, для профилактики. Чтобы у тебя, Алексей Николаевич, голова не кружилась. Ты думаешь, я не люблю хвастнуть? Тоже грешен. Потом самому стыдно бывает.— Илларион Макарович подмигнул Алексею.

— Хорошо, Илларион Макарович, но раз на то пошло, я вам тоже для профилактики пару теплых слов скажу.

— Для профилактики?— насторожился Головченко.— Хм! Ну что же, давай. Только, знаешь, полегче. Ведь я годами старше тебя.

— Ясно,— согласился Алексей.— Вот вы, Илларион Макарович, как я понял, погоду считаете главным фактором в земледелии.

— Как ни верти, а выходит вроде бы так.

— Вот сейчас у нас зима для урожая благодатная. Однако и при худшей погоде урожай может быть лучше, чем в прошлом году.

— Ты в этом уверен?

— Хоть голову на отсечение.

— Почему?

— Во-первых, севооборот мы построили удачнее, во-вторых, посеяли сорта, более пригодные к нашим условиям. А главное, мы поля удобрять стали лучше. Значит, не все от погоды зависит. Согласны?

— Нет, друже, не согласен!— Председатель упрямо наклонил голову, поглаживая бородку.— Ты мне вот скажи. Если сейчас ударит, бодай ее в бок, оттепель, растает снег, а затем мороз нагрянет градусов тридцать с ветром, что останется от посева? Снова придется пахать да яровые сеять.

— Этого быть не может!

— Все может быть. Погода капризна.

— Мы учимся учитывать ее капризы. Скоро у нас будут новые сорта озимой, которую ни холод, ни жара не погубят.

— Ну, это еще вопрос, когда такая пшеница будет.

— Скоро,— Бережной показал рукой в сторону опытного поля.— Кому-кому, а вам грех в это не верить. Вы сами это хорошо знаете.

— Так ведь кто ученый? Ты, а не я,— усмехнулся председатель.

— А вы лучше вспомните, как в первые годы коллективизации не было на Украине хороших сортов пшеницы. Тогда высевали слабые морозостойкие сорта — «Земку» и «Кооператорку». Верно? А теперь у нас в ходу такие пшеницы, что их не всякий мороз одолеет! Будут и еще лучшие. Наверное, их давно бы создали, если бы вы помогали.

— Ну, ты меня не тронь! Я не при чем...

— А кто мне в тракторе отказал? А хоть раз моими опытами вы поинтересовались?

— Но я потом помог тебе? То-то! А опытами и сейчас не поздно поинтересоваться. Айда на твое поле, — предложил Илларион Макарович.

Они пошли к вездеходу. Головченко сосредоточенно правил машиной, покусывая кончики сизых усов. Алексей чувствовал, что его слова заставили призадуматься председателя.

Они подъехали к опытному полю. Бережной вышел из машины и стал молча разгребать снег на делянке, где были посеяны зерна, найденные в сулейке. На обнаженной земле он увидел крупные янтарные кустики. Подозвал Головченко.

— Глядите на Корнедубову озимь.

Председатель склонился над растениями, деловито пощупал их узловатыми пальцами старого хлебороба. Он улыбнулся.

— Молодец, Иван Григорьевич! Хорошую память о себе оставил.

Алексей бережно укрыл озимь снегом. Затем он разгреб снег на делянке со своей озимью. Здесь растения оказались несколько иные, более раскустившиеся.

Илларион Макарович разглядывал растения долго и внимательно. И, ничего не сказав, задумчивый пошел к машине.

Алексей замерил температуру почвы и стал записывать в блокнот состояние посевов. Работа увлекла его, и он не заметил, как пролетело несколько часов. Не раз просил он Головченко уехать, уверял, что ему самому нетрудно будет добраться до села. В ответ Илларион Макарович лишь ворчал:

— Ты свое дело делай, не болтай лишнего! — и терпеливо ждал, временами прогревая застывающий на морозе мотор.

Возвращение в Колосовку было оживленным. Головченко, что называется, прорвало. Он задавал агроному вопрос за вопросом. И Бережной понял, что председатель удивлен, как это сорт его, Алешиной, озими дал такие крепкие ростки, как и пшеница Корнедуба.

— Что ж, может, по тропе Ивана Григорьевича пойдешь? — спрашивал он, хитро подмигивая Алеше.

— Может, — в тон ему отвечал Бережной.

— Собираешься победить природу?

— А чем черт не шутит!..

Такие ответы нравились Головченко. Он понял, что молодой агроном не только знает толк в своем деле, но и не хвастун, не «задавака».

Бережной подробно рассказал ему о своем замысле — скрестить свой сорт с Корнедубовой пшеницей.

— Тогда у нас такая пшеничка будет, о которой вы и не мечтали, — закончил свою мысль Алексей. Намного повысим урожайность.

— Ох и хлопотное это дело! Но стоящее, — после некоторых раздумий согласился Головченко. — Громадное.

Вездеход подошел к домику деда Ключко, где в флигельке по-прежнему обитали вдвоем Ильчук и Бережной. Выходя из машины, Алексей попрощался с Головченко, но тот задержал его руку в своей:

— Ты уж на меня не сердись...

Они расстались, оба довольные друг другом.

Дома Бережной успел поужинать, покормить Чингиза, написать обстоятельные письма академику Крыленко и Злобницкой, в которых подробно рассказывал о своих делах, — только тогда пришел с работы Ильчук. От него пахло степным ветром и въедливым дымком солярки.

— Продвинулись на сорок метров, — кратко информировал он Алексея, сбрасывая белый барашковый тулуп, испачканный в нескольких местах машинным маслом и глиной.

Семен вышел помыться и через минуту появился снова. Вытерев полотенцем покрасневшее лицо и руки, он сел за стол ужинать.

Бережной не без удовольствия поглядывал, как деловито расправляется с едой его товарищ. Он стал как-то шире в плечах, моложавее. Нездоровую желтизну смуглого лица сменил ровный оливковый загар, исчезли мелкие морщинки под глазами. Даже седины как-то поубавилось в чер-

ных как смоль волосах. Глаза тоже помолодели, в них появились беспокойные огоньки. Эта разительная перемена произошла в Семене совсем недавно, недели две назад. С того дня, когда он, вечером придя домой, торжествующе заявил Алексею и деду Клочко:

— Фронт прорван!

Позднее Бережному вырисовалось все значение этой фразы. Семен действительно одержал нелегкую победу. Всю осень рисовал, чертил план запруды, делал расчеты. После долгих и жарких споров на колхозном активе, в беседе с секретарем райкома Шеварутиным ему удалось доказать необходимость сооружения запруды и канала. И он был командирован в областной город, в проектную гидротехническую организацию с письмом от правления колхоза, чтобы заключить договор на изготовление чертежей и смет для строительства.

Ильчук приехал в город, не сомневаясь в успехе. Но первый же разговор в проектном учреждении похоронил его надежды.

* * *

Его принял заместитель руководителя бюро, лысоватый бледнолицый человек. Он понимающими глазами оглядел Ильчука и пригласил его присесть у массивного письменного стола. Здесь уже были разложены рисунки, чертежи запруды и канала, сделанные Семеном, а также все его расчеты.

Ильчук принялся объяснять их, но заместитель досадливо нахмурил брови и остановил его:

— Я рассмотрел ваш... так называемый план. Он требует глубокой и всесторонней разработки. Его осуществление мы начнем с того, что сначала пошлем к вам изыскательскую партию топографов, гидротехников и грунтовиков. Только получив исчерпывающие данные, мы приступим к разработке проекта. На мой взгляд, он будет состоять из ряда сложных компонентов: сооружения плотины, осушения заболоченной местности, устройства искусственного озера, как вы называете, ставка. Так?

Семен в знак согласия кивнул головой. В спокойствии густого баритона собеседника ему почудилась не совсем ясная, но неотвратимая беда. И он спросил:

— Сколько потребуется времени для ваших изысканий?

— Думаю, несколько месяцев.

— А сколько на проект со сметой?..

— Видите ли, это сейчас трудно сказать, потому что проект будет состоять из целого комплекса. Но я полагаю, что за год мы завершим проектирование.

Теперь Ильчуку уже было ясно, что беда неожиданно свалилась на него. Горло Семена пересохло от волнения:

— А какова будет стоимость проекта со сметой?

Понимающие глаза бледнолицего человека сразу потускнели, стали скучными:

— Сейчас трудно назвать точную стоимость проекта и сметы, но, исходя из практики, думаю... — И он назвал крупную сумму.

Семен был оглушен названными цифрами. Это заметил заместитель руководителя бюро.

— Вас что-то удивляет? — спросил он.

— Да ведь это цена всего строительства, а вы только за проект просите...

— Простите, я ничего не прошу. Это раз. Во-вторых, мы проектируем объекты, похожие на ваше строительство. У нас сейчас на очереди много таких работ. В-третьих, мы с вами говорим на разных языках. Хотя колхоз и уполномочил вас подписать договор, вы, я вижу, совершенно не компетентны в гидротехнике. Кто вы, разрешите спросить, по специальности? Наверное, агроном?

— В прошлом сапер. Я не компетентен в гидротехнике, но за войну моему строительному батальону пришлось построить не одну такую плотину. А мой покойный дед, деревенский плотник, с двумя такими же, как он, мастерами, тремя топорами, тремя лопатами и одной лошадежкой с телегой соорудил запруды почти этой, — Семен ткнул пальцем в свой чертеж, лежащий на столе.

— Не знаю ничего определенного относительно вашего деда, но, повторяю, мне трудно объяснить вам, человеку некомпетентному, всю сложность проектирования. Поймите, над проектом должно работать не менее двадцати квалифицированных работников.

— Двадцать, ой-ой? — невольно вырвалось у Ильчука.

На щеках заместителя руководителя бюро выступили красные пятна.

— Я не подпишу с вами договора! — И, заглянув в сердитое лицо Семена, он отчеканил ледяным голосом: — У меня больше нет ни времени, ни терпения спорить с вами.

— У меня тоже нет,— едва сдерживая себя, сказал Семен.— Он с шумом отодвинул тяжелый с резной спинкой стул, поднялся и стал собирать со стола свои чертежи, рисунки, листки с расчетами.— Обдираловка у вас, а не бюро. Настоящая обдираловка!— сердито ворчал он, запихивая бумаги в свой потертый, выдавший виды планшет.

Заместитель нажал кнопку. Кожаная дверь распахнулась. Вошел с тревожным лицом секретарь.

— Этот гражданин грубит!— сказал бледнолицый.— Прошу его ко мне больше не пускать! И найдите письмо, которое он вам принес. Там адрес колхоза. Надо сообщить о его поведении!..

Хлопнув дверью, Семен выбежал из кабинета и остановился лишь на улице. Он с облегчением вдохнул свежий осенний воздух, дрожащими от волнения пальцами достал из кармана портсигар, вынул папиросу, закурил. Затягиваясь едким дымом, быстро пошел в сельскохозяйственный институт. Здесь его ожидали первые вступительные экзамены.

Неудача в проектном бюро не обескуражила Ильчука, а, наоборот, настроила его на боевой лад. За десять дней он сдал все вступительные экзамены. Как заочнику ему предстояло еще месяц прозаниматься в институте, но к тому времени у него созрело окончательное решение: минуя проектную организацию, взяться за строительство запруды и канала. «Добыюсь, все равно добыюсь своего»,— решил он.

Семена так неудержимо потянуло в колхоз, что он, сложив учебники, конспекты и программы, срочно выехал в Колосовку.

Здесь уже знали о его стычке в проектном бюро.

— Эх, и натворил ты там, брат, шуму! Из области в райком самому Шеварутину звонили. Он несколько раз спрашивал, не вернулся ли ты.

Ильчук пошел к Шеварутину.

Первый секретарь райкома встретил его укоризненным взглядом. И это для Семена было обиднее любого «разноса».

Он молча сел на предложенный стул.

— Не такого результата я ожидал от вашей командировки,— осторожно подбирая слова, говорил секретарь. Он сделал паузу, словно ожидая возражений Ильчука, но тот не проронил ни слова.

— И, честно говоря, я никак не мог представить, что вы, человек, который прошел военную выучку, вдруг будете вести себя на манер слабонервной девицы. Истерику закатили в проэктной организации... обидели одного из руководителей. Так ведь?

— Так,— почти шепотом ответил Ильчук.

Он по-прежнему сидел, склонив голову, и, казалось, рассматривал узор ковра на полу.

— Видать, вы там здорово отделали этого деятеля. Он на меня по международному телефону напал: «Плохо, говорит, вы, товарищ секретарь, у себя народ воспитываете». Я ответил, что вы у нас человек новый, из армии, не успел, мол, я вас еще воспитать. Так что вот пришлось из-за вас поволноваться. Но мне из всей этой истории одно неясно, что заставило вас ему грубить?

— Оправдываться не умею, Дмитрий Андреевич. В грубости виноват. Заслужил, видно, «выговоруху». Законно! — Ильчук крепко сжал руки, так что хрустнули суставы. Шеварутин едва заметно усмехнулся.

— Я не об этом, странный вы человек! Я в этой истории разобраться хочу. Короче, выкладывай все по порядку, как все там получилось,— неожиданно переходя на «ты», сказал секретарь.— Говори все.

Ильчук впервые за всю беседу поднял голову и посмотрел в глаза Шеварутину. Секретарь терпеливо слушал длинное повествование. Только когда Семен привел в пример своего деда, который такую же запруду за одно лето соорудил, Шеварутин вдруг от души расхохотался, поднялся со стула и зашагал по кабинету.

— Неужели вы ему так и брякнули про деда и плотников? — спросил он Семена.

— Еще три топора и три лопаты с лошаденкой и телегой упомянул.

Ильчук хотел дальше продолжать свой рассказ, но Шеварутин его остановил.

— Подожди, хватит! Потом доскажешь. Все ясно. Давай лучше подумаем, как дело это с мертвой точки сдвинуть? — Он сел за стол, снял телефонную трубку и позвонил директору районного отделения Межколхозстроя.

— Мне для консультации нужен один толковый инженер. Кто? Ну, например, Козлов. Можно? Тогда передайте ему, пожалуйста, что я сейчас за ним заеду.— Он повесил трубку и обратился к Ильчуку.— Сейчас поедem в Межкол-

хозстрой, а затем на твою заводь. Посмотрим, решим, как быть...— Сделав паузу, он добавил, снова переходя на «вы»: — А с заместителем проектного бюро вы, товарищ Ильчук, вели себя просто невыдержанно, что особенно недопустимо для офицера.

Козлов оказался любознательным гидротехником. Он еще в дороге, сидя в машине Шеварутина, ознакомился с рисунком, чертежами и расчетами Ильчука. Этот немолодой, низкорослый, с виду тщедушный человек, как только приехал на запруду, сразу с какой-то юношеской энергией забегал по берегам уже замерзшей речки и болота.

Они до самых сумерек пробыли здесь. Хорошо осмотрели местность, где должен пройти канал к будущему ставку. Сделали замеры ширины реки.

Не пришлось уговаривать Козлова помочь колхозу. Он сразу согласился, взял у Семена все его материалы.

Видимо, затея Ильчука пришлась по душе инженеру, захватила его. Вместе с сотрудником по Межколхозстрою, молодым геодезистом, Козлов еще целую неделю ездил на запруду — тщательно исследовал грунт, сделал необходимые измерения. А через месяц принес целую пачку аккуратно вычерченных тушью рабочих эскизов, по которым можно было приступать к строительству, и сделал в них необходимые пометки.

Но Шеварутин на этом не успокоился. Он добился, что на правлении колхоза «Дружба» было принято решение: методом народной стройки соорудить плотину, прорыть канал к оврагу, чтобы устроить ставок для будущей птицефермы.

Для этого Межколхозстрой выделил экскаватор, бульдозер, два самосвала, а колхоз — людей в строительные бригады. Начальником работ назначили Ильчука.

На занесенных снегом берегах заводи появились окрашенные в кирпичный цвет вагончики механизаторов, засверкали стальные зубья экскаваторного ковша. В шум моторов вклинились отрывистые голоса людей. Гул стройки далеко разнесли по степи метельные ветры. Семен с рассвета до звездной мглы пребывал на стройке, которую Головченко в узком кругу людей называл «подпольной», а всех ее участников — «подпольщиками».

Ильчук теперь поздно возвращался домой. И, подкрепившись едой, снова уходил на плотину. Алексей привык к отсутствию товарища. О делах на стройке он научился

догадываться по блеску глаз Ильчука, по его озабоченному лицу.

В душе он завидовал другу, который сейчас жил напряженной, беспокойной жизнью. Она напоминала ему годы студенческой юности, а затем работу в селекционном институте. А собственный труд казался далеко не таким объемным, как у товарища. Что с того, что он составил новый план севооборота и сейчас занимался «текучкой», вел наблюдения на опытном поле, обрабатывал записи... Эти занятия не могли заполнить длинные зимние вечера. И Алексей начал частенько заглядывать в Дом культуры. Там он руководил не только секцией бокса, но и занятиями агробиологического кружка. Идея его создания зародилась у Квитки сразу, как только она прослушала первые выступления Алексея. «Агроному полезнее заниматься агробиологией, нежели наукой кулачного боя», — решила Шура.

Но как привлечь Бережного к руководству новым кружком? Ведь он и так неохотно согласился проводить занятия с боксерами. Сложную задачу девушка разрешила просто. Однажды, когда Алексей пришел на занятия секции, она встретила его в коридоре.

— Алексей Николаевич, у меня к вам большая просьба. У нас срываются занятия агробиологического кружка.

— Но меня ждут спортсмены. Я проведу с ними занятие, а затем мы заглянем на опытную делянку. Посмотрим, как поживают в поле наши озимые. Мои боксеры этим вопросом тоже интересуются.

— Знаю. Вот и давайте сейчас соберем членов кружка и ваших боксеров в одну аудиторию и вы с ними проведете занятия по агробиологии. Я думаю, спортсменам тоже будет интересно.

— Да я же не подготовлен к такому занятию. Если бы вы раньше сказали, — попробовал отказаться Алексей.

— Да вы без подготовки расскажете лучше, чем другой с подготовкой. Очень прошу вас — выручайте!

Агробиология была слабостью Алексея. Кроме того, его просила девушка, которая помогла ему недавно на селекционном поле.

* * *

Бережной редко бывал дома вечерами. Иногда по несколько суток проводил в дальних бригадах колхоза. Он прислушивался к советам опытных хлеборобов.

Из года в год в колхозе на значительных площадях синели цветочки люцерны, распускались багрово-фиолетовые лепестки эспарцета. Многолетние травы засеивались на десятках гектаров, которые входили в так называемый выводной или запольный клин.

— Конечно, Илларион Макарович, люцерна красиво цветет. Но нужны ли многолетние травы колхозу? Придется убрать их из выводного клина,— сказал как-то председателю Бережной.

— Не смей делать этого! — грозно ответил Головченко.— К люцерне и эспарцету скотина привыкла, любит дуже...

— А мы ее приучим есть более калорийные блюда: кукурузу, горох, свеклу,— улыбнулся Алексей.

Всегда склонный к шутке, Илларион Макарович на этот раз остался хмурым и после небольшой паузы возразил:

— Да ведь травы грунт улучшают, азот дают.

— Еще в большей степени почва получает азота от гороха, который намного выгодней.

— За модой гонишься? — прищурился Головченко.— Вот стали поругивать травополку, и ты тут как тут... Не хорошо...

Его слова пристыдили Алексея, а веские доводы убедили в правоте старика.

«Вот она, мудрость народная! Я сам призывал учиться у нее, а сейчас, вроде бы, восстаю против этого,— упрекнул он мысленно себя.— А ведь прислушаться к словам опытных хлеборобов надо».

— А как же быть, Макарыч? Ведь действительно...

— Отбредемся как-нибудь! Скажем, мол, действуем по примеру некоторых председателей.

— И что же?..

— Так и мы будем,— подмигнул Головченко.

Бережной согласился.

Он взялся за работы, которые плохо выполнялись в колхозе. Например, снегозадержание выполнялось кое-как, лишь бы доложить районному начальству. Как только выпал первый снег, Бережной вышел на поле.

С особенным удовольствием, какое обычно испытывают с детства, он ступал по еще не примятому ослепительному снегу.

— Ох, богатство-то какое, снег наш! Нельзя ему пропадать зря,— говорил он сопровождавшим его колхозникам.

И в скором времени на всей площади озими были расставлены щиты для снегозадержания.

Новым в работе агронома было и то, что теперь даже «мелочам» агротехники уделялось много внимания. Требовательность агронома пришлась некоторым не по нутру. Стали поговаривать, что он уж очень горяч. Услышав такие толки про него, Головченко на ближайшем заседании правления сказал Алексею:

— Говорят, что ты дуже въедливым стал.

Председатель неспроста бросил эту фразу. Он желал вызвать на откровенный разговор тех, кто таил про себя недовольство новым агрономом.

Алексей оглядел лица присутствующих. Большинство правленцев ухмыльнулось, но Бережной сразу уловил то, что таилось за этим. «А не слишком ли ты, братец, беспокойный? Не пора ли тебе немного поубавить свою прыть?»

«Нет, дорогие товарищи,— мелькнула у него мысль.— Об укрощении моего беспокойства не может быть и речи! Судьба будущего урожая зависит именно от того, как мы сейчас о нем побеспокоимся».

Бережной попросил у Головченко слова и стал говорить о плохой подготовке к весне.

Лица бригадиров сразу помрачнели. Нахмурился и Илларион Макарович. Алексей говорил о том, что обилие выпавших осадков неизбежно вымоет весной из корнеобитаемого слоя почвы азотные питательные вещества. Надо энергичнее заготавливать удобрения для подкормки озимых.

— А как занимаются этим делом бригады? Из рук вон плохо,— агроном обвел взглядом лица присутствующих.

— Товарищ Бережной,— вдруг прозвучал голос главного механика Лысюка.— Не чересчур ли вы сгущаете краски? Помните пословицу: «Достаточно одного дождя в маю и к черту агротехнику твою».

Реплика вызвала дружный смех. Особенно смеялись те, кого задела критика агронома.

— Ни к чему вы упомянули эту неумную пословицу, товарищ главный механик! Будь жив сейчас ваш отец, Степан Тимофеевич, он бы так не рассуждал,— ответил Алексей.— Нам, хлеборобам, нужно помнить другую пословицу: «Земля — тарелка; что положишь, то и возьмешь». Если мы, слышишь, товарищ Лысюк,— обратился он к механику,— забудем это, то, наверняка, не выполним своих обязательств. Даже если много раз в мае пройдут дожди,

— Вот не пойму, почему вы адресуетесь ко мне? Какое отношение я имею к вашей агротехнике? — спросил Лысюк.

— А вот сейчас увидим, какое! Для вывоза удобрений на поля, — продолжал свою мысль Бережной, — нужно использовать автомашины, трактора с прицепами, словом, все транспортные средства. А в настоящее время у нас на это дело выделена всего одна машина. Где остальные? Их нет! Они на ремонте. А срок ремонта давно прошел. Вот я и хочу знать, когда вы его наконец закончите.

— Это не ваше дело! — вскипел Лысюк.

— Как так? Нам сейчас нужен транспорт, а не «в маю»!

— На полях еще снег. Вы лучше не распыляйте средства колхоза на ваши селекционные опыты и в мое дело не вмешивайтесь!

— Думаю, мои опыты ремонту не помеха! Я бы не говорил о ваших делах, но мне нужна техника. Когда будут готовы машины?

На лбу Лысюка выступили капельки пота. Он понял, что Бережной загнал его в тупик. Не будет же он, Лысюк, на правлении при всем честном народе оправдываться перед агрономом, почему не удалось закончить в срок сдачу техники, поломать график ремонта? И он с усилием выдал из себя:

— Не подымайте панику. Раньше обходились и сейчас обойдемся...

Члены правления переглянулись. Головченко пристально посмотрел на Лысюка и решил облегчить его положение. Илларион Макарович хорошо знал главного механика, который, несмотря на свою молодость, был неплохим специалистом и болел за дело. Председатель понимал, что не по своей нерадивости Павло запарился. Уж не слишком ли много навалили на этого паренька всяких посторонних заказов?

— Не горячись, Павло Степанович, лучше подумай, скажи агроному, когда сможешь подготовить технику.

Слова Головченко успокоили Лысюка. Он еще перед заседанием правления «для себя» наметил точные сроки ремонта и поэтому сказал уверенно:

— Через неделю все будет готово.

Но Бережной не отступал.

— Только прошу к этому сроку подготовить и кольчатые катки.

— Что ж, подготовим и катки,— сердито кивнул головой Лысюк.

Возвращался домой Павло убежденный, что Бережной его недруг. А сколько, наверное, он еще принесет ему огорчений! А тут еще подружилась с ним Шура. Совершенно перестала обращать внимание на него, Лысюка. И не из чувства ли скрытого соперничества сегодня так яростно нападал на него агроном? Конечно, только из-за этого!

Внимательные глаза тети Даши заметили, что сын чем-то расстроен. Она насторожилась, когда Павло, отказавшись ужинать, прошел в свою комнату. Затаив дыхание, тетя Даша слушала, как он с шумом снял ботинки, как лег в приготовленную ее руками постель. Затем последовал протяжный вздох.

И материнское сердце дрогнуло. Она вошла к сыну, когда Павло уже, лежа в постели, протянул руку к выключателю.

— Обидели тебя, сынок, на правлении? — спросила она.

Что мог сказать ей Павло? Ему стало не по себе под взглядом материнских глаз.

— Не надо было давать семена Бережному. Кто просил тебя это делать? Теперь эти семена против меня растут. Понимаешь, против меня! — повторил Павел и, потушив свет, уткнулся лицом в подушку.

Глава 10. СЕРДЕЧНЫЕ ТАЙНЫ

Квитка как-то попросила Бережного выступить с обширной лекцией по агробиологии. Тот немало на своем веку прочитал лекций, посвященных сложности организма растений. Ему с первых же слов удалось заинтересовать кружковцев теми удивительными и, на первый взгляд, таинственными процессами, которые происходят внутри пшеничного колоса. Он объяснил, как по тысячам тонких, почти невидимых разветвлений корней каждого стебелька поднимаются к его вершине питательные соки, какие удивительные химические превращения, связанные с жизнью солнца и нашей планеты, происходят в каждом незаметном, на первый взгляд, растении.

Бережной увлек аудиторию. Время, отпущенное на занятие агробиологического кружка, давно истекло, но того не заметили ни слушатели, ни лектор.

Алексей видел перед собой обветренные, обожженные солнцем лица людей, которые, как и он, любили колосистые поля. В самом последнем ряду, притаившись, сидела Александра Андреевна. Девушка все время что-то записывала в тетрадь. Порой он чувствовал на себе ее сосредоточенный взгляд.

— Кружковцы просят, чтобы вы чаще проводили занятия,— сказала ему Александра Андреевна.— Учтите, они становятся верными вашими помощниками в селекционной работе. А без помощников вам, пожалуй, не обойтись.

Ее слова попали в цель. Бережной всегда мечтал о друзьях-помощниках. Он дал согласие. И Шура четко вписала своей рукой его фамилию в расписание занятий агробиологического кружка.

О своих посещениях Дома культуры Бережной не рассказывал Ильчуку. Однажды он попытался завести разговор об ансамбле, которым руководила Квитка, но Семен отвернулся и ничего не ответил. Алексей решил, что Ильчуку, который сравнительно недавно неудачно дебютировал в качестве директора Дома культуры, наверное, неприятно слышать об успехах своей преемницы. И он в присутствии Семена стал избегать разговоров на эту тему.

Вот и на этот раз, поужинав, Бережной вышел с Семеном на улицу и не сказал, куда идет.

Ильчуку нужно было поговорить с главным механиком о ремонте экскаватора. Алексей проводил товарища до окраины села, где жил Лысюк, и направился в Дом культуры.

В фойе он услышал звуки баяна. «Вот где, оказывается, главный механик проводит время»,— подумал Алексей. Он заглянул в зрительный зал. На сцене Александра Андреевна репетировала новую программу. Лысюк старательно натягивал баян. Очевидно, он уже успел помириться с Шурой после ссоры на опытном участке.

Александра Андреевна, увидев Алексея, кивнула ему. Бережной прошел в читальню, где на длинном столе, застланном красной материей, лежали газеты и журналы.

Просматривая «Огонек», он поймал себя на том, что его мысли заняты одним — правильно ли он понял взгляд девушки. Но в этот миг звуки баяна смолкли, и в читальню заглянула Шура. Она подошла к нему. В руках она держала толстую книгу и тетрадь, в которую всегда что-то записывала на занятиях агробиологического кружка.

— Очень хорошо, что вы не ушли,—сказала девушка,— мне нужно что-то спросить у вас. Видите ли,— Шура раскрыла книгу,— в этом учебнике влияние светового дня на развитие растений излагается не так, как вы объяснили.— И она процитировала очерченный ногтем абзац.

— У автора несколько устарелые взгляды на этот вопрос. Новейшие исследования наших селекционеров дают другие представления,— улыбнулся Бережной.

Он был обрадован не только любознательностью девушки, но, главное, тем, что она, оказывается, всерьез заинтересовалась трудным предметом. И Алексей пустился в странное объяснение. Он замолк лишь тогда, когда Шура, взглянув на часы, заметила, что нехорошо задерживать уборщицу.

Они вышли на улицу и встретили у дверей Ильчука. Он разговаривал с главным механиком.

Семен сухо поздоровался с Шурой и отвернулся.

— Я, Александра Андреевна, вас догоню,— перебив Семена, сказал Лысюк девушке и холодным взглядом скользнул по Бережному.

— Он всегда провожает меня, как верный телохранитель,— пояснила девушка Алексею.

— Видимо, вы покорили его сердце,— в шутку сказал Алексей.

— Что вы! — всерьез восприняла его слова Шура.— Он еще юнец!

— Вы тоже не бабушка.

— Не спорьте! Я в этом вопросе лучше разбираюсь.

— Вот как!..

Беседуя, они незаметно добрались до Шуриного дома и остановились возле калитки. Неожиданно в тишине раздались торопливые шаги и показалась сгорбленная фигура Лысюка. Павел тяжело дышал,— с баяном за плечами ему было нелегко догонять Алексея и Шуру.

— Ты, Павел Степанович, напрасно беспокоился. Смотри, как запыхался! — сказала ему Шура. В ее голосе звучало ласковое сочувствие, без оттенка иронии, но Алексей заметил, как две складки легли между бровями девушки.

— Мне все равно по дороге,— буркнул Лысюк.

— До свидания! — ответила Шура и скользнула в темную щель калитки.

Мужчины неожиданно остались вдвоем. Губы Бережного дрогнули в невольной усмешке. Ему показалось забавным

такое внезапное исчезновение Александры Андреевны. Он глянул на Павла, ожидая увидеть на его лице такую же улыбку, но юноша смерил его мрачным взглядом. Холодно кивнув друг другу, они молча разошлись в разные стороны.

Алексей не чувствовал угрызений совести по отношению к Лысюку. Ведь он, Бережной, относится к Александре Андреевне как к хорошему товарищу и не больше. Ему, пожалуй, нравилась эта девушка, ее внешность, характер, любознательный ум, энергия. Но он никогда не пытался за ней ухаживать. Просто ему приятно было время от времени встретиться с ней, поговорить. И он ни у кого не обязан просить на это особого разрешения. Так что напрасно этот парень бросал такие убийственные взгляды.

Размышляя подобным образом, Бережной вдруг почувствовал, что его перестали тревожить мысли о Кате.

Он добрался домой, когда в окнах флигелька уже потух свет. Приласкав заворчавшего Чингиза, он тихо вошел в комнату и, стараясь не разбудить Семена, стал раздеваться. Улегся в постель и прислушался. Еле слышное дыхание Семена успокоило Алексея: он не потревожил его.

Бережному было невдомек, что Семен прислушивается к каждому его движению и лежит в темноте с открытыми глазами, занятый своими думами.

Алексей так и не узнал о бессонных раздумьях друга. Тот считал недостойным рассказывать о своих сердечных делах. Он даже не намекнул товарищу, что его волнует Шура Квитка.

У Семена было немало забот, которым он отдавал все силы и мысли. Начались работы по преобразованию поймы, строительство плотины и ставка. Каждый день экскаватор прорезал все новые и новые метры канала. Извлеченная земля доставлялась в самосвалах на запруду и там сбрасывалась на растущий гребень будущей плотины. Для Ильчука было много неожиданностей. То зубцы ковша наткнулись на огромный подземный камень-валун, который нелегко убрать с трассы канала, то выйдет из строя бульдозер, то снежный буран наметет сугробы так, что приходилось останавливать земляные работы. Такие сюрпризы нервировали Ильчука. Он возвращался домой усталый и с трудом садился за книги и конспекты. Учебные занятия было легче выполнять с помощью Алексея. Поэтому Семена всегда радовали встречи с товарищем.

Шура Квитка возвращалась из второй бригады в Колосовку. Она спешила в Дом культуры к началу концерта. Проходя мимо опытного поля, девушка увидела в сумеречном тумане неясную фигуру человека. Она удивилась: неужели Бережной так поздно задержался?

Вот так неожиданная встреча! Вдвоем веселее будет добираться домой.

Шура свернула с шоссе и, перешагивая через грядки, стала быстро приближаться к темной фигуре.

Но агроном ли это? Нет, Бережной, пожалуй, будет повыше ростом.

Человек, не замечая ее, делал что-то страшное. Она подошла вплотную и узнала Лысюка. Пошатываясь, он с каким-то бешенством вытапывал грядки.

— Павел Степанович! Что вы делаете! — закричала Шура.

Лысюк остолбенел. Глаза его зло сверкнули. Почувствовав запах вина, девушка испугалась, но тут же бросилась к Павлу.

— Как вам не стыдно! Это настоящее предательство! Сейчас же уходите отсюда! — Ее маленькие, но сильные руки крепко ухватили его за борт куртки. — Подлец!

— Чего тебе от меня нужно? Пусти! — рванулся Павло. Резким движением он оттолкнул девушку, и она неловко упала на зеленые грядки.

— Помогите! А-а-а... — разнесся по степи голос.

...Обнаружив дома отсутствие тетради с записями о селекционных опытах, Бережной вспомнил, что оставил ее на участке. Он тотчас захватил электрический фонарик и зашагал по дороге в степь. Свернув на шоссе, он, к своему удивлению, увидел на посевах два неясных силуэта.

«Кто бы это мог быть?» — подумал и услышал крик.

Алексей метнулся на помощь. Бледный электрический луч фонарика вырвал из мрака потоптанные рядки озими и лежащую на них Шуру. Яростно размахивая руками, тяжело дыша винным перегаром, на Бережного бросился какой-то человек.

Алексей даже не успел осветить его лицо. Незнакомец замахнулся. Опережая противника на какую-то долю секунды, Бережной сделал встречный выпад и нанес ему короткий удар в челюсть. Тот ахнул, повалился на землю.

Не глядя на упавшего, Бережной поспешил к девушке. Шура уже сидела. Он наклонился к ней.

— Что с вами? Вы ранены?

— Пустяки. Кажется, что-то с ногой. А вы? Вас он...— Шура показала на лежавшего человека,— не задел?

— Нет! — отмахнулся Бережной.— Где у вас болит?

— А что с ним? Почему он лежит? Вы его... не слишком стукнули? — в голосе Шуры слышалась тревога.

Бережной посмотрел на недвижного Лысюка.

— Не волнуйтесь, — успокоил он Шуру, — это самый обыкновенный нокаут. От этого еще никто не умирал. Но объясните, ради бога, что здесь стряслось? Не понимаю, почему он на меня набросился. Я даже не увидел, чей подбородок познакомился с моим кулаком.— В голосе Алексея звучало столько искреннего недоумения, что по Шуриным губам, несмотря на боль, пробежала улыбка.

— Я сама еще всего не понимаю.— И девушка в двух словах рассказала о своей стычке с Лысюком.— По-моему, он сильно пьян или...

— Сошел с ума,— добавил Бережной.

— Ну вы скажете, тоже! Я же говорю, что он пьян,— рассердилась Шура.— Лучше дайте руку.

Алексей помог ей подняться, но девушка тут же со стоном опустилась на землю.

— Все ясно,— покачал головой Алексей.— Ходить вы не можете. Я сейчас...

Он сделал несколько шагов, но тут же вернулся. И прежде чем Шура поняла, что он намерен сделать, Бережной ловко приподнял ее с земли и понес на руках к шоссе, бережно усадил у обочины.

Шуре нужна была немедленная медицинская помощь. Бережной задумался.

— Знаете, мне пришла в голову одна мысль. Надо еще одного человека пригласить, чтобы он помог мне доставить вас в Колосовку.

— Кого вы имеете в виду? Не Лысюка ли?! — удивленно подняла тонкие брови Шура.

— Вот именно, его.

— Да ведь он пьян!

— Он уже протрезвел. И это будет справедливо. Поломал он вам ногу, так пусть теперь сам несет в больницу.

— Ой, оставьте вы его в покое! А то снова начнет бунить.

— Я думаю, что лекарство, которое он получил, уже успокоило его. Однако, если доза оказалась малой, я буду вынужден добавить,— с этими словами Бережной исчез в темноте.

Он быстро шел, освещая фонариком озимь, и вдруг увидел коричневый глянец переплета своей записной книжки. Измятая тетрадь лежала у ног. Он наклонился и невольно вскрикнул, словно от боли. Его рука подняла пустую обложку, из которой были вырваны все страницы...

Дрожа от гнева, он тут же, в нескольких шагах, увидел Лысюка. Тот сидел, обхватив взъерошенную голову руками. Видимо, взбучка его все-таки привела в чувство.

— Вставай! — жестоко сказал Бережной. — Ты искалечил Александру Андреевну. Ее нужно как можно скорее доставить в больницу.

— Что с ней? — испуганно спросил Павел.

— Ты сломал ей ногу. Вставай и пошли...

Лысюк со стоном поднялся. Голову разламывала тупая пульсирующая боль. Его сейчас угнетало сознание совершенной им ошибки. Никакой ненависти к Бережному и Александре Андреевне он уже не испытывал.

— Я ничего не помню, — сказал он оправдываясь.

— Зато у Александры Андреевны и у меня не такая слабая память. Идем со мной! Слышишь?

И Лысюк, спотыкаясь, поплелся за Бережным. В темноте он разглядел сидящую Шуру. Подавленный чувством стыда, он стал лепетать извинения.

Его прервал Бережной.

— Лучше помоги!

И недавние противники, крепко сжав друг друга за кисти, сделав из сплетенных рук «седло», приподняли с земли девушку. Шура обхватила мужчин за плечи, и они понесли ее по дороге.

Шура в больнице, как говорят врачи, не залежалась. Узнав, что перелома нет, а лишь растяжение связок, она энергично занялась лечением. Поглядывая на часы, девушка без конца меняла компрессы, растирала ушибленное место. И как только опухоль спала, она попросила врача немедленно выписать ее домой.

— Не торопитесь. Вам еще необходимо недельку полежать, — ответил врач, пожилой тучный человек, тихим, ласковым голосом, каким обыкновенно успокаивают больных.

— Но я, доктор, уже здорова и могу ходить. Вот смотрите!— Шура вскочила с постели, сделала шаг и, вскрикнув от боли, со стоном опустилась на кровать.

Врач сочувственно улыбнулся.

— Это у меня, доктор, совсем случайно случилось. Нога подвернулась,— покраснела, кусая губы от досады и боли, девушка. Она снова сделала усилие и поднялась с постели.— Я не имею права лежать. У меня столько дел в Доме культуры! Выписывайте меня, доктор!

— Не могу я вас выписать. Ноге нужен покой.

Вечером, почувствовав себя лучше, она, прихрамывая, пошла на работу. Бережной очень удивился, не застав девушку ни в больнице, ни дома. Ему очень нужно было повидать ее, и он направился в Дом культуры.

Шуру он увидел на сцене, занятой, как обычно, своим ансамблем. И лишь после репетиции он наедине смог поговорить с ней.

— Плохо с нашим Лысюком. Он второй день не выходит на работу. Я думаю, у него болезнь особая: стесняется показываться людям на глаза,— сказал Алексей.

— Считает, видимо, что вся Колосовка уже знает о его поступке. Кстати, вы никому не говорили об этом?

— Никому ничего.

— Я тоже. Хотя его следовало бы хорошенько проучить.

— Мне кажется, что Лысюк и так все прочувствовал. Зачем же нам добивать его? Завтра на собрании он снова получит нагоняй за авральный ремонт машин. Но я, пожалуй, заступлюсь за него.

— К чему вы это говорите?— пожала плечами Шура.

— К тому, что если завтра он не выйдет на работу, то мы проведем его и поговорим по душам.

— Ну нет!— нахмурила тонкие брови девушка.— От этого вы меня увольте. Я никогда не пойду к нему, да и вам не советую. Он, не задумываясь, топтал пшеницу. И вы ему простите?.. Вы проводите меня?

...Весь путь до дома Шура шутила, смеялась, а у калитки, как всегда, стремительно прощаясь, посмотрела на него счастливыми блестящими глазами.

И Алексей долго не мог понять причину ее радости...

Лысюк пришел домой мрачным.

На вопрос матери: «Что с тобой? На тебе лица нет»— ответил: «Заболел». И, юркнув к себе в комнату, закрыл дверь на крючок.

Всю ночь, словно тупая гнетущая боль, его голову разламывала мысль: «Я преступник, бандит, хулиган...»

Он не сомневался, что Бережной и Шура расскажут все, кому следует: начальнику милиции или самому прокурору. И на рассвете за ним придут, арестуют. Что ж, он не будет отпираться. Сам все расскажет. Как вытаптывал. Как поднял руку на ту, которую любил. Все! Пусть дают срок. Он готов искупить...

В шесть часов утра, как всегда, он поднялся с постели. Умылся, тщательно побрился, одел чистую рубашку и новый костюм, но на службу не пошел. Попросил мать отнести ключи от ремонтной мастерской в контору колхоза с запиской, в которой сообщает, что заболел.

Встревоженная мать хотела вызвать врача, но он запретил ей это делать: он простужен! Пусть она лучше поит его чаем с малиной. Не стоит из-за таких пустяков беспокоить врачей, он и без них к завтрашнему дню поправится. Мать ушла, чувствуя недоброе. А он лег на кровать и стал, прислушиваясь к каждому шороху, дожидаться прихода милиции.

Так прошло двое суток. К нему никто не приходил, если не считать визита Мити и еще двух молодых слесарей, которые попытались узнать о его здоровье. Павел с тревогою всматривался в их приветливые лица.

Парни рассказали, что произошло в мастерской со времени его отсутствия. Они пробыли у него недолго. Посоветовали для «уничтожения вирусов» выпить на ночь добрую чарку водки, настоянной на перце. Пожелав скорейшего выздоровления, ушли и оставили Павла в недоумении: то ли они в самом деле ничего не знали о происшествии на опытном поле, то ли из деликатности не намекнули ему об этом.

На третьи сутки добровольного домашнего заточения Лысюк, измученный ожиданием, стал уже сомневаться в том, что его должны арестовать.

Если Бережной и Квитка заявили о его преступлении, за ним бы давно пришли из милиции. Наверно, не заявили. И, вообще, зачем им это делать? Очень он им, вообще-то, нужен. И они, похоже, правы: ему в самом деле не место в Колосовке. Самое лучшее, что он может сейчас сделать, это незаметно уехать куда-нибудь подальше. Он имеет специальность и везде найдет по душе работу. Будет присылать матери деньги. Жаль, конечно, покидать места, где родился, вырос, где прожил столько лет. Но что поделаешь? Сам

виноват. Он возьмет с собой документы, деньги и чемодан с самыми необходимыми вещами. Матери скажет, что едет в областной город по срочному вызову. Потом в письме поведает ей обо всем, что случилось.

После нескольких часов раздумья у него созрело окончательное решение — сегодня же ночью уехать из Колоковки.

Под вечер Павло стал тихонько, чтобы раньше времени не тревожить мать, готовиться к отъезду. Но не успел он уложить вещи в чемодан, когда неожиданно в дверь постучали и послышались знакомые голоса Александры Андреевны и Бережного.

У Павла перехватило дыхание. Значит, все же заявили и пришли, наверное, с участковым. Хорошо! Он давно готов к такому визиту. Захлопнув крышку чемодана, он заложил побелевшие руки в карманы пиджака и впился взглядом в дверь.

Первой вошла мать.

— Павлуша, это к тебе, — певучим голосом объявила Дарья Максимовна. За ней показались Квитка и Бережной.

— Здравствуйте, Павел Степанович. Нам поговорить нужно, — сказала девушка.

Тетя Даша с удивлением посмотрела на бледное лицо сына и, покачав головой, тихо вышла из комнаты.

Как только Шура прикрыла дверь, Бережной сделал шаг вперед, и Лысюк почувствовал на своем плече его тяжелую руку.

Первым побуждением было отбросить ее с плеча. Павло пронзительно посмотрел в глаза Алексея. Но вдруг вся его раздраженность прошла. Отливающие золотистым оттенком глаза Бережного излучали обезоруживающую теплоту. Такое же дружелюбие было и в ладони, которая легла на плечо Лысюка.

— Что же ты, главный механик, на работу не ходишь? — донесся до его слуха глуховатый басок Бережного.

— Уезжать собрался, — смутясь, неожиданно для себя ответил Павло. И толкнул носком ботинка лежащий на полу чемодан.

— А разве тебя кто гонит отсюда? — удивился Алексей. — И здесь дела хватит. Вот у Ильчука на стройке экскаватор опять ремонта просит. Давай-ка, парень, считать, что ничего между нами плохого не было.

— Нет, не так! — вмешалась Шура. — Как же это считать, что ничего не было, когда было! Что за ерунда такая! — Она повела тонкими бровями и сердито посмотрела на мужчин. — Давай, Павел Степанович, лучше считать, что впредь такого больше никогда не сотворишь. А?

— Да, да...

— Ну, вот и ладно. Баста! — подал руку Бережной.

— Слово даю, — выдавил Лысюк.

И в знак полного примирения они пожали друг другу руки.

— Вы никому не говорили, что я сделал? — задал мучительный вопрос хозяин.

— Конечно, никому!

— И никогда не скажете?

— Никогда.

Тетя Даша, войдя в комнату, увидела посветлевшее лицо сына и сама обрадовалась. Особенно ей было приятно то, что Павло, видимо, уже не в ссоре с Олексой.

— Вот и хорошо. А то Павло все попрекал, что я вам даром зерна Ивана Григорьевича отдала. Теперь, наверное, не будет, — простодушно улыбнулась она.

— Не буду, мама, — краснея, ответил Павел.

На обратном пути Алексей и Шура шли молча, но чувствовалось, что с плеч сброшена какая-то невероятная тяжесть.

Дома Бережного ожидали гости — Митя и Тамара.

— Алексей Николаевич, что это вы свою тетрадь в степи оставили? Или она вам больше уже не нужна? — спросила Тамара и протянула какой-то небольшой сверток.

Развернув бумагу, Алексей увидел тщательно собранные, хотя и несколько рваные страницы своих селекционных записок. Возвращение тетради так обрадовало его, что, обычно скуповатый на ласку, он жарко поцеловал гостей. Затем пошел в буфет, где стоял графин с вином, но Митя заторопился и, решительно взяв за руку свою светловолосую подругу, двинулся к дверям.

— Мы, Алексей Николаевич, специально ваши бумаги не искали. Мы случайно их в степи нашли. Просто так... — смущенно пояснил парень.

Круговорот неожиданных событий и неотложных дел помешал Бережному побывать на опытном поле с той памятной ночи. Он пришел сюда лишь на другой день и, взгля-

нув на делянки, оцепенел от удивления. Казалось, ровные грядки зеленеющей пшеницы никогда не топтали ноги буйного Лысюка.

Чьи-то заботливые руки распрямили вмятые в грунт ростки, снова аккуратно разрыхлили возле каждого растеньица утрамбованную землю.

«Кто же это постарался? — подумал Алексей. — Кто они?»

Перед ним промелькнули образы колосовских парней и девчат. А чем он, собственно, заслужил их дружбу? Что он сделал такого полезного для них? Эта мысль взволновала Алексея, и он почувствовал, как учащенно забилося сердце.

И начавшийся так радостно рабочий день, несмотря на все предпосевные тревоги и треволения, прошел для Алексея, словно озаренный долгожданным солнцем ранней весны.

Дома его встретил с торжественным выражением лица Семен и вручил увесистый конверт. В нем оказалось многостраничное письмо от академика Крыленко. Федор Павлович обстоятельно описывал научную деятельность сотрудников селекционного института, передавал ему от них множество советов и пожеланий, как дальше продолжать опыты с озимой. В конце письма Крыленко как бы вскользь сообщил, что два месяца тому назад Екатерина Ивановна Корнедуб вышла замуж за Валерия Борисовича Пескова.

Глава 11. СКУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Катю обеспокоил внезапный отъезд Бережного. Ее обидело и удивило то, что Олекса, всегда такой внимательный, вдруг не посчитал нужным даже попрощаться с ней перед тем, как сесть в поезд.

— Это бегство какое-то! Он сошел с ума, — пожаловалась она Валерию Борисовичу.

— А вы ожидали чего-то другого? Ведь он хамлетос, — сказал Песков.

Катя промолчала, только сердито насупилась.

Доцент покосился на девушку и невольно вздохнул. Даже раздраженное ее лицо было пленительным. «Какой же, черт возьми, бесчувственный простак этот Бережной, что уехал от такой красавицы в глухомань!» — усмехнулся Валерий Борисович и на секунду зажмурился.

У него уже не было никаких сомнений. Самая серьезная преграда устранилась. Теперь созревший плод сам падает ему в руки.

Катя ждала известий из Колосовки. Ей казалось, что скоро придет письмо, полное извинений.

Но проходили месяцы, а от Бережного не было ни слуху ни духу. Долго огорчаться Катя не умела. Валерий Борисович постепенно вытеснил «братика» из ее жизненных планов, и хмурая задумчивость стала реже появляться на ее лице.

Заметив перемену в настроении Кати, Песков решил, что пора действовать решительней. Однажды вечером, оставшись с Катей наедине, он выразительно, без особой патетики объяснил, что им давно уже пора вступить в законный брак. Эффектно сделал ударение на слове «законный» и долгим поцелуем скрепил свое предложение. Катя вздохнула. Она согласилась.

Песков оказался неплохим мужем.

Его отдельная квартира в новом доме отличалась продуманными удобствами, комфортом.

Орехового дерева мебель сверкала лаком. Изящные офорты на стенах, граненый хрусталь, дорогая посуда, ярко расписанные шторы и драпировки говорили о том, что хозяин понимает толк в хороших вещах. Каждая мелочь имела свое определенное место. Например, в сияющей белыми плитками ванной комнате под краном с холодной и горячей водой висело специальное приспособление для мойки спины. В кухне таинственно поблескивали какие-то хитроумные приборы. Назначение их не сразу, с трудом постигала Катя. Они оказались агрегатами для чистки картофеля, шинковки капусты, замешивания теста, измельчения кофейных зерен и так далее. Принимая от Пескова заведывание хозяйством, молодая жена не могла не подивиться, как Валерий Борисович, всегда жаловавшийся на напряженную научную работу, мог уделять столько внимания хлопотливым домашним делам.

— От хорошо организованного быта зависит и успех в творчестве,— снисходительным тоном поучал муж. Он рассуждал вполне логично, и никто не мог опровергнуть его доводов.

С первого же дня их совместной жизни Валерий Борисович проявил требовательность к хозяйской сноровке жены.

Катя сама любила чистоту и изо всех сил старалась содержать квартиру в образцовом порядке. Но ей пришлось не раз выслушивать замечания супруга.

Как-то, вытирая пыль, она смахнула концом тряпки с лакированной поверхности изящного столика расписную китайскую чашечку. Фарфоровое изделие, ударившись о паркет, разлетелось на мелкие куски.

В то же мгновение Катя услышала за спиной сердитое восклицание. Она обернулась и встретила с гневным взглядом мужа.

— Ох, какая ты неловкая! Ничего деликатного тебе доверять нельзя. Когда ты изменишь свои деревенские манеры?!

Чертыхаясь про себя, он пополз по паркету, подбирая фарфоровые черепки.

Катя, едва сдержав слезы, бросилась из комнаты. Но в дверях ее нагнал Валерий Борисович. Он обнял жену за плечи и стал целовать в затылок.

— Кет! Кеточка! Прости меня за грубость, но разбитая чашечка мне так необыкновенно дорога. Это подарок моей матушки...

В другой раз Валерий Борисович сурово пробрал ее за то, что она, накрывая стол к обеду, положила не с той стороны вилку.

Однако частое раздражение супруга по поводу мелких хозяйственных промахов Кати на первых порах хотя и не очень омрачало их жизнь, но порой невольно наводило на сравнения. Она вспоминала, как в отличие от ее мужа для Бережного жилье и одежда много не значили в жизни. С Алешей, с любимой им биологией, генетикой, селекцией, с глубокими философскими, научными и общественными вопросами было по-иному. С ним было в этом смысле все легко и просто. Вспоминая его, Катя невольно вздыхала. Но ее трогало, что Песков заботится о ней... Эта черта сглаживала его мелочные придирки. А он то и дело покупал молодой жене лакомства, делал дорогие подарки, приносил домой любимые ею цветы. И Катя верила, что все дары мужа — от любви, а не из тщеславия, желания блеснуть щедростью перед ней и перед знакомыми. Он показался ей искренним и добрым.

Свою опеку над женой Валерий Борисович начал прежде всего с ее гардероба. Он забраковал все Катины платья, даже самые красивые.

— Это, Кет, все жуткое, старомодное тряпье. Придется отправить на барахолку. А взамен я куплю тебе другую одежду. Модную, заграничную...— И, увидев смятение на Катином лице, самодовольно усмехнулся. — Успокойся. Тебе самой об этом и думать не придется. Я познакомлю тебя с Лилей. Она — жена штурмана дальнего плавания и все устроит вмиг. Ты знаешь, она женщина с необыкновенно тонким вкусом. Увлекается шедеврами западного искусства! Да, шедеврами! Хорошо знает и любит ультрамодную музыку. Муж привез ей из-за границы целую гору пластинок.

Свое обещание Песков сдержал. Как-то вечером в их доме появилась молодая бойкая дама в узкой клетчатой юбке. Ее сопровождал темноглазый плечистый юноша, одетый в бархатную блузу какого-то непонятного покроя.

Гостья наполнила гостиную хрипловатым смехом и визгливыми восклицаниями.

— Валер! Валер! Это твоя жена? О, какая миловидная! Настоящий шедевр в духе Джорджоне или «Гадалки» Врубеля. Пожалуй, скорее Врубеля! — Она сверкнула маленькими, густо подведенными тушью зеленоватыми глазками. Несколько мгновений гостья бесцеремонно разглядывала Катю, а затем предложила: — Давайте познакомимся.— И, резко обдавая острым запахом сигарет, чмокнула прямо в губы.— Меня зовут Лилиана, или просто Ли. . А его— Семиком. Не правда ли, славный мальчик? — скривила гостья в улыбке чувственный крашеный рот.

«Она не только модно одевается. Она знает нечто, в чем я пока плохо разбираюсь,— оценила новую знакомую Катя.— Называет такие имена, которые мне приходилось редко слышать. Кто, например, этот Джорджоне? Как бы не попасть впросак».

Манеры Ли сначала показались Кате своеобразной непосредственностью.

Взглянув на юношу, Катя спросила:

— Это ваш супруг?

Ли залиvisto рассмеялась.

— Ой! Вы совсем смутили моего шалунишку. Какой из него муж? Но с кем же мне ходить в гости, если мой благовверный находится где-то там, в Атлантике?

Бросив затуманенный взгляд на юношу, Ли взяла его под руку и потянула в столовую.

— Идите и слушайте во всем меня.

Здесь она села на тахту, выставив обтянутые серебристым нейлоном ноги. Затем достала из кармана сигарету, закурила и, подмигнув Кате, обратилась к Пескову:

— Валер, как насчет моего любимого?

— У нас есть отличное вино.

— Эх, Валер, как быстро ты забыл мой вкус! Ты же знаешь, я не пью вина. Придется, видимо, Семику пойти за коньяком.— Гостья потянулась за своей сумочкой, вынула деньги и передала юноше:— На, сбегай...

— Ли, тебе не стыдно?! — как ужаленный, вздрогнул Песков.— Пожалуйста, не беспокойтесь, я сейчас сам пойду и куплю.

— Ладно,— согласилась она.— Только возьми с собой Семика. А я с твоей женой потолкую тэт-а-тэт. Только вы скоро не приходите. Мы, бабы, любим поболтать,— Ли снова подмигнула Кате.

Как только мужчины ушли, Ли подвела Катю к трюмо.

— Ой, милочка, зачем вам эта старорежимная коса? Смотрите, какая вы будете миленькая, если срежете ее вот так,— и гостья бесцеремонно собрала в пучок на затылке пышные волосы молодой женщины.

— Видите, как хорошо! — Она ткнула дымящей сигаретой на отражение в зеркале смуглого Катиного лица.

— Но у меня, если коротко постричь волосы, будет видно вот это...— Катя показала на розоватый шрам, что тянулся от шеи к плечу.

— Ой, и в самом деле! Кто же вас так порезал? Из ревности? Кавалер? — глаза Ли восторженно блеснули.

— Что вы? — ужаснулась от такого подозрения Катя.— Это в войну. Меня маленькой девочкой фашисты хотели сжечь в хате, и вот горящая балка оставила след.

Она рассказала, как в ту далекую страшную ночь Олекса вынес ее из огня.

Вспомнив о нем, Катя вдруг почувствовала свое превосходство перед этой резвой дамочкой.

— А я думала — это из ревности. Ведь красивая!.. — разочарованно протянула Ли.— А все эти военные истории скучные. Они все на один манер Штамп. Вы не находите?

Катя не согласилась. И их беседа прервалась затяжной паузой. Но затем Ли вдруг оживилась:

— Впрочем, зачем долго ломать голову! Раз так, придется вам сделать стрижку только до плеч. Это будет немного

старомодно, но, если покрасить волосы в каштановый цвет, то, пожалуй, сойдет. Даже получится оригинально.

Затем Ли с прежней бесцеремонностью занялась осмотром ее одежды.

— Это просто дико! Вы культурная женщина, к тому же жена Валера, а носите допотопные закрытые платья. У вас прекрасная грудь и плечи, вы должны носить глубокое декольте. И ножки покажите мужчинам. Ну хотя бы вот так.— Гостья приподняла юбку выше колен.— Поверьте, ноги у вас совсем не дурны. А мужчины любят красивые женские ножки. Надо эффектно показывать тело, как это делает на своих полотнах Гоген. Он изображает обнаженных коричневых женщин среди яркой тропической природы. Вы видели, надеюсь, его картины? Нет? Ну как же?! Приходите ко мне. У меня есть прекрасные репродукции.

— Расскажите, пожалуйста, о Гогене. Он наш современник?

— Кажется,— неуверенно ответила Ли. Она наморщила свой полуприкрытый рыжеватой челкой лобик, словно слясь что-то припомнить.— Я знаю, что он теперь в моде. В Париже и Нью-Йорке за ним охотятся. Там за его картины платят бешеные деньги... А кто он такой — кому это интересно! — В ее голосе слышалось недовольство.— Лучше приходите завтра ко мне, я вас познакомлю со своей портнихой. Она шьет только по новейшим заграничным журналам. Почему не помог вам в этом Валер? У него совсем неплохой вкус.

— Да сам-то он одевается совсем не модно,— возразила Катя.

— Ох и наивная же вы! — насмешливо улыбнулась Ли. — Я вашего Валера много лет знаю. Он бы любого модника за пояс заткнул. Но ему сейчас нельзя.

— Почему?

— Неужели не догадываетесь? Оденься он по последней моде, сразу скажут — доцент, а одевается как пижон. Это может испортить его репутацию подвижника науки... Вот и ходит он одетый не модно. Но я-то знаю, он и Семика за пояс заткнул...

— Да что вы! — искренне удивилась Катя.

— Вот вам и — что вы! — передразнила ее Ли и рассмеялась хриплым смехом.— Но зато нам, бабам, все можно. С нас взятки гладки — мы женщины. Если вы одевае-

тесь модно, скажут: жена Пескова имеет хороший вкус.

...Приход мужчин не прервал их беседу. Семик торжественно поставил на стол бутылку коньяка, опоясанную пятизвездной марочной этикеткой. Песков, взглянув на жену, удовлетворенно хмыкнул: Катя с вниманием прилежной ученицы слушала Ли.

Вскоре в институте заметили, что аспирантка Екатерина Ивановна Корнедуб, став женой Пескова, сильно изменилась. Блестящие иссиня-черные волосы она постригла и окрасила в какой-то шоколадный цвет. Ее скромное платье заменили заграничная клеточная жакетка, узкая юбка. Вместо чулок она стала носить пестрые гетры.

Обыкновенные удобные туфли были заменены замысловатым черно-белым плетением, похожим на узконосые кожаные шлепанцы. На пальцах аспирантки заблестели ромбовидными и прямоугольными камнями крупные перстни.

Изменилась Катя не только внешне. Веселые приветливые искорки потухли в ее глазах. Их заменил томный, нарочито равнодушный взгляд. Он дался ей не без некоторого труда. Здесь, как во многом другом, ей помогли постоянные замечания Ли. «Когда ты отучишься сиять, словно медная копейка? Пойми же, наконец, что томный взгляд больше идет твоему цыганскому лицу. Пойми же!..»

Она попыталась также приохотить Катю к западным неприятно режущим слух песням. Валерий Борисович от них был в восторге. Сама Ли хорошо их исполняла под джазовую музыку, записанную на магнитофоне. Но Катя, имея слух и приятный голос, все же никак не могла в этой области соперничать с Ли.

— Ничего. Это придет само собой... Надо только почувствовать внутреннюю раскованность и бездушную легкость,— утешала ее Ли.

Однако «внутренняя раскованность» Кате давалась нелегко.

Она сама не могла понять, почему она соглашалась с людьми, взгляды, вкусы, манеры которых ей не только не нравились, но порой были просто неприятны. Возможно, она соглашалась с ними из любопытства, чтобы постичь то, что ей было неизвестно. А может быть, скорее сказывалось воспитание тетки, которая привила ей привычку скрывать подлинное отношение к людям и их взглядам. Сама Катя не могла тогда отдать себе отчет, почему она следовала советам мужа и Ли.

Она теперь редко вступала в разговоры со знакомыми. Валерий Борисович, сам любивший поговорить с сотрудниками, категорически запретил это своей супруге.

— Не роняй своего достоинства излишней болтовней. Учти, что ты слишком откровенна. Скажешь что-нибудь, а люди завистливы, не преминут пустить какую-нибудь сплетню,— обычно твердил он.

Катя знала, что она и так не очень откровенна. Все же его слова запомнились ей. Теперь мир, в который она попала, представлялся ей порой какой-то замкнутой, отгороженной от всех комнатой. И милые сердцу сослуживцы, с которыми она еще недавно делилась своими думами и житейскими делами, стали казаться ей людьми, не внушающими доверия. Часто, вступая с кем-нибудь в беседу, она обрывала ее на полуслове.

Однажды на работе Катя услышала насмешливую реплику молоденькой аспирантки, что, мол, Песков совершенно преобразил свою жену, воплотив в ней свои изысканные вкусы. Эта реплика так ошеломила ее, что Катя растерялась и даже не смогла возразить насмешнице, но дома вечером подробно рассказала об этом мужу.

Песков бросил на нее тревожный взгляд, а потом несколько раз нервно прошелся по комнате.

— А может, Кет, ты на время все же снимешь эту одежду и кольца с камнями? Они, честно говоря, не так красивы, как мне раньше казалось! Не будем дразнить гусей!

Катя возмутилась. Вспылила. Ведь совсем недавно муж сам убеждал ее купить у Ли эти кольца!

Валерий Борисович тут же попытался успокоить жену.

— Ты пойми, Кет, я совсем не против этих камешков. Я только считаю лишним одевать их, когда идешь в институт.

— Ты теперь «совсем не против»,— передразнила его Катя.— Спасибо за милостивое разрешение! Какой же ты все-таки... Настоящий флюгер!

Она замолкла, ожидая последствий. Ей казалось, что Валерий Борисович взорвется от ярости. Но он продолжал в самых ласковых выражениях уговаривать ее не появляться с кольцами на работе.

— Понимаешь, все же ты моя жена. Вот уже начали говорить, что ты под моим влиянием стала мещанкой. Мне вовсе не хочется быть притчей во языцех.

И Катя поняла, что именно это прежде всего волнует мужа, что он даже не обратил внимание на то, как она пытается обидеть его.

Ей стало невыносимо стыдно за Валерия Борисовича.

Спустя несколько дней Катя сделала решительный вывод. Она сняла опостылевшие ей «ультрамодные» одежду и обувь и с облегчением содрала с пальцев злополучные кольца.

В своем любимом, не модном, но довольно красивом платье и удобных туфлях она почувствовала себя свободно и легко. Только вот с окрашенной в каштановый цвет прической дело обстояло сложнее. Сколько она ни полоскала волосы в горячей воде, противная коричневая краска оказалась на редкость стойкой и не смывалась. Ли она кратко объяснила:

— Надоело ходить ряженой, словно на маскараде.

— К хорошему тоже нужно привыкнуть,— многозначительно возразила жена штурмана, но, заметив предупреждающий взгляд Пескова, неожиданно быстро согласилась.

— А может быть, ты по-своему и права.

Валерий Борисович был откровенно рад, что жена его приняла прежний облик и его репутации уже не угрожают злые языки. А Катя пыталась успокоить себя, что ее муж, как и всякий человек, не без недостатков.

Глава 12. ЗАКОЛОСИЛАСЬ ПШЕНИЦА

Крупные, искрящиеся, словно сотканые из нежно-золотистых лучей солнца колосья, о которых Алексей мечтал наяву, часто виделись ему во сне.

В своих сновидениях он то шел с друзьями — Семеном, Шурой, Крыленко, раздвигая высокую, по самую грудь пшеницу, то, вдыхая тонкий аромат, стоял у огромной горы обмолоченного свежего зерна. И к нему бесконечной вереницей шли люди. Каждого он наделял своей добротной пшеницей. Людей шло очень много — тысячи, но он хорошо знал: зерна хватит на всех! И он работал без устали, щедро насыпая людям золотистый хлеб...

Однажды утром Алексей рассказал об этом сне Семену.

— Хоть бы мне такое разок повидать. Законно...

— А тебе, Семен Демьянович, разве ничего хорошего не снится?

— Мне-то? — удивленно переспросил Ильчук.

— А все-таки расскажи.

Семен махнул рукой.

— И рассказывать не стоит.— Вдруг он насупился.— Да что я тебе, баба болтливая какая, чтобы сны рассказывать?

— Но я же тебе вот выложил все. Выходит, я болтливая баба? — притворился обиженным Алексей.

— Сравнил! — воскликнул Ильчук. — Чудак! У тебя, Алексей Николаевич, сны такие, что их обязательно нужно рассказывать. Они вроде как сказочные, понимаешь? И все оттого, что думка у тебя замечательная. Живешь ты с нею... Вот я вчера газеты перечитывал,— он взял со стола и развернул «Правду». Многие абзацы были подчеркнуты карандашом.— Кто эти места отмечал? Узнаю твою руку. Строчки, что ты тут подчеркнул, и мне здорово понравились. Ясно здесь сказано, к какой жизни нас партия кличет... Вот...— он замолчал, не находя больше слов, и выразительно посмотрел на собеседника.

— Верно ты говоришь, Семен. Важные мысли.

— В том-то и дело, что мысли эти всю нашу жизнь по-новому направляют. И хорошо, что ты, Алеша, сердцем это чувствуешь...

В горячей работе, в борьбе за урожай пролетело около двух лет жизни Бережного в Колосовке. Настала новая весна, и лишь когда в конце мая заколосилась зеленая озимь, сердце Бережного учащенно забилося от радости. Наконец-то не в сновидениях, а наяву, в зеленых колосьях предстали перед ним его мечты. В молодом облике растений селекционеру ясно виделись все признаки твердой озимой пшеницы.

Алексея радовало состояние посевов. Год выдался урожайный, «подходящий», как говорил Илларион Макарович Головченко. И все в колхозе соглашались с ним.

Алексей не без тайной гордости оглядывал массивы высокой озими колхоза «Дружба». Он хорошо потрудился, все сделал для того, чтобы вырастить такую добротную пшеницу.

Но, к его огорчению, колхозники, говоря о причинах хорошего роста колосовых, ни единым словом не упоминали о его работе. А ведь именно он, несмотря на ворчание некоторых правленцев, начал изучать способы наиболее эффективного внесения удобрений и удачно применил их в местных условиях. Неужели этого не понимают хлеборобы?

Молодой агроном не на шутку был раздосадован и обижен, когда однажды Илларион Макарович, встретясь с ним во дворе колхоза, сказал:

— А ты, товарищ Бережной, бачу, везучий — в урожайный год работать у нас начал. Эх, до чего ж повезло тебе!

Обычное спокойствие чуть не изменило Алексею. Он едва не ответил председателю, что тут дело не только в везении, но и передовой агротехнике, в своевременно вывезенных на поля удобрениях, но, поймав в глазах Головченко насмешливые искорки, сдержался, решив, что его, как обычно, разыгрывает насмешливый старик. А Илларион Макарович продолжал:

— Вот увидим, что у тебя получится, когда неурожайный год нагрянет. Это тебе не опытами разными заниматься, а хлеб настоящий выращивать.

— Вот поэтому опытами и занимаюсь, чтобы лучше настоящий хлеб рос. Да разве вы этого не понимаете? — как можно добродушнее ответил Бережной, стараясь скрыть досаду.

— Как не понять, — снова усмехнулся Головченко. — Ты, товарищ Бережной, человек ученый. Все доказать можешь, но мне объяснять много не надо...

По его усмешке и по тону, каким были сказаны эти слова, агроном понял — Головченко иронизирует над его селекционной работой. Эта усмешка больно уколола Алексея.

Бережному хотелось достойно ответить, упрекнуть Иллариона Макаровича в рутинерстве. Разве он не видит жизненности научно-опорной базы, которая сейчас создается в колхозе? Но он понял, что одними словами Головченко не убедишь. И он просто пошел на свое опытное поле, провожаемый насмешливым взглядом председателя.

На делянках колосилась озимая куда выше и пышнее, чем на окрестных полях. Недаром говорили колхозники:

— Новый агроном тут особенно постарался. Глянь, какую пшеницу вырастил для опытов своих! Лучше, чем на общих, колхозных...

И в самом деле, озимь была хороша. Особенно удачными казались посевы «корнедубки» и его, Алешиного, сорта. Друзья уже поздравляли Алексея с успехом, но это особенно не радовало. С лица его не сходило озабоченное выражение.

В этих поздравлениях таилось для Бережного много обидного. «Вот Корнедуб институтов никаких не кончал, но, видимо, больше пользы принес, чем некоторые нынешние ученые. И вот я в своей работе по проторенной им тропинке словно слепой иду». Он не без досады думал о том, как бессильны и бесславны бывают теоретики, лишенные практического опыта.

— Ладно, поживем — увидим, — отвечал он на все добрые, сердечные слова и добавлял: — Проверить еще надо... Эта осторожность вызывала у Семена недоумение:

— Чего ты? И так видно, что твоя озимая — твердая, — говорил он Бережному.

— Все равно проверить надо, — упрямо хмурил широкие брови Алексей.

— Ты что, своим глазам уже не веришь? — допытывался Ильчук.

— В этом-то все и дело, — неопределенно отвечал аграрном.

И Семен понял, что Бережной чем-то очень встревожен, и посчитал не деликатным подробно расспрашивать товарища. Однажды он сам обошел посевы, и как придирчиво ни разглядывал молодую пшеницу, она была великолепна! «Все ясно, парень добился успеха», — решил Ильчук и ушел с поля убежденный, что его друг излишне осторожен в своих выводах.

Но Семен ошибался. У Алексея были причины сомневаться в успехе. Его глаз селекционера заметил в молодой озими то, чего не могли увидеть ни Ильчук, ни Головченко, ни другие колхозники.

Среди сорта твердой озими кое-где попадались колосья другой пшеницы — мягкой. Стеблей мягкой пшеницы было совсем немного. На каждом поле среди посева одного сорта часто встречаются колосья других сортов. И это настолько обычное в практике явление, что на него хлеборобы редко обращают внимание. В опытном посеве твердой пшеницы колосья мягкой находились в незначительном количестве, и совсем не удивительно, что Семен и другие колхозники не замечали их. Но для селекционера присутствие в опытном посеве растений другого сорта, даже в самом незначительном количестве, — грозный признак, повод для самых серьезных раздумий.

Алексей снова несколько раз осмотрел свое поле. Усталый и взволнованный, он прилег между деланками на теп-

лую сухую землю. Солнце уже клонилось к закату. Тонкие тени от качающихся колосьев пробежали по его лицу. Едва слышный шум пшеницы казался ему сейчас грохотом приближающейся беды, которая в селекционной науке называлась одним словом: «расщепление». Как и произвольное расщепление атома, оно имело сейчас самые неприятные последствия. Расщепление сорта приводило к полной катастрофе, зачеркивало всю работу селекционера, делало совершенно бессмысленным многолетний труд. Печальные выводы напрашивались сами собой: значит, вообще невозможно создать устойчивый сорт озимой твердой пшеницы и напрасны все его дерзания.

Неужели его труд — только лишнее доказательство невозможности человеческими руками переделать организм растений? Не может быть! И он в который раз стал вспоминать всю свою работу, стараясь найти в ней ошибки. Он вспомнил об участках пшеничного поля, где много лет подряд терпеливо высевал «под зиму» твердую яровую, воспитывал ее холодом, новыми, непривычными для нее условиями. Он вспомнил язвительные реплики институтских скептиков, которые насмешливо улыбались, когда он старался «расшатать» наследственность яровой пшеницы, убирал урожай, как только завязывалось в колосках зерно, затем осенью снова высевал добытые зерна. Из этих зерен вырастали сотни новых форм, и он придирчиво отбирал нужные ему растения. Тысячи колосьев, сотни тысяч зерен перебрали его пальцы, пока не создали эту озимую твердую. Да, он глубоко убежден в правильности своего пути, в добросовестности проделанного труда. Он убежден, что созданный сорт не расщепляется. Конечно, это нечто другое. И давняя мысль, которая как бы подсознательно вынашивалась им, заставила его вскочить и несколько раз пройтись вокруг делянки.

Ой, какой же он чужак, что забыл о самом простом! Ведь новый сорт озимой имеет свойство цвести открыто. А в прошлом году рядом с опытным полем была посеяна озимая мягкая. Ее пыльца и сделала свое дело: произошло перекрестное опыление. В этом, именно в этом причина того, почему в массе твердой пшеницы сейчас встречаются колосья мягкого сорта.

Конечно, это так! И Алексей, словно ребенок, разрешивший трудную задачу, невольно рассмеялся — звонко, от всей души.

Он снова прилег на теплую сухую землю и, счастливый, стал прислушиваться к еле слышному, похожему на шепот шелесту колосьев. Но тут новая тревожная мысль заставила учащенно забиться его сердце. А как он докажет другим, что его озимь не расщепляется, что все дело в перекрестном опылении? Ведь ученая комиссия вот-вот должна приехать в Колосовку — об этом сообщил ему в последнем письме Крыленко... Что он скажет? Правда, он не одинок в своих опытах. У него есть верные друзья. На институтском поле Вера Федоровна посеяла его озимую. Очевидно, там уже тоже зашумели колосья. И совсем нетрудно теперь будет установить истину, сравнив два посева. И охватившая его тревога вдруг показалась ему совсем напрасной. Ведь самое главное, самое трудное сделано! Озимая твердая создана. Существует! И любая комиссия рано или поздно должна будет признать это!

— Докажу! — крикнул он, словно споря с невидимыми противниками.

— Кому вы собираетесь доказывать и что именно? — раздался над его головой знакомый женский голос.

Алексей увидел Шуру. Она улыбнулась. Он поднялся.

— Вот замечтался и поспорил с будущими скептиками-оппонентами, — объяснил он девушке.

— Понимаю, — сказала Шура. Но вдруг, нахмурив чистый лоб, спросила: — Видно, вас что-то сильно волнует.

— В самом деле, — сознался Алексей и, тронутый участием, которое прозвучало в вопросе девушки, подробно рассказал ей о своих тревогах.

— Придется не раз еще посеять озимь и таким образом доказать, что моя пшеница все-таки является твердой. В общем работы — сущий пустяк! — попробовал пошутить он.

Но Шура не приняла такого тона.

— Что ж, если надо, так надо, — серьезно сказала она. Ее негромкий голос, в котором звучала искренняя убежденность, взволновал Бережного. Как непохожа была эта вера на вечные Катины сомнения! Шура показалась ему сейчас такой близкой, что захотелось сказать ей что-то ласковое, душевное. Но от волнения он не мог произнести таких слов. — Пойдемте-ка домой. Пора, — сказала девушка, беря его под руку.

Они направились к дороге, окаймленной розовато-лиловыми васильками и ромашками.

— Смотрите, куда наша пшеница вытеснила сорняки! Обочина дороги — их последнее прибежище, — усмехнулся Алексей, показывая на полевые цветы.

— Вы уж чересчур идеализируете свою пшеницу, — улыбнулась Шура.

— Нелегко она дается мне, Александра Андреевна. Наверно, поэтому и создание ее — трудный путь. Не эта дорога в цветах.

— Не прибедняйтесь. Лучше помогите мне нарвать букет этих, как вы их называете, сорняков. — И Шура, сорвавшись, словно девочка, побежала по полю.

Алексей бросился за ней. Вскоре они уже держали по букету. Затем сложили все цветы в большой сноп.

— Вот это щедрость! Красота-то какая! А запах!.. — восклицала Шура, жадно вдыхая терпкий аромат степных цветов. Из крупных ромашек она стала плести венок.

— Да, прекрасные создания! — согласился Алексей и, задумавшись, добавил: — Красота нужна людям, как и хлеб насущный.

— Об этом я только что и хотела сказать... Но вы угадали мои мысли. Разрешите за это увенчать вас, — засмеялась Шура и шутливо одела венок на русую голову Алексея. — Теперь вы настоящий степной король.

Он снова задумался. Вдруг его лицо посветлело. Глаза стали лукаво-веселыми. Шура заметила эту мимолетную смену настроений.

— Что это с вами? Опять спорите с оппонентами?

— Да.

— И снова их победили?

— Конечно.

— Ну, выкладывайте... Как именно?

— А очень просто, Шурочка. Если даже я и не прав и моя пшеница через какой-то промежуток времени все же будет расщепляться, то пусть себе расщепляется на здоровье. Важно то, что она за это время все же успеет принести много пользы людям. Успеет дать не один хороший урожай на колхозных полях. И в этом, в конце концов, тоже победа!

— Вот видите... Значит, я не зря увенчала вас этими лаврами!

— Давайте выражаться по-научному: не лаврами, а сорняками... И за это я вас сейчас оштрафую, — он неожиданно обнял и поцеловал растерявшуюся Шуру.

Глава 13. ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Комиссия не заставила себя долго ждать. Через несколько дней, когда Бережной был на полевом стане, ему позвонил по телефону Головченко и сообщил, что в конторе его ждут «дуже важные ученые люди». Алексей немедленно приехал и увидел там Карпова и Пескова. Что-что, но появление Валерия Борисовича здесь, в Колосовке, было для Бережного неприятным сюрпризом. Лицо Алексея выразило такое удивление, что Песков счел необходимым поспешно объяснить ему:

— Должен вам сказать, что меня направили с тяжелой миссией проверить вашу работу вопреки моему желанию. Вы прислали свою научную работу для опубликования в бюллетене сельскохозяйственного института. Ну, вот мне как члену редколлегии теперь и надо убедиться в правильности описанных вами фактов. Не беспокойтесь, я буду объективным. И только. Вот видите, кто меня направил к вам.

Со скрытым торжеством он вынул из кармана и протянул Бережному удостоверение со штампом и печатью.

Алексей не стал читать удостоверения. Он вспомнил, что, действительно, недавно послал в сельскохозяйственный институт статью. И сейчас очень пожалел, что факты, которые он описал в ней, будет проверять именно Песков. Это было невозможно предвидеть. Бережной сделал над собой усилие и сказал как можно равнодушнее:

— Ладно, поехали на поле.

— Ты, Алексей Николаевич, не очень-то верь им, проверяльщикам,— полушутя, полусерьезно проворчал Головченко.— Особенно, если они сразу о своей объективности поют. Я многих ревизоров повидал, и ни один чудака не говорил, что он проверять будет необъективно. А потом в актах такое писали, что вовек не расхлебать!

Карпов и Песков улыбнулись грубоватому намеку председателя. Но Алексей был мрачен. Закрывая дверь конторы, он вопросительно взглянул на председателя. Тот ободряюще подмигнул ему: мол, парень, не поддавайся.

На опытном поле, осматривая озимую твердую, Песков старался всячески подчеркнуть объективность осмотра. Он дотошно измерял длину стеблей, подсчитывал количество зерен в колосьях, без конца что-то записывал в блокнот. И так продолжалось до тех пор, пока он случайно не заметил среди твердой озими несколько колосков мягкой.

Валерий Борисович блеснул глазами, словно совершил приятное открытие.

— Видите,— воскликнул он, автоматической ручкой показывая Карпову на зеленые колосья.— Видите? Теперь вы сами можете убедиться в моей правоте. Все ясно! Она расщепляется! — Песков с торжеством стрельнул глазами на Алексея.

— Напрасно вы радуетесь, — спокойно произнес Алексей.

— При чем тут эмоции! Я констатирую факт! Печальный, но факт! Поскольку в твердой пшенице встречаются колосья мягкой, значит, сорт неустойчив — расщепляется! — резюмировал Валерий Борисович.

— Причина вовсе не в этом. Просто сорт моей озимой имеет свойство частично цвести открыто.

— Ваше объяснение не обосновано,— прищурился Песков.— Но я вас понимаю. Столько трудов потрачено и зря... Ведь с самого начала то, за что вы взялись, было обречено на неудачу. Разве можно без лабораторий, без соответствующего технического оборудования и, наконец, без руководства авторитетных ученых браться за такое дело? И вот результат: она рас-щеп-ля-ет-ся, — проскандировал последнее слово Песков.

— Ну и черт с ним! Пусть себе расщепляется моя озимая! Ведь пока она успеет расщепиться — она принесет пользу. Не один хороший урожай даст.

— Если расщепляется, то ее уже не существует,— последовал ответ.

— Тем не менее твердая озимая колосится перед вами,— Бережной широким жестом показал на свои полянки.

Валерий Борисович не побледнел, а позеленел от злости. Весь сжался, потому что в глубине души почувствовал правоту Алексея. И зависть. Пшеница, которую создал этот мужиковатый парень, казалась сейчас многозначительным укором ему, эрудированному книжнику, который бесчисленное количество раз на трибунах и в печати доказывал безнадежность такого эксперимента. Теперь отступить от своего мнения было поздно. Это подрывало бы его репутацию... Да и зачем? Бережному нелегко будет доказать свою правоту. Пожалуй, на это понадобится немало лет. А он, Валерий Борисович, ничем не рискует. Ведь и в самом деле сразу не разберешься — расщепляется сорт или нет... В конце концов по любому вопросу в науке

можно высказать свою точку зрения. И он еще покажет этому самоуверенному агроному, где раки зимуют!

— Вашей озимой нет в природе,— с нескрываемой издевкой заявил Песков.

— Вы называете белое черным,— слегка побледнев, сказал Алексей.

— Ну, этим, положим, занимаетесь вы. Вы восстаете против доводов крупнейшего ученого, пытаетесь опровергать мичуринские взгляды.

— Это вы-то заступаетесь за мичуринские взгляды? — удивился Бережной.

Эта реплика сильно задела доцента.

— Я считаю бесполезным спорить с вами, товарищ Бережной,— бросил он.— Но я ставлю вас в известность, что считаю вашу работу на так называемом опорном научном пункте неудачной. И даже саму идею создания такого пункта считаю вредной. Напрасно растрачивали колхозники свои силы на вашу нелепую затею. Совершенно напрасно! Вы занимаетесь вредной чепухой. Я объявляю это институтской общественности!

Бережной опустил голову.

— Ничего у вас не выйдет! — сказал он.— Вам все равно не уничтожить результатов этого труда. Озимая твердая народу нужна... Партия поддержит меня, разберется.

— Я опишу расщепление вашей озимой, разоблачу вашу антимишуринскую позицию...— наконец вышел из себя Валерий Борисович.

Бережного так и подмывало сообщить ему о том, что на опытном поле института выращивается такая же озимая, что нетрудно проверить факт расщепления, сравнив оба посева. Тенденциозное обследование вызвало у него такое внутреннее негодование, что он едва сдержался, чтобы не раскрыть свои карты перед противником.

— Ну и пишите... Это для вас труда не составляет,— зло сказал Бережной.

— Я знаю, кому и куда жаловаться...

— Кому хотите!

— Вы убедитесь и пожалеете! — с вызовом ответил Песков.

— Тише, коллеги! Не горячитесь! Вы же культурные люди,— встал между ними Карпов, который до сих пор молчаливо наблюдал за спором сторон. Он обратился к

Бережному.— Вы, Алексей Николаевич, критики не переносите. Ведь Валерий Борисович верно говорит — пшеницато расщепляется. И я ему доверяю.

— Я уже объяснил, в чем дело, — огрызнулся Алексей.— Неужели непонятно? Это же азбука!

— Совсем не остроумно. За этот год вы изменились. Помните,— сказал Карпов,— я не советовал вам ехать на село. Предупреждал, что это ни к чему.

— А я не жалею об этом,— решительно промолвил Бережной.— И впредь не буду жить чужим умом. Не люблю приспособленцев!

Карпов пожал плечами. Такой поворот разговора обидел его. Он решил, что товарищ по фронту зазнался и его надо бы осадить. Поэтому он демонстративно взял под руку Пескова и, уходя, бросил иронический взгляд на Бережного.

На другой день комиссия познакомила со своими выводами Бережного и председателя колхоза. Валерий Борисович подал Головченко отпечатанный на машинке трехстраничный акт обследования опорного научного пункта.

Илларион Макарович, одев очки, внимательно прочитал бумаги, потом молча вернул их гостям.

— Это копия вам,— разъяснил Валерий Борисович.

— А на что мне это, у меня всегда бумажек хватает,— отмахнулся Головченко.— Мне пшеница нужна, а не бумажки.

— Но выводы, я надеюсь, из нашего осмотра вы делаете? — спросил Валерий Борисович.

— А какие еще выводы? — потеревил бородку Головченко.— Никаких выводов я делать не буду. Нашу озимую вы, товарищи научные деятели, напрасно охаиваете. Зря! Я всю жизнь хлебобоб и скажу прямо — радует меня пшеничка эта. Вы пишите, что расщепляется. Ну и хрен с ним! Пусть растет на здоровье! Что вы там ни пишите, а нам она очень нужна. И сеять мы ее будем — не в этом, так в следующем году... Если, конечно, вы мне лучшей не дадите. Что? Нет ее у вас? Ну вот видите — у вас ее нет... И на агронома моего вы тоже напрасно тень бросаете. Хороший он работник. Я его за этот год отлично изучил. Даже хвалить запретил, чтобы не испортился. А то, не дай бог, на вас, дорогие товарищи, будет похож — заважничает. Вот и выходит: в протоколе вашем густо, а на деле пусто,— Илларион Макарович поднялся со стула.—

— Оригинально вы реагируете на наше обследование.—
Суркнул Песков.

— Уж как умею,— улыбнулся председатель. — Не взыщите — образование малое.

— Я буду писать об этом! — снова пригрозил доцент.

— Что ж, бумага все стерпит, — ответил Головченко.

Выходя с Карповым из конторы, Песков с раздражением хлопнул дверью.

Бережной молчал при этом разговоре. Его глубоко взволновало услышанное. Оказывается, напрасно он обижался на то, что колхозники не замечали его работы. Его труды оценены по достоинству. Недаром сам «козлик» так горячо отстаивает их.

Вернувшись в город, Валерий Борисович сдержал свое обещание. Он послал копии акта и в райком, и в обком, и даже тиснул в местной газете статейку, где остро критиковал Бережного за его бесполезные опыты на полях опорного пункта селекционного института. Критикуя Алексея как ученого-селекционера, Песков не побрезговал обрушиться на его агрономическую деятельность. Он изобразил Бережного противником кукурузы, которая как раз была в большой моде.

Заваренную Песковым кашу, как говорил Головченко, пришлось расхлебывать самому секретарю райкома. Шеварутин посетил опытное поле, побеседовал с колхозниками и решительно стал на сторону Бережного.

— Человек полезным делом занимается, а что касается риска, то он в каждом большом деле имеется... Нельзя рубить с плеча,— горячо вступился он за Бережного при обсуждении статьи.

А на правлении колхоза «Дружба», вопреки выводам Пескова, было решено расширить площадь опытных посевов, помочь Бережному оборудовать хату-лабораторию.

Алексей с чувством удовлетворения приступил к распахивке новых делянок для научного опорного пункта. Однако проверяющий не сложил оружия. В этом он скоро убедился, получив присланный вместе с письмом Крыленко свежий номер научного агрономического журнала. На видном месте в нем была напечатана статья Пескова «Расщепление пшеницы». Автор статьи обрушивался на тех, кто, не считаясь с авторитетами, занимается бесполезными делами. В качестве отрицательного примера он привел многолетние селекционные опыты Бережного. Песков убеж-

дал, что неудачу его опытов можно было предвидеть заранее. Ведь расщепление при создании сорта озимой твердой неизбежно. Зачем же было гордиться огород?..

Подтасовывая факты, Валерий Борисович вновь проливал крокодиловы слезы по поводу напрасно потраченных времени и энергии молодым ученым.

Алексей несколько раз перечитывал статью и был поражен ее убожеством. Письмо же Крыленко его искренне обрадовало. «Пусть вас не расстраивает статья Пескова,— писал академик.— Ее опровергают результаты опытов с вашей озимой, проведенные Верой Федоровной в институте. Я убежден, что ваша пшеница не расщепляется. Соберите все факты, обдумайте их и ответьте противникам. Только во всеоружии научных фактов можно вступать в бой с такими, как Песков. Вспомните — вы же боксер. Пора вам от пассивной защиты самому перейти в наступление!»

Из строк письма на Алешу как бы глянули умные, проницательные глаза его автора. Хотя Крыленко придерживался других взглядов, чем он, Бережной, но как честный ученый академик посчитал своим долгом прийти в беде на помощь своему, как он считал, «непутевому» ученику. Как хорошо, что в науке есть такие люди, которые противостоят карьеристам и приспособленцам!..

Советы академика совпали с самыми заветными планами Бережного. Он снова проведет контрольный посев своей пшеницы и тогда решительно выступит против тех, кто сам, ничего не создавая, чернит других. Ему нужно немедленно съездить в институт, тщательно исследовать в лабораториях зерна озимой, сравнить их с семенами, выращенными на опытном поле института. Он должен посоветоваться с Верой Федоровной, с академиком. Знал, что они дадут дельный совет.

Алексей не привык откладывать дела в долгий ящик — сразу стал собираться в путь, упаковывать зерна, приводить в порядок записи научных наблюдений, рабочие дневники. Уже на следующий день утром он выехал попутной грузовой машиной из Колосовки и к вечеру увидел высокие арочные ворота селекционного института.

Несколько дней, проведенных Алексеем в городе, слились в его памяти в какой-то стремительный бег по лабораториям, научным отделам, опытным участкам. За короткий срок ему нужно было успеть выполнить множество самых неотложных дел.

— Вы упрямый. Таким и должен быть настоящий ученый. Теперь вам надо закрепить успехи. Попробуйте,— сказал ему Крыленко, пожимая на прощание руку.

Бережной с благодарностью взглянул на академика. Он и сам понимал, что его успехи — лишь хорошее начало. Нужно наладить размножение семян нового сорта пшеницы, дать ей всестороннюю производственную оценку. Не только «опытники» в других колхозах, но и сам он проведет еще не один посев, чтобы улучшить озимую, добиться ее районирования — путевки на широкие колхозные поля...

Бережному пришлось зайти в лабораторию института, чтобы узнать результаты анализов новых сортов озимых. Он откладывал этот визит, сколько мог. Только в самый последний день своего пребывания в городе он зашел за анализами. В дверях лаборатории неожиданно встретился с Катей. Хотя он и подготовился к этой встрече, все же, когда он ее увидел, — растерялся. Ведь теперь его Катя, та самая Катя стала женой другого. Одна только мысль об этом была для него невыносимо тяжелой.

Увидев его, растерялась и Катя. Это было заметно по ее лицу. Алексей взял себя, как говорится, в руки и поздоровался, сделал вид, что не замечает ее волнения. Он хотел пройти молча, но она остановила его:

— Я все знаю,— сказала она,— Валерий Борисович был неправ. Он сейчас отказывается от того, что написал в своем акте о твоей пшенице. Он обещал извиниться перед тобой и признать свою ошибку. Причем, публично, в печати.

Такое начало разговора удивило Бережного. За последнее время он свыкся с мыслью, что она глубоко равнодушна к нему и ко всем его делам. И вдруг она проявляет интерес.

— Это теперь ни к чему. Я фактами доказал, что твой Валерий Борисович крупно ошибся. Понимаешь — фактами. И его запоздалое извинение уже не нужно. Ну, а тебе, конечно, спасибо за такую информацию.

— Что ты, Алеша! Зачем меня благодарить?

— За сочувствие, — Бережной поклонился и прошел мимо.

Домой он вернулся окрыленный. Обратный путь показался ему нестерпимо долгим. Так хотелось скорее взяться за работу, поделиться новостями с Шурой, Семеном, Головченко, Шеварутиным. Только теперь он по-настоящему

почувствовал, как дорога ему стала не приметная на географической карте, затерянная среди равнин Колосовка. Здесь он добился первой своей победы в битве за большой хлеб.

Глава 14. ДРУГ ВСЕГДА БУДЕТ РЯДОМ

У Семена Ильчука начались тревожные и в то же время скрашенные радостными предчувствиями дни. Строительство плотины и канала закончилось в срок. Массивная земляная дамба, такая широкая, что по ее гребню могла проехать пятитонка, надежно отрезала реку от ее болотистой заводи, а ровный канал глубокой траншеей пролег по степи до самого оврага.

Надежность обоих сооружений не вызывала сомнений. Оставалось только ждать разлива, когда мутные весенние воды напористо, с журчанием хлынут по каналу в овраг, превратив его в искусственное озеро. Этого часа, как торжественного праздника, с нетерпением ждал Ильчук.

Но праздник все откладывался, и не по вине Семена.

Когда окончили стройку, благодатную оттепель сменило резкое похолодание. По степи засвистел ветер, заструились белые дымки метелей.

Зима надолго залегла в плотных сугробах, и ей не хотелось вставать, убираться прочь со своей снежной постели. Ильчук нетерпеливо бродил по заснеженной траншее канала, спускался в старый глубокий овраг, на дно будущего озера, радовался, что выпало много снега. Значит, воды будет вдоволь.

Дно оврага и его склоны были очищены от кустарников и деревьев. Только одну старую гигантскую ольху, высоко устремившую в небо иссохшие, но еще крепкие рогатые сучья, Семен запретил рубить. Его так поразили вид могучего дерева, что он остановил двух молодых лесорубов, которые было уже прислонили к стволу острые зубцы пилы.

Здесь-то его и увидел однажды Алексей.

Агроном возвращался в бедарке, запряженной медлительным лошаком. Дорога вилась вдоль обрыва будущего озера. Приподнявшись на облучке, Бережной заметил на дне оврага Семена. Пришлось крикнуть несколько раз, прежде чем тот очнулся от своих дум.

— Замечтался, брат, что ли? — спросил Алексей, когда Ильчук выкарабкался наверх и подошел к нему.

— Вроде так,— признался Семен.— Любой бы на моем месте замечтался! Законно!

— Все понятно. Садись — подвезу.

— Пожалуй, в самом деле пора, — глянул на клонящееся к горизонту солнце Ильчук и, кряхтя, влез на бедарку. Он сел рядом с Алексеем и начал сбивчиво, торопливо, словно убеждая в чем-то собеседника, рассказывать ему о своих планах.

— Как вода пойдет, эх и заживем мы здесь! Построим птицеферму, королевских карпов разведем. Насосы поставим, чтобы скотину легче было поить. Весенней водой проверим плотину и начнем...

— А что проверять? Разве не видно — плотина воду выдержит.

— Конечно! Но когда я своими глазами увижу, да весь народ увидит, какое дело нами сделано, то за другие работы веселее примемся. Понимаешь? — улыбнулся Семен.

— И ты весенний разлив как экзамена ожидаешь?

— Законно!

— Ох и чудак же ты, Семен Демьянович! Серьезный человек, а порой как ребенок.

— Ну ты это брось!.. — сразу посуровел Семен. — Просто не разбираетесь вы, Алексей Николаевич, в моей психологии. Нисколько, к сожалению, не разбираетесь, — переходя на «вы», что было у него признаком обиды, сказал Ильчук.

— Неужели?

— Не понимаете, что для меня эта стройка — как бы дорога новая. Двадцать лет я в армии служил, а вот теперь — будто снова в бою, на передовой линии... Понимаете? Вот вода пойдет, запруду, канал, ставок сдадим, тогда можно будет сказать, что битва выиграна...

— Да ты уже много в колхозе полезного сделал.

— Я не считаю того, что уже сделал, а думаю о несделанном до сих пор. Понимаешь, люди тут по тридцать лет колхозничают, а я недавний. пришлый, так сказать. Вот когда запруду сдам, тогда... Поэтому я сейчас разлива, как солнышко красное, жду...

Алексей внимательно посмотрел на обветренное лицо Ильчука.

— Что ж, выходит, Семен Демьянович, и я вроде такой же. Мой пай в колхозе еще меньше твоего.

— Вот ты сам об этом подумай.

— Я приехал сюда именно потому...

— Знаю. Долг у нас с тобой перед здешним людом образовался.— Карие монгольские глаза Ильчука потемнели.— Много еще нам, Алеша, сделать надо, чтобы его покрыть.

Ильчуку еще долго пришлось томиться в ожидании «красного солнышка». Но вот на снежные сугробы дохнул теплый южный ветер. Выглянувшее из облаков весеннее солнце разогнало клубы тумана и пригрело землю. За несколько часов под его лучами белая степь превратилась в черно-коричневую. По склонам курганов, в балке, в низине зажурчали тысячи ручейков. Тихая колосовская речка вздулась, разломила свой ледяной панцирь и шумно забурлила в камышовых берегах. Ее мутные струи, сверкая крошевом льда, с разгона ударились о крепкую земляную грудь новой плотины и, звеня водоворотами, устремились дальше по руслу. Часть воды до краев заполнила траншею канала и хлынула водопадом в овраг.

Семен и трое парней баграми разбивали, отталкивали льдины у входа в канал, чтобы они не громоздились, не создавали затора. И хотя от каждого удара багром по плывущему льду у него больно кололо в простреленном плече, сводило судорогой левую руку, Семен давно не испытывал такой радости. Тяжелая физическая работа казалась ему легким увлекательным делом.

Посмотреть, как укротила весенний разлив новая плотина, как образовывается искусственное озеро, пришли не только колхозники из «Дружбы», но и жители районного центра.

На берегах запруды собралась толпа народа.

К Ильчуку, занятому своей нелегкой работой, подошел Головченко.

— Семен Демьянович, отдай-ка свой багор! Лед толкать не по твоим силам.. Вот Мите такая работенка — лучшее развлечение.

Митя, широко улыбаясь, взялся за древко Семенова багра.

— Разрешь-ка мне...

— Да я уж наловчился,— попробовал отказаться тот. Но парень был непреклонен. И Семену пришлось подчиниться.

Ильчук еще не успел вытереть со лба капли пота, как оказался в крепких объятиях Головченко.

— Дай-ка тебя, трудягу, с окончанием стройки поздравить, — сказал председатель и прилюдно расцеловал Семена.

Сквозь толпу колхозников к нему протиснулся Алексей с Александрой Андреевной. Бережной от души поздравил товарища с победой. Шура пожала Семену руку, и тот впервые за многие месяцы, не хмурясь, посмотрел в глаза девушки.

С обрыва хорошо было видно, как хлещет из канала в овраг речная вода. За несколько часов она лишь покрыла дно громадной балки. Но уже и в этой неглубокой воде отражалось ярко-синее небо с белыми облаками.

— Чтоб такой овраг затопить, пожалуй, воды во всей нашей реке маловато будет... — услышал Семен слова бригадира Омельченко.

— Хватит! — уверенно возразил чей-то знакомый голос.

Семен взглянул на говорившего и узнал инженера Козлова. Рядом с ним стоял Шеварутин. Заметив Ильчука, секретарь райкома быстро направился к нему.

— Неплохую запруду соорудили, товарищ Ильчук. Пожалуй, дед ваш покойный внуку своему позавидовал бы. А теперь, именинник, пойдем, глянем поближе на вашу плотину.

Возле земляной насыпи по-прежнему шумели мутные струи, вращая в водоворотах битые льдинки.

С высокого гребня виднелась поросшая прошлогодним камышом широкая низменность, которую заливала весенняя вода. Теперь плотина отрезала эту равнину от реки.

— Скосим камыш и распашем землю новую под огороды. Глубоко распашем, засеем и в этом же году урожай соберем, — вслух мечтал, оглядывая пойменную ширь, Ильчук.

— Да, вы теперь большим богатством владеете, — сказал Шеварутин. Такую землю не все имеют. Надо хорошо подумать, как правильнее ее использовать. Все от вас зависит. — Секретарь райкома крепко пожал руки товарищам и спустился с гребли к ожидавшей его «Волге».

Только к ночи ушли люди с запруды. Вода к тому времени поднялась на несколько метров.

Семен остался один. Он зажег фонарь и, расстелив газету, лег на землю. Плотно приложил ухо к утрамбованному грунту.

Ему когда-то говорили, что так в старину проверяли прочность плотины. В нескольких местах он тщательно «выслушивал» запруду, но не уловил никаких звуков, внушающих подозрение.

Успокоенный, Семен прошел вдоль канала к будущему озеру. Здесь он склонился над черной глубиной и радостно ахнул: река уже успела до половины наполнить огромный овраг. Его гладкая поверхность, как круглое, блестящее зеркало, отражала сверкающие звезды ночного неба.

* * *

В эту звездную ночь решилась судьба Алексея Бережного и Александры Квитки. Получив письмо от Крыленко, где академик спрашивал о его научных работах и планах, Алексей написал в читальне Дома культуры ответ своему учителю. И перед тем, как отправить, прочитал его Александре Андреевне. Его удивило, что Шура вполне разбиралась во многих тонкостях работы над новыми сортами озимой. Она даже напомнила ему несколько подробностей, которые он едва не забыл сообщить академику.

Алексей как-то по-новому посмотрел на загоревшее от весеннего солнца лицо девушки. Видимо, крепко привык он уже к Александре Андреевне, если каждый день думал о встрече с ней. Наверное, потому, что она такая хорошая помощница! Но тут же с улыбкой прогнал эту мысль. А если бы Шура не помогала ему в работе, разве он не тянулся бы к ней? Зачем лукавить с самим собой?

Он словно невзначай положил свою ладонь на ее руку.

— Александра Андреевна, вы не замечаете, какой сегодня чудесный вечер?

Они вышли из Дома культуры на вечернюю улицу. Бережной с неведомым ему раньше трепетом осторожно взял Шуру под руку и повел к высокой, сверкающей электрическими огнями арке — к входу в новый парк.

Весь поглощенный вниманием к своей спутнице, он и не заметил, как оказались на аллее, обсаженной молодыми тополями. Теплый ветер беззвучно раскачивал тонкие гибкие ветви, как бы остерегаясь нарушить чуткую тишину весенней ночи.

Алексей на миг остановился, заглянул в отливающие синевой глаза девушки и поцеловал ее. Шура доверчиво прижалась к нему.

— Ты очень любишь меня? — спросила она.
— Очень! — одним дыханием вымолвил Алексей.
Шура провела ладонью по его светлым волосам.
— Тебе хорошо со мной?
— Как никогда в жизни! Но что сильно люблю тебя —
понял только сегодня.
Шура засмеялась.
— Вот видишь, ты даже не знаешь, когда меня полюбил...
— А ты?
— Конечно, знаю.
— Когда же?
— Да в тот вечер, когда ты уговаривал меня пойти мириться с Лысюком. Вот тогда-то я и поняла, какой ты...
Тогда и полюбила...

* * *

Отблески зари еще плавали в волнах реки, когда Семен снова пришел к плотине. Вот они, места, где он когда-то охотился с дедом Ключко. Немного прошло времени, а как все здесь изменилось! На месте овражной пустоши поблескивал новый водоем.

Семен опустил с плотины на дорогу. Здесь его обогнала нагруженная бревнами машина. Он проводил ее взглядом, пока она не свернула к озеру. До его слуха донесся глухой стук колодин, сбрасываемых на берегу. Машина сразу настроила мысли Ильчука на деловой лад. Рабочий день начался.

Семен вспомнил — это он предложил сделать из бревен плавучий плот-пристань. Без такого сооружения здесь не обойтись. Уж очень круты берега искусственного водоема.

Он посмотрел на часы и пошел к вагончикам, стоявшим неподалеку от реки. В дверях одного из них увидел белоголового мальчика. Он узнал его. Это был Сергейка — сын поварихи Зины, худощавой молодой женщины. Ее муж — шофер — несколько лет назад уехал из села на одну из больших строек Сибири. С тех пор Зина время от времени получала от мужа письма. В них он обещал вызвать ее к себе. Зина верила. Ждала. Воспитывала сына. В колхозе ее уважали за трудолюбие и добродушный характер.

Семен ценил аккуратных, с хозяйственной жилкой людей. Зина была именно такой, и он предложил ей работу

на строительстве. Она согласилась, а так как ей нельзя было на целый день оставлять без присмотра сына, Ильчук разрешил брать Сергейку с собой. Зина с сыном жила в вагончике.

В бригаде все любили веселого мальчугана. Семен был тоже ласков к Сергейке. Часто приносил ему сласти, мастерил игрушки.

Вот и сейчас, увидев Ильчука, Сергейка подбежал к нему и протянул вырезанную из дерева модель кораблика.

— Дядя Семен, посмотри-ка, что у меня!

Новая игрушка Сергейки насторожила Семена.

— А мне твой кораблик совсем не нравится! Лучше отдай его мне,— попытался он отобрать игрушку у мальчика.

Но Сергейка ни за что не хотел с ней расставаться.

— Кораблик у меня плавать будет,— заявил он, важно надув губы.

Увидев вышедшую из вагончика Зину, Ильчук предупредил ее:

— Отберите у сына лодчошку, а то он еще с ней на пруд пойдет.

— Да что вы!— добродушно улыбнулась Зина.— Я ему туда ходить запретила. Он у меня послушный...

Семена позвали в строительную бригаду, и он так и не закончил начатого разговора. Пришлось заняться срочными делами: заготовкой камыша для летних помещений фермы, доставкой трактора для распашки новых земель, хлопотами по постройке пристани.

Лишь к вечеру он вернулся на плотину. Наконец-то он мог заняться тем, что его больше всего привлекало. Ильчук пошел на то место, где у самой воды искусственного озера лежали привезенные еще утром сосновые бревна.

На берегу не было ни души.

Семен взглянул на блестящую водную гладь и оцепенел. Метрах в двадцати от берега верхом на бревне сидел Сергейка.

Ильчук мгновенно понял смертельную опасность, которой подвергался мальчуган. Достаточно одного неловкого движения — и бревно перевернется, мальчик сразу очутится в воде. А глубина, даже у самого берега, не менее десяти метров.

Не отрывая взгляда от Сергейки, Семен стал раздеваться... Он успел только стянуть с ног свои кирзовые сапоги,

как ребенок, потянувшись рукой к кораблику, потерял равновесие. Бревно перевернулось. Сергейка испуганно закричал и с головой ушел под воду. Потом с трудом вынырнул, пытаясь ухватиться за скользкое бревно.

Прямо в одежде Ильчук бросился в озеро. Он был плохим пловцом. Прострелянное на войне плечо не позволяло ему свободно грести левой рукой. Все же ему удалось доплыть до Сергейки как раз в тот момент, когда тот окончательно обессилел. Схватив утопающего за волосы, Семен направился с ним к берегу. Он сам едва держался на поверхности. Вода обжигала холодом, казалось, в глубинах нового озера скопилась вся мертвящая стужа зимы. Нестерпимо заныло плечо. Мускулы сводила судорога. Ребенок потерял сознание. Семен почувствовал, что у него не хватит сил добраться с мальчиком до берега. Захлебываясь, то погружаясь с головой в воду, то снова с трудом выныривая, он все же продолжал тащить Сергейку, медленно, очень медленно продвигаясь вперед. Когда он был уже совсем близко от берега, до его слуха донеслись пронзительные вопли. Это кричали женщины, среди которых находилась и Зина.

Внезапно Ильчук ощутил, что какая-то сила отрывает его от ребенка — то женщинам удалось багром зацепить и вытащить его на берег. Они тут же склонились над ним, принялись снимать с него одежду, растирать и приводить в чувство. Второпях они о Семене забыли.

Ильчуку сразу стало легко, словно с его плеч сбросили огромную тяжесть. Он понял, что Сергейка спасен. Его руки скользнули по мокрой кромке крутого откоса, и вдруг резкая, щемящая боль сжала его сердце. Тело свела судорога, потемнело в глазах и, потеряв сознание, он провалился в темную холодную пропасть...

Прошло несколько минут, прежде чем собравшиеся на берегу поняли, что с Ильчуком случилась беда.

— Ой, а где же Семен Демьянович? — испуганно крикнула Зина.

Ее восклицание встревожило всех.

Сбежались строители. Шофер Митя первый сообщил, что случилось несчастье, и бросился в ставок. Люди на берегу замерли в ожидании. Прошло около минуты, прежде чем пловец вынырнул из воды. Митя покачал головой, показал зажатый в руке комок ила. Отдышался и снова нырнул.

По его примеру бросилось еще несколько парней. Но все их поиски не принесли успеха. В придонной воде холод пробирал ныряльщиков до самых костей. Они время от времени вынуждены были выходить на берег и совершать пробежки, чтобы согреться.

Только после часа напряженных поисков удалось найти и поднять утонувшего на поверхность.

А к тому времени на берегу собралось много народа. Из районного центра прибыла «скорая медицинская помощь». Приехали Шеварутин, Головченко. Запыхавшись от быстрой ходьбы, приковылял и дед Касчко с Чингизом.

Врачи, осмотрев Семена, констатировали смерть. Но некоторые колхозники, не желая примириться с горестной утратой, долго пытались вернуть Ильчука к жизни. Его носили на руках, делали искусственное дыхание...

Бережной узнал о гибели Семена в поле, далеко от места несчастья.

Когда он добрался до запруды, то увидел возле озера огромную толпу. Бледный, задыхаясь от волнения, он побежал по плотине. Люди расступились, давая дорогу. На санитарных носилках он увидел своего товарища.

Смерть уже наложила первый, едва уловимый отпечаток на лицо утонувшего, но неожиданность утраты была такой ошеломляющей, что Бережному даже сейчас, видя мертвого друга, трудно было примириться с тем, что он навсегда ушел из жизни. Алексей не удивился бы, если бы Ильчук, приподняв отяжелевшие веки, посмотрел своими карими узкими глазами на собравшихся вокруг и сказал:

— Что ж это, друзья мои, вы здесь в рабочее время прохлаждаетесь? Не годится. Законно...— и, вскочив с носилок, пошел бы заканчивать начатые дела.

На фронте Бережной не раз видел смерть товарищей, научился мужественно переносить боль, которую всегда испытываешь, теряя близкого человека. Но сейчас он почувствовал огромное горе — не смог удержать набежавшие на глаза слезы.

Два парня подняли носилки с телом Ильчука. Они понесли его в толпе, мимо озера, мимо канала, мимо плотины — сооружений, которые еще недавно создавал Семен своими крепкими солдатскими руками.

Бережного осторожно потянул за рукав Головченко. В острых глазках председателя Алексей уловил глубоко затаенную боль.

— Ты, Олекса, крепись. Понимаешь...— произнес Илларион Макарович.

Головченко не договорил. Голос его вдруг задрожал и он отвернулся, чтобы скрыть свое волнение. Подергивая себя за бороденку, он подробно стал рассказывать Алексею, как спасал Сергейку Ильчук.

— Вот как в жизни бывает: не только здорово трудился, но и погиб как герой, — произнес кто-то рядом очень знакомым хриловатым баском.

Бережной повернулся и увидел Шеварутина. Алексею показалось, что эти слова секретарь райкома сказал для того, чтобы ободрить и утешить не только окружающих, но и самого себя.

— Снова мы с Савельевной сына потеряли,— сокрушался дед Клочко, дрожащими руками скручивая сигарку.

Носилки с телом Семена поставили в кузов. И тут раздался протяжный собачий вой — это Чингиз, жалобно скулля, побежал вслед за санитарной машиной, увозившей тело хозяина.

Головченко предложил Алексею подвезти его домой на своем вездеходе, но тот отказался. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями, пройти по дороге, по которой еще недавно он проезжал с Семеном. Чтобы выйти на этот путь, он свернул по знакомой ему едва проторенной стежке между зелеными озимыми полями. И тут же услышал за собой легкие шаги. Алексей оглянулся и увидел догонявшую его Шуру. Он остановился.

— Горе какое, Алешенька!— вздохнула девушка и вдруг горько разрыдалась.

Алексей обнял ее, стараясь утешить.

Они медленно шли по стежке. Шура рассказала Алексею о своей бывшей дружбе с Семеном, о его чувстве к ней. Неожиданно приоткрылась незнакомая ему сторона жизни товарища, о которой тот никогда по своей деликатности ни с кем не делился. Многие поступки Семена, которые прежде казались Алексею не стоящими внимания, предстали теперь во всей своей глубокой значимости.

Выйдя на шоссе, Алексей и Шура расстались. Бережной пошел на опытное поле. Здесь, осматривая посевы, он все еще думал об Ильчуке. О том, какой незабываемый жизненный пример дал ему этот человек. Его друг всегда будет рядом с ним. Память о нем будет вдохновлять на добрые дела...

Поздно вечером Бережной открыл тетрадку, куда занес скорбные строчки стихов о смерти друга. Об этой тетрадке не знал пока ни один человек на свете.

Глава 15. ИСЦЕЛЕНИЕ

О том, что Песков с Карповым едут в Колосовку, Катя знала. У нее была даже возможность присоединиться к ним. Давненько она не посещала места, где прошли ее детство и юность. Очень уж хотелось посмотреть на родную Колосовку, сравнить ее теперешнюю с тем небольшим селением, из которого ныне вырос настоящий городок. Хотелось походить по новой улице, названной в честь отца, побывать на его могиле. Встретиться со знакомыми.

Но ее смущала неизбежная встреча с Бережным. Катя не находила в себе силы встретиться с ним в присутствии мужа. И не чувство какой-то вины перед ним — она считала, что, скорее, он виноват перед ней, — а нечто другое, чего она сама не могла понять, смутно тяготило и смущало ее. Кате было неловко смотреть в открытые, уверенные глаза Алексея. Ее Алеша был по-прежнему родным и любимым. Так же, как и она ему...

Именно это обстоятельство заставило ее отказаться от поездки. Валерий Борисович удивился: почему жена вдруг наотрез отказалась следовать за ним.

— Боишься встречи с Алексеем? Трусись? Не ручаешься за себя?

Он чувствовал, что Катя не забывает о своей первой любви и тоскует по Бережному.

Она промолчала, а Песков был в душе рад ее отказу ехать в Колосовку. Ему казалось, так будет спокойнее. Без жены можно гораздо легче исполнить возложенную на него миссию.

Из Колосовки Валерий Борисович вернулся мрачный. На вопрос жены, отчего у него такое плохое настроение, он буркнул что-то неразборчивое, некоторое время отмалчивался, а затем его как бы прорвало. Он начал на чем свет ругать Бережного и председателя колхоза «Дружба» Головченко, а также и других обитателей родной Кате Колосовки.

— Тупоголовые негодяи живут в твоём селе, милая! Упрямые дикари, невежды, а твой любимый Алексей — номер первый среди них.

— Так ты толком лучше расскажи, чем они тебе так насолили?

— Изволь, мы с Карповым объективно констатировали факт, что в озимой твердой, созданной этим Бережным, встречаются колосья мягкой. Что сорт расщепляется и вообще неустойчив. Ну, а твой герой, конечно, на дыбы — называет черное белым и прочее, прочее в этом духе. Он ловко переспорил нас. Понимаешь, пе-ре-спо-рил!.. — нараспев произнес последнее слово Песков. — Вот в чем штука.

— Чем же он объясняет факт, что в его твердой попадают колосья мягкой? — спросила жена.

Песков покраснел от злости.

— Чем?! Чем? — заорал он, передразнивая Катю. — Тебе хочется знать все, что касается твоего любовничка!

— Чего ты вдруг?.. Видимо, пшеница в самом-то деле хорошая, что ты так кипятишься?

Но Песков уже сумел взять себя в руки.

— Но ты прости меня, Катя, что я так нервничаю. Уж много твой Бережной испортил мне крови своим дубовым упорством. Он объясняет, что его озимая имеет свойства цвести и частично открыто.

— Что ж, это серьезный аргумент. И его мнение поддержали? — продолжала расспрашивать Катя.

— Почти все. Понимаешь, все! И старый кретин с козлиной бородой, председатель колхоза. И первый секретарь райкома, человек, который не разбирается в селекции. И в нашем институте. Даже Крыленко, с которым твой олух тогда, помнишь, осмелился спорить. Крыленко позабыл про это! Этот так называемый академик, видимо, имеет слабую память. Бережной вел себя тогда вызывающе и неблагородно по отношению к нему. Но тому все ни по чем. А самое ужасное, что Бережной при всей своей простоте перехитрил нас. Он послал часть зерен своего сорта этой ведьме Злобницкой. Она их посеяла на опытном поле, и их урожай решил вопрос о расщеплении... Я с Карповым попал из-за этого в глупейшее положение...

— Так, выходит, Бережной все же прав, и пшеница у него неплохая. Чего же ты хочешь? Ты просто завидуешь! — возмутилась Катя.

— Стоп! — ударил ладонью по столу Песков, снова повышая голос. — Я хочу, чтобы у нас по этому вопросу навсегда была договоренность. Ты должна четко разби-

ратся, с кем ты — с ним или со мной. Должна понимать, что всякий его успех несет несчастье, неудачу мне, а значит, и тебе, моя милая. Пойми это раз и навсегда! Ведь я утверждаю, что без лаборатории, без технического оборудования, советов и указаний компетентных ученых, вроде меня, у него ничего не выйдет. Вот этой мыслью ты должна руководствоваться во всех своих суждениях. Успех Бережного — в конечном счете лишь опасное отклонение от магистральных путей нашей науки.

— Но ведь он создал, видимо, отличный сорт озимой, а это значит, хлеб насущный, который нужен всем. А ты разглагольствуешь, разводишь демагогию, мешаешь. Несчастный ты человек!

Катя быстро вышла из столовой, где шел их разговор, в спальню, захлопнула дверь, закрыла ее на задвижку.

Решительность ее испугала Пескова. Сейчас, он понимал это, был самый неблагоприятный для него момент, чтобы порвать с женой. Катя слишком много знала о его недостатках и ошибках. Ее неосторожный рассказ кому-нибудь мог вызвать катастрофические осложнения для всей его карьеры...

Мысль об этом ужаснула Валерия Борисовича. Он даже вспотел от страха и бросился к закрытой двери, пытаясь силой отворить ее. Но защелка, на которую Катя ее закрыла, оказалась крепкой. Тогда он стал настойчиво барабанить до боли в кулаках, униженно просить у Кати прощения за только что произнесенные необдуманные слова.

— Я безумно люблю тебя, Кет. И безумно ревную! Прости меня! Извини... Это я все говорил из-за ревности!..

Валерий Борисович целый час просил о прощении, умолял. И только когда поклялся, что опубликует письмо, где признает свою ошибку в негативной оценке озимой, созданной Бережным, и вдобавок извинится перед ним, супруга смиростивилась и открыла дверь в спальню. Ища примирения, Песков попытался приласкать жену. Но Катя молча отодвинулась от него.

Все же обещание, которое он дал жене — публично признать свою ошибку и извиниться, — Песков решил выполнить незамедлительно. Ибо он чувствовал, что в своей игре против Бережного он уж очень, как говорится, задрался.

Его союзник Карпов оказался сообразительней и уже снял свою подпись с акта обследования нового сорта пше-

ницы и признал свои выводы ошибочными. Да, черт побери, этот Бережной оказался победителем и спорить теперь с ним практически не имело никакого смысла.

Песков, к тому же, не хотел прослыть консерватором.

А временами он просто был убежден, что методами, которыми вел свою работу в селекции Бережной, нельзя добиться хороших результатов. Он искренне не верил в полезность, в рентабельность так называемой практичной селекции, на позициях которой стоял его противник. Для Валерия Борисовича его взгляды и поиски в этой области были набором сплошных нелепостей, отвлекающих от настоящих научных поисков. О, как он ненавидел этого горе-ученого, который пренебрегает исследованиями в лабораториях, расшифровывающих тайны генов! Тслько так, наверное, можно будет вносить коррективы в наследственность, добиваться создания устойчивых к расщеплению сортов растений. Впрочем, видимо, и сам-то не такой этот Бережной тупица. Видимо, он отлично сознает несовершенство своей методики. Сказал же он тогда в споре фразу, которая проясняет многое. Она хорошо запомнилась ему: «Пусть себе расщепляется моя озимая. Пока она успеет расщепиться, она принесет пользу. Не один хороший урожай даст». Вот где суть его философии — польза! Хороший урожай! Дальше, видимо, он в своих научных стремлениях и не дерзает! Жалкий практицизм! Все у него, у Бережного, сводится к этому!..

Песков неожиданно для самого себя выругался...

Но что поделать — Бережной все-таки создал свою пшеницу! И, как ни обидно для него, Пескова, этот факт придется признать. Он, скрипя зубами от злости, найдет в себе силы это пережить. Завтра он напишет статейку об этом и отошлет ее в редакцию научного журнала. Он подчеркнет в ней, что исходным материалом для создания нового высокоурожайного сорта твердой озимой послужили зерна пшеницы, выведенной Иваном Корнедубом, отцом Кати. Пусть таким образом хоть один луч славы Бережного упадет на его жену — дочь народного селекционера и отсюда на него — ее мужа. Сам он, Песков, не сложит оружия. Он будет вести свои истинно научные поиски в области генетики в тиши лаборатории. Он еще докажет этому Бережному и всем иже с ним свою правоту. Докажет... Такие мысли в какой-то мере успокоили Валерия Борисовича.

Разлад с мужем Катя переносила болезненно. Она давно поняла, что не любит супруга, но считала его достойным уважения как ученого.

И вдруг он предстал перед нею мелким дельцом — карьеристом от науки. Ее уважение к нему было как бы последней нитью, связывающей ее духовно с мужем. Эта нить порвалась. Катя была потрясена. «Я променяла на ничтожество Алексея — человека, которого я любила и люблю. Какая непростительная ошибка! Какая я глупая и слепая!» — корила она себя.

Она несколько дней находилась в состоянии, которое испытывает человек, оглушенный неожиданным ударом.

Из-за душевной растерянности с Катей случилось несчастье. При переходе улицы она не увидела мчащуюся легковую машину, а когда заметила — та уже не смогла затормозить и наехала на нее. Врачи определили закрытый перелом кости голени.

Почти около двух месяцев пришлось ей пролежать в клинике. За это время ее иссиня-черные волосы отросли. Только на самых кончиках их остались следы модной коричневой окраски. Всматриваясь в зеркало перед выпиской из больницы, она невольно вспомнила слова мужа. Валерий Борисович каждый день прилежно навещал ее, несмотря на просьбы жены не беспокоить ее частыми визитами.

Катя, лежа в клинике, имела теперь достаточно времени, чтобы передумать всю свою жизнь с Песковым — до мельчайших деталей. Она чувствовала теперь не ненависть к Пескову, а нечто другое, еще более сильное — полное отвращение. Теперь ей хотелось лишь одного — не видеть этого человека и скорее забыть не только о существовавшей между ними близости, но и о самом Валерии Борисовиче. Она словно пробудилась от тягостного сна. «Боже мой, — мысленно укоряла она себя, — как я могла уйти от Алеши. От милого, родного Алеши к нему!..»

И, конечно, Катя решила твердо и бесповоротно развестись с мужем.

Добиться развода с Песковым, как она и предполагала, было нелегко. Он вел пространные, трогательные речи о своих чувствах, о незыблемости и святости супружеских отношений, о своей глубокой преданности ей.

У Пескова созрели самые серьезные основания не соглашаться на развод с Екатериной Ивановной Корнедуб. Вспоминая женщин, встречавшихся ему в жизни, он по справедливости самой достойной признавал ее. Она была красива, неизбалованна, умна, трудолюбива и верна.

Он был по-настоящему расстроен. Рушились его планы. Удручен он был не только тем, что любил жену. С Катей он мог обмениваться мыслями, связанными с научной работой, получить толковый совет, войти в контакт с теми, кто свои теоретические взгляды подкрепляет практической работой на полях.

Поэтому он наотрез отказался дать ей развод. Видя, что с ним по-хорошему не сладить, Катя пообещала Валерию Борисовичу, что расскажет в соответствующих инстанциях о его неблагоприятных поступках. Песков струсил — уж очень он дорожил своей карьерой! И через несколько дней Екатерина Ивановна Корнедуб получила долгожданный развод. Песков, видимо, перепугался не на шутку и сделал все, чтобы ускорить все процедуры, и, на удивление, стремительно устроил раздел жилплощади — они переехали на разные квартиры.

Вырвавшись из душного мирка Пескова, Катя почти год не могла прийти в себя, обрести былую веру в свои силы. Она отстала в учебе, и теперь пришлось нагонять упущенное. Не без усилий сдав один из важных экзаменов по кандидатскому минимуму, она начала готовиться к новому, допоздна просиживая в научной библиотеке.

Она теперь не переставала думать о Бережном, о том, как помириться с ним, восстановить его уважение, обрести былую дружбу, если не любовь. Гордость по-прежнему мешала ей первой послать ему письмо. Он же, как назло, не появлялся больше в институте, не подавал о себе никаких известий.

В середине лета, возвращаясь домой из читального зала, Катя встретила Крыленко. Поздоровавшись с ним, она хотела было пройти мимо, но академик остановил ее.

— Какие весточки от Алексея Николаевича? — поинтересовался Крыленко.

— Алеша, видимо, обиделся на меня, — призналась Катя. — Не пишет.

— Извините, что задал этот вопрос, — сказал академик. — Но вы были такими друзьями. Алеша всегда хорошо говорил о вас! Неужели нельзя помириться?

— А вы ничего ему не писали обо мне?— спросила Катя.

— Сообщил как-то, что вышли замуж.

— Уже разошлись...

— Знаю. Потому и решил поговорить. Вам следует повидаться с Алешей. И обязательно! Послали бы ему весточку в Колосовку, а самое лучшее — поезжайте туда сами.

— Что вы, Федор Петрович!.. Будет ли это удобно?

— Даже очень,— улыбнулся Крыленко.— Я думаю, он обрадуется вашему приезду. Кстати, ведь вы сами из Колосовки?

— Да, я там родилась, но уже почти не помню родного села.

— Вы там давно не были?

— Порядочно...

— И не тянет?

— Нет,— пожала плечами Катя.— С Колосовкой связаны мрачные воспоминания. Там погибли мои родные.

— Но ведь там их могилы.

— У моих родных нет могил. Враги лишили их даже этого. Даже следов никаких не осталось.

— Ну, это неверно! Память о вашем отце жива в Колосовке. Бережной нашел там семена замечательного сорта пшеницы, которую вывел ваш отец. Алексей Николаевич посеял их на опытном поле, а затем скрестил со своей озимой. И ведь уехал-то он из института вопреки моему совету. Все считал, что у нас в загоне некоторые области науки. Смотрите какой! Я даже рассердился на него. А он оказался кое в чем прав... И добился в колхозе того, о чем мечтал. Обставляет нас порой молодежь. Вот какие дела!— выцветшие глаза академика засияли:— Вот поезжайте в родное село и посмотрите на его пшеничку.

— Я подумаю об этом, Федор Петрович!— серьезно сказала Катя.

— Тогда передайте от меня привет Бережному. Он, кажется, работает в колхозе «Дружба»? Вот вы там свою дружбу с ним и восстановите, — пошутил Крыленко.

Совет его пришелся Кате по душе. И как это она сама не подумала о том, чтобы вернуть к себе былое уважение Алексея? Конечно, прав академик — лучше всего ей самой поехать в Колосовку и чистосердечно поговорить с ним...

Возможно, удастся склеить разбитое. Да и почему бы ей просто не побывать в родных местах?..

Катя начала готовиться к отъезду. Через несколько дней она с легким чемоданчиком в руке села в вагон поезда.

Глава 16. РАДУГА В ПУТИ

После ночной духоты в купе рассветный холодок бодрил, как родниковая вода. Сойдя на перрон, Катя отошла в сторонку, чтобы пропустить к поезду людей с чемоданами и корзинами. Жмурясь от утреннего солнца, она с любопытством осматривала шумную толпу, надеясь случайно увидеть в ней знакомых. Увлеченная этим, она сразу и не заметила, что рядом с ней оказался такой же наблюдатель — статный смуглолицый парень, одетый в синий комбинезон. Он внимательно скользил глазами по рядам проходивших мимо него пассажиров, нервничал, перебирая цепочку с ключом от автомашины. Заметив этот ключ, Катя догадалась, что черноглазый, очевидно, шофер и, как все шоферы, наверняка знаком со многими местными жителями. Она спросила его: не знает ли он, где живет агроном Бережной...

Парень пристально посмотрел на Катю и, в свою очередь, поинтересовался:

— А почему вы думаете, что я знаю Алексея Николаевича? Разве это на лбу у меня написано?

— Вы — местный...

— Да, главный механик Павло Лысюк, — нахохлившись, представился парень.

— Очень приятно, — улыбнулась Катя и, сама не зная почему, не назвала своей фамилии.

Но Павло Лысюк не обратил на это внимания и продолжал:

— У нас село разрослось. Народу, как в городе! Не каждый теперь друг друга знает. Но вам повезло: да, я знаком с Алексеем Николаевичем, можно сказать, друг его... Только позвольте вопрос задать: вам его лично надо?

— Да. Лично.

— Тогда вам не нужен адрес. Вы его дома уже не застанете. Он давно в поле. К уборочной готовится. Завтра мы хлеб убирать начнем. А сейчас, пожалуй, он, как обычно, на опытном участке — недалеко от станции.

— А как туда пройти? — живо спросила Катя.

Ей очень захотелось поскорее увидеть Алешу. Она готова была без промедления двинуться в путь.

— Я подвезу, если желаете. Одну девушку хотел встретить, но она, видно, задержалась.

— Буду очень благодарна. Вы шофер?

По лицу черноглазого парня пробежала тень.

— Не шофер, а главный механик. — Он нахмурился, но потом вдруг улыбнулся, показывая ровные белые зубы. — Знаете, еще недавно я очень обижался, если меня называли просто механиком, а не главным. А теперь, похоже, рассудительнее стал. Первый признак, что скоро женюсь, — пошутил парень. Ну, что мы стали? Пойдемте к машине.

Они подошли к новенькому серому «Москвичу».

Катя уселась рядом с Лысюком, и он повел машину по гладкому шоссе в степь.

— Давно у вас опытный участок в колхозе? — чтобы прервать молчание, спросила Катя.

Лысюк с подозрением покосился на свою спутницу.

— А вы, часом, не на ревизию едете?

— Нет, что вы! Я в ревизоры не гожусь.

Лысюк улыбнулся и стал рассказывать, как было дело. Катя услышала о том, как были найдены и посеяны на опытном участке семена пшеницы, выведенной ее отцом. И когда машина остановилась, она уже многое знала о работе Алексея.

— Вот там — опытное поле, — Павло показал рукой на ровные делянки спелой пшеницы.

— Где же Бережной? — озабоченно произнесла Катя.

Лысюк был явно раздосадован, что они не застали агронома.

— Он у нас такой: может сидеть где-то в пшенице и записи делать. — Сложив ладони рупором, Лысюк закричал: — Товарищ Бережной! Алексей Николаевич! Ау! Откликнитесь!

Но в ответ только ветер прозвучал в колосьях.

— Напрасно стараетесь, главный механик!

— Да, видно, его здесь нет, — сказал Павло и пошел заводить «Москвич». — Поехали.

Но Кате очень захотелось увидеть Алешины труды.

— Погодите... Дайте взглянуть, — попросила она.

Лысюк недовольно затоптался на месте. Он торопился в мастерские.

— Ладно. Только недолго,— согласился он, взглянув на часы.

Катя пошла вдоль грядок, и ей навстречу тихо зашумели колосья самых причудливых форм и окрасок — и темно-коричневые, и красновато-оранжевые. На некоторых деланках рядом со спелой пшеницей шумела совсем еще зеленая. То были поздние сорта яровых.

Глазом специалиста Катя сразу нашла среди этого обилия колосовых созданный Бережным сорт озимой.

Она остановилась у полосы, где на высоких крепких стеблях покачивались налитые крупными зернами колосья; внимательно посмотрела на табличку, написанную Алешиным почерком. Сомнений не было. Предками этой озимой были жалкие растеньица, которые на ее глазах когда-то еще в институте спасал Алексей. Катя снова посмотрела на табличку и ее сердце затрепетало от невольной гордости. Новая пшеница называлась «корнедубка». Значит, правда, что труд ее отца не пропал.

Стоя у этой деланки, Катя задумалась и пришла в себя лишь после окрика:

— Девушка! А девушка! Я не могу больше ждать!

Из машины выглядывало сердитое лицо Лысюка.

— Вы замечтались, а у меня работа. Если не хотите оставаться в поле, садитесь...

Катя покорно пошла к машине.

— А куда вы меня повезете? К нему на квартиру?

— Туда ехать нет смысла. Алексей Николаевич до самого вечера не вернется. Он сейчас на полях, а жена его тоже там.

Кате показалось, что она ослышалась.

— Какая жена?

— Александра Андреевна.

— Разве Алексей Николаевич... женился? — Катя вдруг почувствовала, что у нее подкашиваются ноги и темнеет в глазах.

— Уже месяц, как сыграли свадьбу, — пояснил Лысюк.

Лицо Кати стало землистым. Не поддержи ее Павло, она бы упала.

— Мне плохо. Очевидно, сердце пошаливает.

— Понимаю,— сказал Лысюк, усаживая ее в машину.— Куда же мне вас везти?

— На станцию! Мне срочно нужно обратно в город!

— Но поезд идет только вечером. Знаете что: едемте ко мне... Моя мать хорошо примет вас.

Катя уже овладела собой.

— Спасибо. Я не могу воспользоваться вашим предложением. В Колосовке есть какая-нибудь гостиница?

— Конечно, есть.

— Так отвезите меня, пожалуйста, туда. Я отдохну до прихода поезда.

В гостинице нашелся свободный номер. Оставшись одна в маленькой комнатке, Катя заперла дверь на ключ и бросилась на кровать. Ей хотелось осмыслить услышанное. Разве она не пренебрегла Алешиной любовью? Разве не она незаслуженно обидела его, оттолкнула? Он женился... «А может, он женился без любви,— мелькнула у нее догадка,— просто спасаясь от одиночества?» Нет! Алеша не мог так жениться... Без большого чувства. И ее сердце заняло от боли. В волнении Катя поднялась с постели, несколько раз прошлась по комнате.

Вдруг кто-то тихо постучал. Она не ответила. Стук повторился.

Катя вытерла заплаканные глаза, наскоро привела в порядок одежду, прическу и, щелкнув ключом, открыла дверь.

Перед ней стояла стройная, одетая в спортивные кофточку и юбку светловолосая девушка. У нее были острые, пронизывающие серые глаза.

— Это вы Екатерина Ивановна Корнедуб?— спросила незнакомка.

И, не дождавшись ответа, добавила:

— Я жена Алексея!

От неожиданности Катя отступила на шаг. Появление Алешиной жены так ошеломило ее, что она даже забыла пригласить гостью в номер.

— Заходите, пожалуйста,— после долгой паузы сказала Катя и пропустила Шуру в комнату.

— Мы только что встретили Лысюка. Он сообщил о вашем приезде. Алеша очень обрадовался. Он собирался ехать за вами сам, но его задержали в поле. Берите ваши вещи, едемте! Мы живем в новом доме, места у нас хватит. Я вас мигом доставлю на мотоцикле.

— Что вы!— испуганно пробормотала Катя, избегая смотреть в острые глаза Шуры. — Я нездорова и не хочу причинять вам лишнее беспокойство, — солгала она. — В самом деле, очень голова болит...

— Вы у нас сможете отдохнуть лучше, чем в гостинице. А о беспокойстве не может быть и речи. Алеша так хочет вас видеть!

Катя поняла, что если сейчас она откажется от визита к Бережным, они могут догадаться, почему она их избегает. Это больше всего беспокоило молодую женщину. Она покраснела от мысли, что Олекса и его жена могут узнать причину ее переживаний.

Катя согласилась.

Словно в тягостном сне, она взобралась на седло мотоцикла позади Шуры, крепко ухватила руками за резиновое кольцо.

Небольшой домик Бережных понравился Кате. Он показался ей во много раз лучше комфортабельной квартиры ее бывшего супруга, где лощеный блеск, аляповатая роскошь омертвляли жизнь, сковывали мысли и опустошали чувства. И чистый деревянный пол, который еще не успели покрасить хозяева, и аккуратно побеленные стены, и скромная мебель, очевидно, не мешали Алексею и Шуре жить здесь счастливо и дружно.

С ревнивой зоркостью все это сразу заметила Катя. Молодая хозяйка ушла на кухню готовить обед, и у гостей было немало времени, чтобы внимательно осмотреть в доме все, что имело отношение к жизни Бережного.

В светлой комнате, служившей и кабинетом и спальней, на столе поблескивали стеклянные банки с зернами, а рядом лежали книги, много-много книг. И страницы каких-то рукописей. И все тут чем-то напоминало Кате маленькую комнатку студенческого общежития, где когда-то жил Алеша. И она нашла ответ, в чем именно было сходство со студенческим общежитием. Там, как и здесь, были следы напряженной творческой работы.

В столовой господствовали вкусы новой Катиной знакомой. Белые стены украшали рисунки тушью. Они изображали картины родной природы. К ним были приколоты листки бумаги, где карандашом рука Алеши нацарапала стихи. Неужели он их написал?.. И словно в дополнение к этим картинам рядом с ними висели рисунки, изображающие колосья пшеницы, а рядом с ними — фотографии. Это были снимки отца, матери и самой Кати. Тут же она увидела снимки Алешиной жены и ее родственников. Среди фотокарточек ее внимание привлек большой портрет скуластого человека в военной форме.

Сзади раздались легкие шаги. Катя оглянулась. К ней подошел Алексей. Ничего не говоря, он по-родственному обнял ее и поцеловал. И Кате показалось, что он мало изменился, только светлые волосы еще сильнее выгорели, оттеняя загорелое лицо. От него шел знакомый запах пшеничной пыли. Алексей... Затем в комнату вошла Шура. Она разлила по тарелкам ароматный, приправленный сметаной борщ, налила в стаканы вино. Все трое чокнулись за счастливую встречу...

И Кате ничего не оставалось, как приняться за еду. Она с аппетитом ела, шутила, даже смеялась. Наблюдая за Алешей, она с болью чувствовала, что он по-настоящему любит жену.

Разговор зашел об опытном поле. Алексей встал из-за стола и подошел к фотографии военного.

— Вот человек, который многому меня научил.

Он начал рассказывать о Семене Ильчуке, о его удивительных делах, о том, что только в работе возникает настоящая верная дружба.

Катя долго еще слушала бы Олексу, хоть всю жизнь, но, взглянув на часы, встала и поблагодарила хозяев.

Медленно, словно прощаясь, оглядела она чистую, светлую квартиру, где могла бы всю жизнь быть счастливой, и вышла из дома.

Вместе с Алексеем и Шурой она направилась к вокзалу по прямой, обсаженной молодыми тополями улице, названной в честь ее отца.

Кровь гулко стучала в ее висках. Она гордо шла по новой улице. Ей было тоскливо, хоть верилось, что когда-нибудь она все же вернется сюда, в родное село, и пройдет по этой улице, счастливая и радостная.

Внезапно над ее головой тревожно и звучно зашумела листва тополей.

— Шумят к дождю,— сказал Алексей.

Он не ошибся — лишь успели они выйти к вокзалу, как холодные крупные капли хлестнули по перрону.

— Приблудный, летучий... Уборке хлеба он не повредит,— определил, посмотрев на рваные облака, Бережной.

Только перед самым отходом поезда Катя стала рассказывать ему о своих семейных делах. Но по тому, как обменялись взглядами Алексей и Шура, она поняла, что они уже знают о ее разрыве с Песковым.

— Не надо никогда вспоминать об этом,— крепко обнял ее Алексей.— Не надо,— повторил он.— Вычеркни это навсегда из жизни.

— Простившись, Катя вошла в пустое купе и легла на полку. Мерный стук колес убаюкал ее. Когда она встала, дождь кончился. На стекле вагонного окна, словно слезы, дрожали высыхающие капли.

А поезд шел все быстрее и быстрее.

Солнце, выглянув из-за туч, сверкало на мокрой блестящей траве проплывающего в окне луга, на самый край которого радуга опустила с неба самоцветную дорожку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1. ГОЛОС ПАМЯТИ

Бережной вернулся с кладбища домой, когда стенные часы отбивали шесть звучных ударов. Эти старинные часы, антикварные, как называла их Шура, были очень дороги ему памятью о ней. Они были ее приданным и сохранились в числе немногих вещей, принесенных в день свадьбы. И сейчас, услышав их бронзовый голос, он поспешил к ним в свой рабочий кабинет, где они находились, как к чему-то родному, к Шуриному...

Алексей Николаевич распахнул дверь и застыл на пороге. Его ослепил горячий свет вечернего солнца. Огромное, красное, оно бесцеремонно заглядывало в широкое окно кабинета. Его лучи отражались на полированной поверхности письменного стола, на медном циферблате и маятнике часов, на шкафе, где под стеклами на полках вместо книг желтели крупные, чешуйчатые колосья. Среди них выделялась золотисто-бархатными тонами твердая озимая пшеница. Каждый колос отбирала Шура. Она принесла их с поля и положила сюда. Каждый колос!..

Рука Алексея Николаевича невольно потянулась к колосьям и наткнулась на прозрачную преграду. От прикосновения пальцев на поверхности стекол пролегли следы. Всего четвертый день не сметала со стекол пыль хозяйка. И вот уже успели замутиться стекла шкафа. Он взял со стола носовой платок и тщательно протер их.

Стенд всегда был предметом особой заботы хозяйки. Ведь это она, наперекор ему, Бережному, устроила настоящую выставку его селекционных трудов. Припомнилось, как скромная, презирующая тех, кто кичится заслугами и добродетелями, Шура искренне восхищалась и гордилась его трудами. И если заходил разговор о научной деятельности мужа, то она превращалась в восторженную, наивную девочку. Она расхваливала его работы и, конечно, их результаты. Каждого посетившего ее дом человека Шура непременно приглашала в кабинет Алексея Николаевича и подводила

к стенду с колосьями. Здесь она обрушивала на гостя вдохновенную лекцию о замечательных качествах золотящихся под стеклами экспонатов. Подкрепляя свое красноречие выкладками цифр, формулами, таблицами, Александра Андреевна подробно объясняла свойства новых сортов: их высокую урожайность, стойкость перед засухами, болезнями...

Бережного порой раздражали подобные панегирики супруги в его адрес. Он часто просил ее не увлекаться.

— Пойми, Шурочка, мне совершенно не нужны восхваления. Они нас обоих выставляют в смешном свете. Характеризуют как самовлюбленных, тщеславных мещан от науки. Да и от этого пшеница лучше не станет. А люди почтут, милая, что я и ты — лишь несчастные хвастунишки.

— А я хочу, чтобы побольше людей знали о твоих трудах. Хлеб, тобой созданный, многие из них каждый день едят, а не знают об этом ничегошеньки, — возражала Александра Андреевна.

— И очень хорошо! Кому это, вообще, нужно знать? И так много про меня и в газетах, и в журналах пишут.

— Ты, вроде бы, цивилизованный человек, известный ученый, а рассуждаешь по-дикарски! И не спорь! Неужели ты не понимаешь, какую роль играет информация в развитии общества?

— Но получается просто несерьезно. Жена расхваливает мужа. Эдак мы станем всеобщим посмешищем.

— Ну и пусть!.. Пусть недалекие люди смеются. Нельзя же равняться по таким, — лихо отвечала жена.

Ее слова вывели из себя Бережного:

— Тогда... Тогда, слышишь, я категорически запрещаю тебе говорить о моих работах и обо мне!

Александра Андреевна эти слова встретила смехом:

— Смотрите на него, какой он грозный! — она приложила ладонь к его лбу и, словно получив ожог, отдернула руку. — Ой!.. Какой горячий! — И насмешливо отчеканила: — Ты со своим запретом, милый Алеша, опоздал! Так поэтому не забывай — хотя я тебе и жена, но у меня есть свое мнение о твоей работе. И высказывать его ты никак запретить — увы! — не можешь...

Алексей Николаевич, наверное, долго еще по этому поводу спорил бы с женой, если бы вдруг не понял истинной причины этой упорной фронды. А когда уловил, то задумался. Глаза его стали влажными, и он вдруг крепко-накрепко поцеловал Александру Андреевну в губы.

— Что на тебя нашло? Уже десять лет ты так не целовал меня,— покраснев, улыбнулась она.— Или влюбился вновь?

— Не вновь, а всегда,— не очень складно ответил Бережной, обнимая жену.

— Неужели всегда?

— Всегда... Всей душой.

— Ой, ты преувеличиваешь!— воскликнула она. В голосе ее послышалась радость.

В самом деле, он говорил правду. И несколько не преувеличивал, как иногда это делают мужчины, желая сказать приятные слова женщинам.

Но Александра Андреевна и не подозревала, что муж только сейчас понял, почему она не может не говорить о его успехах. Да, именно не может. Потому что она, как и сам он, потратила на это годы труда.

Она не может не рассказывать о его работе, потому что, в сущности, это и ее успехи, ее труды. Ведь этим она живет. Ну как же ей не поделиться с людьми тем, что стало самым главным содержанием всей жизни? А он-то хорош! Позволял себе снисходительно, свысока посмеиваться над ней, ворчать.

Молча ругая себя, он вспоминал, как Александра Андреевна постепенно стала более его самого убежденной последовательницей научных взглядов, которых он придерживался. И вот парадокс. Он сам-то, что называется, привил ей эти взгляды... И она их исповедовала более рьяно, чем он сам. Например, она все еще без тени сомнения верила во всемогущество так называемого направленного метода в селекции. Жена старалась убедить коллег, что это единственный верный путь в науке. И всегда ссылалась на успешные результаты его опытов, показывала рукой на стенд с колосьями и не то полушутя, не то серьезно говорила:

— Равняйтесь на эти труды Бережного!..

А Бережного все чаще и чаще стали одолевать сомнения. Суть их заключалась в том, что вовсе не был убежден: следует ли именно на него равняться?..

Как-то, выбрав время, он поделился своими сомнениями с женой:

— Знаешь, Шурочка, мне думается, что нельзя в нашей работе все концы-начала сводить к одному методу.

Александра Андреевна вопросительно изогнула брови.

— А какие методы могут быть лучше?

— Видишь ли... пора объективно посмотреть на будущее. А оно — в раскрытии тайн гена *. Это, очевидно, одна из кардинальных дорог в нашей науке. Прочитав код наследственности, человек получит возможность создать улучшенные образцы животного и растительного мира. Будущее за генной инженерией.

Александра Андреевна пожала плечами.

— Все это — фразеология. Ее произносят уже десятки лет. Пока же созданные направленным методом полезные растения, в том числе и твоя озимая, кормят миллионы людей. В том числе и тех, кто раскрывает и все не может раскрыть эти самые тайны генов. У этих раскрывателей ничего не сделано практически. Ничего! Одни теоретические разглагольствования... и неудачи.

Бережной ответил ей почти в таком же тоне:

— Во-первых, для науки порой неудачные опыты ценнее удачных. А во-вторых — так рассуждали те, кто пытался затормозить развитие нашей отечественной науки и провозглашал Менделя и Моргана лжеучеными, а теорию о гене — идеализмом... И, наконец, в третьих — запомни — я как и другие наши селекционеры, используя скрещивание, отбор, мутацию, добился некоторых успехов в создании урожайных пшениц... Но сейчас наступила эпоха молекулярной генетики. Человек на основе великих открытий в этой области будет управлять процессами мутации и овладеет возможностью создавать новые виды растений и животных. Мне хочется принять участие в такой работе.

— Алеша, спустись на землю! Учти — все это пока пустые разговорчики. Такая болтовня — просто зачеркивание собственного многолетнего труда и даже предательство.

— Ого!

— Представь себе, милый.

— Кого же и что я предаю?

Она сузила свои остро сверкающие глаза.

— В первую очередь ты предаешь самого себя, свой труд, коллег-товарищей, в том числе академика Крыленко и меня... Как тебе не стыдно беспечно играть сокровенным!

— Что ты имеешь в виду?

— Надо ж различать работу по селекции и, к примеру, писание стихов...

* Ген — мельчайшая частица органического вещества, передающая код наследственности.

Бережной рассмеялся. «Шпилька» Александры Андреевны его позабавила. Хоть и показалась неожиданной резкая отповедь Шуры. Особенно задела слова жены о стихах. Алексей Николаевич имел склонность к поэтическому творчеству. В областной газете даже напечатали несколько его лирических стихотворений, посвященных хлебобородам черноморских степей. Александра Андреевна и его друзья считали все это чудачеством, некой слабостью Бережного. Даже академик Крыленко, встретясь с ним, неодобрительно покачал головой:

— Это вы что, милый, с Пушкиным соревнование затеяли? За двумя зайцами гнаться не рекомендуется. И совсем не солидно.— И тут же предостерег:— Вы неосмотрительно козырь противникам своим в руки даете. Будут, наверное, судачить...

Академик оказался прав. Всякие анекдоты начал составлять его постоянный оппонент, как порой остряли, «его штатный хулитель» Валерий Борисович Песков, преуспевающий сейчас профессор.

Дома Александра Андреевна решительно посоветовала Бережному оставить свое беспокойное хобби.

— Ну зачем тебе, Алеша, давать повод для насмешек всяким Песковым? Зачем дразнить гусей?

— Когда-то ты, Шурочка, не боялась гусей и даже «ученых» гусей...

Ее поддержали многие друзья-коллеги:

— Нельзя тебе, Алексей Николаевич, разбрасываться. Занимайся лучше наукой,— поучал его ставший теперь доктором наук ректор сельскохозяйственного института Карпов. Но говорил он все это полушутя.

И даже старушка-пенсионерка, бывший научный сотрудник отдела пшениц Вера Федоровна Злобницкая, тоже откликнулась — прислала письмо, где сурово журила за стихотворство. «Творческий человек сосредоточивает все свои силы на чем-то одном, на любимом деле. Вы подаете большие надежды сделать много полезного в области селекции. Так не увлекайтесь ничем другим, особенно — и упаси вас бог! — литературой. Я знаю, что эта работа забирает у человека много энергии».

И не понимали, и даже не подозревали его доброжелатели: ни Злобницкая, ни жена, ни Крыленко, ни Карпов, что стихосочинительство для него не только чудаковатая блажь. Не подозревали они, что писание стихов, пусть не очень

примечательных, ему стало необходимо Вглядеться в картины черноморской степи и попытаться воплотить в образах ее красоту. Какое прекрасное отдохновение души. Губы его прошептали строчки недавно сложенных стихов.

Как в степи рассветной колосится
Золотыми брызгами пшеница!..

Он не мог отказаться записывать в блокнот подобные строки и даже делать рисунки...

Сейчас все это, связанное с Александрой Андреевной, и все их мысли, и все споры как отголоски совместно прожитой большой жизни эхом отдавались в его голове. Вспоминая, вновь переживая былое, он не мог не упрекнуть себя, что не поделился с ней о самом главном — о заинтересованности генетикой, — просто не успел. А ведь Шура жила его делами. Они составляли духовное содержание ее жизни. Неужели так всегда бывает, что самое основное, при всем желании, не успеешь поведать любимому человеку?..

Он вспомнил, что хотя Александра Андреевна взяла тогда верх над ним в словесной баталии, — она не убедила Бережного.

Это не было проявлением упрямства с его стороны. Он лишь ясно понимал, что жена его доводы воспринимала эмоционально, и поэтому серьезной беседы у них не получилось. Он решил повременить пока с новым разговором, как следует подготовиться к нему, подобрать веские аргументы. Такие, чтобы, не горячась, убедить Шуру в необходимости коренной перестройки совместной научной работы.

Но второго разговора так и не состоялось. Смерть Александры Андреевны помешала этому.

Глава 2. ДОБРЫЙ СВЕТ

Сквозь окна красными полосами пробивались лучи вечернего солнца. Бережной тяжело опустился в кресло, положил взлохмаченную голову на теплый лак стола. Он вспомнил, как он нынешним утром проснулся от рассветного холода. Приоткрыв глаза, увидел рядом со своим лицом огромный лопух. Зеленый полукруглый лист, похожий на крыло птицы, осыпанный мелкими каплями росы, ослепительно сверкал. В каждой росинке отражался оранжевый свет восходящего солнца.

Бережной попытался встать, но не смог. Ноги задубели от ночной сырости. Он чуть было приподнялся и вновь бес- сильно растянулся на мокрой, скользкой траве.

И тут в память постучалось пережитое. Очень давнее... Вспомнилось, как лет тридцать с лишним так же провел ночь на покрытой росой траве под звездным небом. Тогда его грудь глубоко около сердца, пропорол осколок мины. И спустя годы он чувствует присутствие металла, прижив- шегося в груди.

Он застонал и зарылся лицом в прохладную траву.

...А утро неотвратимо вступало в свои права. И вот раз- дался первый утренний шум — совсем близко загрохотала грузовая машина. Наверное, где-то недалеко проходило шоссе. За первым автомобилем загудел второй, за ним — третий, и началось обычное движение по дороге. Скоро вся округа наполнилась гулом, грохотом, лязгом. Бережной слышал все это и в то же время как бы не воспринимал... Он был оглушен своим горем. Гораздо сильнее... Алексей лежал равнодушный ко всему, что происходило вокруг...

А солнце поднялось выше, стало припекать. Несколько рябоватых кур, неизвестно откуда забредших сюда, начали лениво и важно рыться у его ног.

...И лишь когда тонкая, но цепкая рука стала настойчиво дергать его за воротник пиджака, с него сошло оцепенение. Он с трудом поднялся на нетвердые ноги. Перед ним стояла худенькая, похожая на нескладного подростка девушка. Она укоризненно покачивала рыжеватыми локонами. Алек- сей Николаевич узнал в ней соученицу своего сына — Таню.

Его охватило смущение. Меньше всего хотелось, чтобы Таня видела его в перепачканном костюме, неумытого, не- причесанного. Она в упор смотрела на него, и Алексею Николаевичу тоже пришлось заглянуть в ее светлые, в ры- жеватых ресничках, глаза. Он уловил в них, к своему удив- лению, торжество и восхищение. Словно боясь, что не успеет высказаться, она произнесла множество восторженных фраз:

— Ой! Алексей Николаевич, какой вы душевный! Как вы все горячо принимаете к сердцу! У нас в поселке пять тысяч человек, но такого, как вы,— ни одного! И сколько вы нам хлопот задали! Ну прямо ужас!.. Мы всю ночь вас по степи искали! Всю ночь! А я нашла все же! Я!.. Я!.. На- конец-то!..

Таня несколько раз с торжеством повторяла эту фразу. Затем она достала из карманчика юбки белый платочек и начала им энергично вытирать костюм Бережного. Он попробовал было отказаться от ее услуг, но девушка проявила настойчивость, и он вынужден был подчиниться.

— Ничего, Алексей Николаевич, вы же сами себя не видите. Я все сделаю вмиг! Я хорошо этому научилась... когда мой батя напивается, то я его сама прибираю,— тараторила Таня и энергично терла платочком пиджак и брюки Бережного. Она делала это уверенно, поворачивая его из стороны в сторону, как какой-то манекен.

А у Бережного под Танину болтовню всплыли картины вчерашнего дня... Он опять увидел и застывшее в смертельной отрешенности родное лицо жены, своей Шуры. И дорогу, по которой шел за обитым красной тканью гробом. И почувствовал беспощадное отчаяние, которое охватило его тогда.

Остальное было несущественно.

Он смутно помнил, как его оторвали от могилы Шуры. Как дал увести себя родственникам и друзьям на поминки, где за траурным столом молча, стакан за стаканом вливал в себя жгучую хмельную жидкость. А потом, раздвинув толпу лиц с написанным на них участием, он вырвался из душной квартиры в прохладную ночную мглу. Он, спотыкаясь, падая и снова подымаясь, бежал и бежал по темным улицам поселка, пока не добрался до степи. Люди не смогли поспеть за ним и скоро отстали.

Он, гонимый горем, бежал все дальше в глубь беспросветной тьмы, пока, выбившись из сил, не упал здесь, в кустарнике.

И снова до его слуха донесся неугомонный голосок Тани:

— Но вот вы и прибраны!

С детства Алексей Николаевич был наделен чувством юмора. В самые грустные, даже трагические часы своей жизни он мог воспринимать и чувствовать смешное. И сейчас эта способность пришла ему на помощь, словно целебное средство. Смешное слово, что на полном серьезе повторяла Таня, вызвало на его бледном лице подобие улыбки. Вернее — гримасу. Но и гримаса эта, как ни странно, словно солнечный луч, пробила туман отчаяния, плотно окутавший его душу. Эта страдальческая улыбка и помогла ему собраться с силами.

А беленький Танин платочек успел потемнеть от пыли и грязи. Девушка, вычистив его костюм, на миг умолкла и, отступив на шаг от Бережного, внимательно оглядела его.

— Ну, теперь совсем другое дело! Костюм в полном порядке. Сейчас вам, Алексей Николаевич, можно где угодно на глаза показаться. А ведь быстренько я управилась? Верно? — Не дожидаясь ответа, Таня взяла Бережного под руку.

Он сразу понял ее нехитрые намерения — Тане не терпелось показать его сыну Андрею и всем знакомым. Этой милой резвухе хотелось похвастаться, как она его «нашла», как сумела привести в порядок — «прибрать»... И рассказать попутно, какая она, вообще, замечательная...

Понимая, зачем он нужен Тане, желая отблагодарить за заботу, он тем не менее был не в состоянии удовлетворить ее желание — отправиться с ней. Просто был не в силах находиться сейчас даже среди самых близких людей. Даже в обществе родного сына. Он принадлежал к тем людям, которым тягостно обременять своей бедой других. Поэтому старался от всех скрыть, утаить свои переживания, остаться наедине со своим горем. Он резковато освободил руку, которую держала Таня.

— Никуда я с тобой не пойду, — сказал Бережной. И тут же пожалел — у девушки на рыжеватых ресничках заблестели слезинки.

Алексею Николаевичу стало ее жалко. Он ласково провел ладонью по жестковатым волосам Тани.

— Ты не очень-то обижайся на меня сегодня... Видишь, я все еще не пришел в себя, — пробормотал он. — Кроме того, учти, мне нужно пойти в другое место.

— А куда? Где вас искать... в случае чего? — вздохнув, с тревогой в голосе спросила девушка. И добавила, хитро прищурясь: — Андрик будет волноваться...

Андрик — так дома называли его Андрея. Алексей Николаевич задумался. Вот так бывает в жизни: рядом с горем проявляются добрые чувства. Не от них ли рождается сердечная теплота, что роднит людей?..

И чувствуя, что Таня серьезно беспокоится, кратко пояснил:

— Я — на кладбище.

— А что передать Андрику? — не отставала Таня.

— Ты умеешь успокаивать? — Бережной снова провел ладонью по Таниным волосам.

— Конечно.

— Так сделай это. И еще у меня к тебе просьба: никому не говори о нашей встрече.

— И даже Андрею?

— Даже ему.

Тане очень хотелось поведать всем, как она нашла Бережного. Но, испытывая к нему большое уважение, она глубоко вздохнула и согласилась:

— Пусть будет по-вашему... Только... хоть скажите, когда вы вернетесь домой?

— К вечеру. Пока!

Он кивнул головой и двинулся сквозь кустарник на машинный шум.

Бережной пересек шоссе в том месте, где, отрываясь от его асфальтового покрытия, шла вкось грунтовая дорога.

Самая обыкновенная. Мягкая от пыли. Она казалась ему теперь самой ужасной из всех дорог в мире. Даже из тех, что когда-то крошились у него на глазах под ударами бомб и снарядов.

Но вот этот мирный, пыльный проселок превратился в самый тяжелый для него путь... И, наклонив голову, он шагал и шагал, пока не остановился перед небольшим холмиком, отмеченным алой фанерной пирамидкой.

На него в упор смотрела Шура. Глядела с фотографии, но — как в жизни — пронзительными, светлыми глазами. Словно спрашивала, как ему живется на свете без нее.

Он опустился на неуступшую высохнуть землю подле холмика и простонал:

— Плохо. Очень плохо мне...

* * *

Солнце успело закатиться за горбатую крышу соседнего дома, вспыхнув в последний раз пунцовым пожаром на стеклах окна. Комнату, как черная вода, медленно наполнила темнота. А Бережной все спал. Теперь видел во сне веселую, улыбающуюся жену. Иногда сознавал, что спит, но ему тогда казалось, что вот-вот он очнется и увидит ее наяву в ярком свете.

Вдруг, словно исполняя его желание, явственно щелкнул выключатель. Алексей Николаевич проснулся. В глаза ударил электрический свет. Он обвел взглядом комнату. Александра Андреевна, которую он только что видел во

сне, исчезла. У дверей стоял худощавый юноша с серыми, внимательными, как у Шуры, глазами — его сын Андрей и рядом — высокая, стройная женщина — Екатерина Ивановна Корнедуб. Ее черные, гладко зачесанные волосы, едва тронутые сединой, оттеняли смуглое лицо, делали его молодым.

— Папа, мы и представить себе не могли, что ты сидел здесь один да еще в темноте, — растягивая слова, произнес Андрей.

Алексей Николаевич не успел ответить, как к нему подошла Екатерина Ивановна.

— Держись, Алексей... Помни, что в беде с тобой рядом друзья. — Она поцеловала его в щеку.

Губы Екатерины Ивановны пахли табачным дымом. Нечто чужеродное почудилось Бережному. Хотя его тронула искренность ее порыва, но... он органически не выносил запаха табака. Поэтому поспешнее, чем следовало бы, отстранился от Екатерины Ивановны.

Едва заметная тень пробежала по ее лицу. Она задумалась и спросила:

— Ты, Алеша, до сих пор не куришь?

— И даже не думал учиться... Видно, сильно отстал от тебя...

Грубоватый ответ пришелся ей по душе. Она грустно усмехнулась.

— Отстал ты от меня не очень-то... Как только узнала о твоём несчастье — поспешила на аэродром. Там, ожидая самолет, я очень нервничала. И вот один пассажир предложил мне закурить. Вот и накурилась до одури. А так, вообще... редко делаю это.

Екатерина Ивановна пристально посмотрела на Бережного, взяла его за руку, провела пальцами по ладони.

— Ох, Алеша, ты за эти годы ни капельки не изменился!.. Все такой же! Даже на руках такие же мозоли, как в молодости. Видно, в поле по-прежнему с сапкой да лопатой работаешь, хотя, как говорят, без пяти минут академик... Все ты хочешь сделать сам, не прячешься за других, за слова. Скрыть, утаить ты ничего не можешь. Не любила одно время в тебе эту деревянную прямоту, злилась страшно. А когда поумнела, любить и ценить тебя за это стала, но, видно, уже поздно.

Екатерина Ивановна вдруг оборвала свою речь, словно спохватившись, что сказала лишнее, и снова напомнила:

— Алешенька, расскажи, как это случилось? Как?..

Алексей Николаевич незаметно для сына моргнул:

— Ты не торопи меня.— И обратился к Андрею:— Я страшно голоден. Дай нам поесть...

— На кухне есть говядина и чай. Я сейчас принесу сюда,— сказал Андрей и вышел из кабинета. Он догадался, что отцу нужно поговорить с гостями наедине.

Алексей Николаевич пристально посмотрел в глаза Екатерине Ивановне и увидел, что они светятся кроткой, непоколебимой добротой, напоминавшей о той, давней Кате, которая считалась его невестой.

Много событий прошло с полузабытой поры их молодости. В чем-то, наверное, изменился он. В чем-то — Катя. Но, встречаясь с ней, он давно уже не видел в ее глазах того доброго света, что когда-то притягивал его к ней, волновал... И, честно говоря, он считал, что в Катиных глазах никогда не вспыхнет теплота — ему навстречу. Но вот сейчас он вдруг зажегся, свет их молодости. Как же могла она, Екатерина Ивановна Корнедуб, пронести его сквозь годы? Как сохранила его? Сейчас, когда его душа оледенела от горя, она согревает ее этим добрым светом.

Алексей Николаевич почувствовал, что должен поведать Екатерине Ивановне о своем горе. Он начал печальное свое повествование, но тут же был прерван неожиданным появлением в кабинете Андрея с пожилым нескладным человеком в милицейской форме и планшетом в руке.

— Это, папа, к тебе,— сказал сын, показывая на посетителя.

Милиционер поднес руку к козырьку, представился старшим лейтенантом, инспектором ГАИ Лабудой. Он сказал, что пришел по делу погибшей в автомобильной катастрофе гражданки Бережной Александры Андреевны.

Алексей Николаевич молча показал ему на стул. Лабуда вынул из планшета бумаги и выразительно покосился на Екатерину Ивановну. Та, было, хотела выйти, но Бережной попросил ее присутствовать при беседе, хотя бы на правах родственницы. от которой нет никаких секретов.

Лабуда важно кивнул в знак согласия.

— Я знаю, хорошо знаю вашу семью — моя дочь Танечка часто бывает у вас дома,— улыбаясь, произнес Лабуда.— Они дружат с вашим Андриком. Да и вы, наверное, ее знаете, такая рыженькая, аккуратненькая. Она же вам костюм чистила. Вспомнили?

«Уже всем твоя Танечка растрезвонила, как она меня нашла под лопухом. А ведь обещала никому не рассказывать», — подумал, краснея от досады, Алексей Николаевич и решил разговаривать с Лабудой только официально:

— Так что у вас?

Улыбка исчезла с лица следователя.

— Я хочу сообщить, что свою разбитую машину вы можете уже взять. Она не нужна следствию и находится во дворе районного отделения.

— И мне теперь не нужна эта машина, — сказал Бережной. Мысль, что он будет ездить на машине, на которой погибла Шура, показалась ему ужасной.

— Напрасно вы от нее отказываетесь. Ее ремонт обойдется недорого. Я осмотрел ее хорошо. Машина есть машина... Не вам — так детям пригодится.

— Папа, не вздумай отдавать авто! Мне оно нужно. Емельян Захарович к тому же обещал помочь в ремонте. Верно, Емельян Захарович? — спросил Андрик Лабуду.

Бережного удивила такая нечуткость сына. И откуда Андрей знает имя-отчество следователя? И каких детей, которым может пригодиться машина, имеет в виду этот Лабуда? Не свою ли Таню прочит в жены его сыну distinguished Емельян Захарович?

Но Алексею Николаевичу страх как не хотелось вникать в эти скучные обывательские планы и расчеты.

— Неужели тебе не совестно будет пользоваться машиной, где умерла твоя мама? — спросил он Андрея.

— Мне нужна машина! Понимаешь, машина, — твердил тот. Но, заметив, как гневно сверкнули глаза отца, он нашел более удачную формулировку: — Ты не сердись, отец, но автомобиль дорог мне именно памятью матери.

«Боже мой, я произвел на свет не только бездушного эгоиста, но и находчивого демагога», — подумал Бережной.

— Ну чего ты хочешь от него? — вступилась за парня Екатерина Ивановна. — Андрик прав. Зачем терять машину, если ее можно привести в порядок? Не горячись, Алеша, — она умиротворяюще взяла его за руку.

Лабуда ее слова принял как окончательное решение.

— Я помогу вам с ремонтом, — торжественно произнес он и, оседлав конопатый нос очками, взял в руки бумагу, лежащую на столе. — Позвольте ознакомить вас с протоколом следствия, — он закашлялся и стал монотонным голосом читать.

«8 июня сего года гражданка Бережная Александра Андреевна, ведя машину марки «Жигули» № 35—79... тяжело груженный трехтонный МАЗ № 32—81 ударил в борт «Жигули» № 35—79. В результате столкновения гражданка Бережная А. А., как установила медицинская экспертиза, была убита...»

Подчеркнутое равнодушие в голосе, по мнению Лабуды, должно было характеризовать начальственную объективность.

В протоколе вся вина за аварию приписывалась погибшей. Полностью реабилитировался шофер МАЗа, сделавший, мол, все, чтобы предотвратить трагическую катастрофу. А колхозник артели «Дружба» Трофим Власович Марченко, допустивший появление на трассе своего теленка, вызвавшего аварию, привлекался к судебной уголовной ответственности за ремонт МАЗа в пользу хозяина машины — районной базы «Заготскот».

Протокол объяснял и другие подробности трагедии. Сухие строчки — «Смерть была мгновенной от сильного сотрясения» — заслоняли слушателям все остальное, казавшееся мелким и жалким. А там, где упрекали погибшую, возлагая на нее главную вину в аварии, это воспринималось как надругательство, кощунство над памятью дорогого для всех присутствующих человека.

— Александра Андреевна не заслужила такого бессердечного к ней отношения. Как вам не стыдно! — прервала Емельяна Захаровича Екатерина Ивановна. На ее больших черных глазах блестели слезы.

— Глаза мамы забили мелкие осколки от разбитого ветрового стекла. Я сам видел, когда их у нее вынимали... А вы... вы ее как преступницу здесь расписываете. Никакой человеческой жалости не имеете! И не надо вашего ремонта. И машины этой!.. И Таньку вашу знать не хочу! — закричал Андрей. И, закрыв лицо руками, вдруг глухо зарыдал.

Инспектор равнодушно взглянул на юношу.

— Я никак не ожидал от вас такого. Все подтверждено фактами. Надо каждому воздать по справедливости. Алексей Николаевич, удалите посторонних. Они эмоционально воспринимают и мешают. А я должен ознакомить вас дальше с протоколом, — обратился Лабуда к Бережному.

У того лицо стало серым.

— Вы уже ознакомились... Собирайте ваши бумажки и уходите немедленно!

— Я протестую! Я — при исполнении служебных обязанностей,— ответил Лабуда. Он стал лихорадочно собирать листки протокола.— Вы же должны будете подписать протокол! Поймите, я хотел, как лучше, а вы...

— Оскорбили самое святое для меня. Безжалостно разбредили рану. Уходите! Чтобы вашей ноги тут никогда не было!— Бережной распахнул дверь кабинета.

Он еле сдерживался, чтобы более энергично не выпроводить Емельяна Захаровича. А тот, хотя и был обижен и порядком испуган, но старался придать выдворению своей персоны форму некой благопристойности. Поэтому он умышленно медлил, собирая свои бумаги. Долго засовывал их в планшет, сопровождая все это длиннейшими тирадами. А затем, расхрабрившись, решил припугнуть Бережного.

— Я буду жаловаться в райком на вашу грубость. Так и знайте — буду жаловаться, чтобы привлечь вас к партийной ответственности,— он не успел закончить, так как Бережной вдруг поднялся со стула и двинулся к нему.

— Вон!— И, не удержав его за плечи Екатерина Ивановна, инспектору бы не поздоровилось. Но Лабуда не стал искушать судьбу. Схватив планшет с бумагами, он со всех ног бросился из кабинета.

Его бегство сразу остудило гнев Бережного. Когда дворовая калитка захлопнулась, Алексей Николаевич печально посмотрел на сына.

— Ох, нехорошо я поступил. Глупо вспылел. И все из-за тебя, вернее, из-за твоего желания сохранить эту негодную машину. Ох и устроил ты мне...— он взялся за сердце.

— Но я же не хотел, отец! Прости...

— Хорошо, конечно, что одумался. Да только главное никогда нельзя забывать.

— Я, пожалуй, тоже причастная к этой ошибке Андрея,— сказала Екатерина Ивановна.— Ведь и я советовала сохранить машину. Прости меня, Алеша. Пусть мне это будет наукой впредь никогда не соваться в чужие дела,— она повернулась к выходу.

Алексей Николаевич преградил ей дорогу:

— Катя, извини меня. Я сегодня говорю и делаю не то, что надо. Не обижайся и пойми: ты единственный сейчас человек, с которым я могу посоветоваться по самому важному вопросу.

Екатерина Ивановна остановилась:

— Что с тобой? Какой вопрос?

— Очень важный, повторяю, очень важный. Только прошу тебя — поговорим завтра. Я за ночь постараюсь все хорошо обдумать. Слышишь, Катя, я сегодня сам не свой! Только ты не уезжай. А завтра поговорим, — он дотронулся до ее руки. — Ты не уедешь, не поговорив со мной?

Она молча кивнула и вышла из комнаты.

Г л а в а 3. ГОЛУБЫЕ ЦВЕТЫ

У Бережного от дней партизанской юности осталась повышенная чуткость ко всякому ночному шуму. Хотя он крепко заснул, но его слух уловил неясные звуки далекой грозы. Он сразу пришел в себя. И потом долго и терпеливо прислушивался к едва различимым отголоскам небесной канонады, которая нарастала, стремительно приближаясь. Затем, когда ее голос стал уже совсем ясным, Алексей Николаевич поднялся с постели и тихо, чтобы не потревожить спящих в доме, не включая света, вышел на продуваемое ветром крыльцо.

Отсюда обозревался почти весь полукруг ночного неба. Он ахнул, увидев, что с западной стороны на поселок, словно стремясь его утопить, накатываются черные низкие облака. Вспышки молний красными прожилками пронизывали громадные угольно-черные волны. И они, скользя с грохотом по небу, захлестывали его тьмой, гасили звезды. В несколько минут тяжелые тучи нависли над поселком. И Бережного с головы до ног сильно и щедро окатили плотные струи ливня. Рубаха вмиг промокла, будто он с крыльца сорвался в холодную стремительную реку.

Он отпрянул назад в комнату, захлопнул дверь, запер на засов, стал стягивать прилипшую к телу мокрую одежду.

Но когда ему удалось добраться в темноте до постели, то он, к своему удивлению, услышал, что ливень стал затихать так же неожиданно, как и начался.

Видимо, грозовая энергия, сосредоточенная в передней части черных облаков, уже пронеслась над поселком. Затяжные раскаты грома быстро удалялись. Становилось все тише и тише, пока шум и грохот не перешли во вкрадчивый, чуть слышный шепоток дождя.

Продрогший, он лег в постель, укрылся одеялом, но заснуть уже не мог. Шум дождя нагнал на него горькие мысли. Он постарался заснуть. Даже натянул на голову одеяло, стараясь успокоить нервы. Но тихий, едва слышный лепет

капель проникал сквозь плотную ткань одеяла, заползал в мозг, вызывал в сознании картины одну безотраднее другой. Ему виделся то омываемый дождем холмик, под которым в мокрой земле сейчас лежит его жена. То перед глазами возникал в ночной темноте ее облик. Вспомнилось ее лицо, ее голос. Он мысленно разговаривал с ней. Делился всем, что его волновало. Говорил то, что не успел сказать, когда она была живой, когда была рядом с ним.

И только перед самым рассветом, измучившись вконец, он впал в беспокойный, короткий сон. Но лишь первые лучи ранней зорьки проникли в комнату, как какая-то сила сорвала его с постели.

Освежив голову водой, Бережной тихо, чтобы не разбудить спящих Екатерину Ивановну и Андрея, вышел из дома во двор, примыкавший к опытному полю.

Посыпанная раскрошенным известняковым камнем дорожка привела его к полоскам желтовато-зеленой пшеницы. Увязая по самые щиколотки в размытом черноземе, он пошел вдоль грядок, придирчиво осматривая ниву. Он искал следы ночного ливня. Но крепкие, невысокие стебли озимой не склонились, не полегли. Они стойко выдержали разбойничий натиск стихии и теперь, ровные и стройные, щетинились частыми и крупными колосьями, поблескивая застрявшими в них капельками отшумевшего дождя.

Огромный массив озимых, по которому через несколько дней, ворча моторами, зашагает жатва, сейчас до самого синего горизонта светился миллионами вспышек от лучей поднимающегося янтарного солнца.

Эта картина вызвала у Алексея Николаевича чувство могучей радости, которая сметает на своем пути любое горе, любую беду. Она заполнила сейчас все его существо. Ведь это море богатырской пшеницы было его детищем. Вернее, созданием его и Александры Андреевны.

И сейчас он отчетливо чувствовал, что его Шура вот где-то рядом. Что она живет с ним в этом чудесном пшеничном поле. Что их жизни как бы слились воедино с этими крепкими, выносливыми колосьями, которые каждое лето будут высоко подниматься на широких земных просторах. Они станут памятником Шуриной восторженной душе.

Чувства жизнеутверждения преодолевали в его сердце сейчас и грусть и боль.

Знакомый голос вдруг раздался за его спиной и оборвал думы Алексея Николаевича. Он обернулся и увидел невы-

сокого старика. Он на ходу важно поглаживал ладонью седую козлиную бородку.

— Я так и знал, Алеша, что спозаранку увижу тебя здесь. Ну, как это может быть, чтобы ты зорьку проспал и первым не глянул после такого урагана на пшеницу? Верно? — задыхаясь от быстрой ходьбы, выкрикивал старичок и вместо приветствия крепко пожал руку Бережному.

— Да и вы, Илларион Макарович, не удержались, чтобы не прийти сюда чем пораньше, — ответил тот. — Вы из такого же теста.

— Верно, из такого. Да только ты меня опередил. Что делать, Алеша, старость — не радость. Приопаздывать стал...

— Какая там старость! Бросьте на себя наговаривать. Вы такой же, как двадцать лет назад. Недаром про вас говорят колхозники: «Илларион Макарович у нас по-прежнему бойкий».

Бережной сделал паузу.

— Что замаялся, договаривай. Я сам знаю, как меня колхозники кличут: «бойкий козлик», — он поперхнулся резким смешком.

— Вот видите, все же бойкий. А это со старостью никак не вяжется. Недаром вас люди из года в год председателем переизбирают.

— Хватит, Алеша, — махнул ладонью председатель. — Главное, все же твоя пшеничка ураган выдержала.

— Я же говорил, что она на полегание стойкость проявит, — сказал Алексей Николаевич.

— Ну мало ли что ты там соображал! — возразил его собеседник. — Иногда ты говорил одно, а получалось не так. Что, не помнишь?

— Ладно, — Бережной знал привычку своего собеседника затевать жаркий разговор по любому поводу. — Вот вы лучше скажите, не знаете ли кое-какую особенность этой озими? — Алексей Николаевич указал рукой на южный квадрат поля.

— Что ты, за новичка меня считаешь? Думаешь, что отличить шила от мыла не могу? — покраснел председатель. — Вон словно другого сорта всходы. Так?

— Да. Только сорт один. На том квадрате у пшеницы колос крупный и стебель плотнее. Видите, как прямит колос пшеницы в оси. Это улучшение в сорт внесла Александра Андреевна.

— Пусть земля ей пухом будет, Алеша,— Илларион Макарович несколько раз провел ладонью по своей бороде.— Эту пшеничку, коль она себя оправдает, надо назвать ее именем.

— Жена уже назвала этот сорт «девятый вал».

Илларион Макарович с недоумением посмотрел на Бережного.

— Гм... Ты уж прости за правду, но не нравится мне это — «вал». К чему тут оно?

— А вот картина есть у Айвазовского, где он изобразил громадную волну на море. Таковую, что разбивает и топит корабли. Ее моряки зовут «девятый вал». Шура любила море и эту картину. Кроме того, она страстно пропагандировала метод, по которому получены наши озимые. Вот лучшую из них она и решила так назвать.

— Все это верно... Но я все же эту пшеничку буду отныне и во веки веков звать «Шура». И только «Шура».

У Алексея Николаевича глаза стали красными.

Илларион Макарович заметил состояние Бережного и крепко сдвинул ему руку в локте.

— Теперь придется, Олекса, работать за двоих. Вот так,— сказал он непривычно тихо.

Бережной в ответ промолчал. Так стояли они, насупившись, глядя некоторое время в разные стороны.

«С чего бы он так задумался? Что я такое ему сказал? — задавал себе мысленно вопрос Головченко, поглядывая искоса на озабоченное лицо собеседника.— Ну, с чего бы?» И, многозначительно несколько раз кашлянув, стал внимательно и важно поглаживать свою козлиную бородку.

— А помните, Илларион Макарович, то далекое время, комсомольский воскресник, когда впервые мы начали распахивать это опытное поле? С каким энтузиазмом тогда взялась за дело молодежь нашего колхоза!

— Как же не помнить? Душой работы была твоя Шура... Она!

— Это верно, что душой. Но и других не надо забывать. Особенно Семена Демьяновича Ильчука. Если поразмыслить — это он всех нас будоражил. Механизацию в колхозе налаживал, запруды соорудил, всех своей неутомимостью вдохновлял. Вот кто, жизни не жалея, боролся за новое село! И погиб геройски. Все думаю о нем, когда иду по ниве этой. А другие? Разве без Мити Шевченко удался бы тот воскресник? — Бережной копнул носком

ботинка влажную землю. — Помните — вот с этого места Митя начал вспашку поля.

— Да, Митя в этом деле проявил себя молодцом. Спортсменом. Именно его спортивный огонек сыграл не последнюю роль.

— Да, это был неплохой спортсмен!..

— А вы, Илларион Макарович! Ведь тоже поддержали нас. Значит, ваша доля тоже есть тут. Хорошее мы с вами дело сделали. — И Бережной вдруг тяжело вздохнул.

— Раз хорошее, то не грусти. Все мы смертны. Точка. — Головченко положил ему руку на плечо.

— Я вот, — Бережной грустно усмехнулся, — решил уехать. — И увидел недоумение в глазах председателя: — Отправиться в город. Время подоспело в институте, в лабораториях работой заняться. Понимаете, Макарыч?..

Наверное, если бы с ясного неба внезапно повалил хлопьями снег, то Головченко не был бы так ошеломлен. Он медленно краснел, машинально глядя рукой бородку.

— Решил, значит, все это бросить? — спросил он хриловатым шепотом.

— Зачем же? Есть люди, которые здесь будут вести хозяйство не хуже меня.

— Кто?

— Да хотя бы и вы, Илларион Макарович.

— Я? Да что я в этом кумекаю? Я разве ученый?

— Больше чем ученый.

— И ты на меня, на старика, кроме колхоза, еще и опытное хозяйство взваливаешь? На того, кто одной ногой уж в могиле стоит. Эх, Олекса, Олекса! Стыда у тебя нет, — вдруг повысил голос председатель. — Ты ведь с ума свихнулся! Ты ведь прирос здесь сердцем. Кровью прикипел. Как же ты уедешь, поменяешь поля эти на свои лаборатории? Капитулянт этакий! Ты ведь на земле этой ученым стал.

— Успокойтесь, Макарыч. Я долго об этом размышлял. Еще с Шурой советовался. Никто меня из города в свое время не гнал. Сам понимал — надо. Теперь вижу ясно — надо обратно.

Но Головченко пришел в такое раздражение, когда с ним спорить было бесполезно. Он продолжал трясти бородкой и выкрикивать обидные слова. Бережной повернулся и пошел по меже к дому.

На столе уже стояла еда, кружка дымящегося кофе.

«Я действительно кровью прикипел к этим местам,— думал Алексей Николаевич.— Но почему «козлик» назвал меня капитулянтом? Если мне приходится покидать Колосовку, то ведь это лишь для того, чтобы опять же — быть полезнее родным полям».

Занятый этими мыслями, он рассеянно поздоровался с Екатериной Ивановной и Андриком. Сел к столу. Помнил, что хотел кушать. Но только взял вилку в руку, и почувствовал, что аппетит пропал.

Двое смотрели на него.

— Ты плохо себя чувствуешь, папа? — спросил сын.

— Отлично.— усмехнулся Алексей Николаевич. В том-то и дело, что даже слишком отлично.

— Наверное, не понравился завтрак. Я не так приготовила? — спросила Екатерина Ивановна.

— Нет, все отлично.

— В чем же дело, Алексей?

— Не идет, как говорится, кусок в горло.

— Причина? — дотронулась до его руки гостья.

— Одну фразу Головченко выпалил, но прямо по-снайперски в цель попал. Говорит, я прикипел к этим родным местам. Кровью — понимаешь?

— Ну и что тебя тут взволновало?

— А то, дорогие мои, что придется вот с кровью отрывать себя от дорогих мест. Мне надо уезжать отсюда.

В его словах звучала грустная, но спокойная уверенность. И была его тихая речь для собеседников громче громовых раскатов.

Втроем отправились на старом газике-вездеходе к Ильчуковой запруде. Так по фамилии Семена Демьяновича называли теперь ставок. плотину да и всю плодородную долину бывшей речной поймы. Дорога пролежала по коридору из узорчатой листвы молодых кленов. В просветах живой изгороди мелькали поля желто-зеленой, поспевшей к уборке пшеницы. Проплывали невысокие холмы, разлинованные виноградниками. Возле домика, где разместился стан бригады механизаторов, путешественники увидели круглолицего паренька в яркой ковбойке. Юноша улыбнулся. Ветер шевелил его русую шевелюру. В руках он держал соломенное сомбреро и махал им, требуя остановки вездехода. В другой руке он держал букет васильков.

— Ну чего, Сергей, размахался? — спросил Бережной, остановив вездеход.

— Меня не подвезете?

— Мы возвращаться будем на поселок.

— Подходит. Разрешите?

— Но мы на запруде проведем не менее двух часов, прежде чем поедem обратно, — предупредил Алексей Николаевич.

— Идет.

— Садись.

Юноша вскочил в машину, и вездеход тронулся. А Бережной обратился к Екатерине Ивановне:

— Познакомься. Сей юноша — из нашего братства агрономов. Студент четвертого курса сельскохозяйственного института Сергей Колобков. Понимаешь, тот самый малец Сергейка. Я рассказывал тебе...

И Екатерине Ивановне припомнилось давно забытое, не раз слышанное о том, как погиб Семен Ильчук, спасая ребенка... Неужели этот круглолицый жизнерадостный юноша тот самый мальчик?

— Да, он самый, — подтвердил Алексей Николаевич.

А в это время вездеход выехал на вершину холма, откуда прямое асфальтовое шоссе спускалось к воде. Берега ставка окружала зеленая борода кустарника, а в блестящем, как отполированный никель, зеркале отражался кусок голубого неба с плывущими облаками.

Екатерина Ивановна смотрела на водную гладь и думала о разыгравшейся здесь когда-то беде. Нет, не только трагедии, а о подвиге человека, создавшего это озеро и пожертвовавшего собой...

Вездеход подъехал к самой кромке воды. Все вышли из машины и первым — Сергей Колобков. Он быстро добежал до середины плотины, остановился и, взмахнув рукой, сжимающей букет, далеко бросил в воду голубые цветы.

— Зачем ты это сделал? — спросил Сергея Андрик, когда тот вернулся к машине.

— Всегда, когда бываю здесь... — Парень вдруг охрип и закашлялся.

Остановив машину, Бережной повел Екатерину Ивановну к зеленому ковру поймы, разбитую на ровные квадраты огородов, без усталости рассказывая ей о Семене Ильчуке.

— Скажи на милость, зачем ты сюда поехал и меня с ребятами повез? — спросила Екатерина Ивановна.

— Проститься с родной округой да и тебе ее показать.

А женщина никак не могла себе представить, что он способен на такое. Разве не ради этих полей покинул Алексей перспективную работу в городе и даже ее, свою любимую Катю? Уехал сюда, в степную глухомань... Разве ему, далеко не молодому человеку, будет под силу перебраться в город, чтобы все начинать сначала — начать штурмовать науку в лабораториях? Нет, все его разговоры на эту тему, даже утренняя ссора с Головченко показались ей несерьезными. Екатерина Ивановна знала, что человек тяжело переживает утрату жены. «Может, пошумит, потом успокоится? Здесь у него и усадьба, и даже небольшая лаборатория есть. Правда, нет в ней электронного оборудования. Так можно на время приезжать туда, где оно имеется. Пустяки!.. И, кроме того, слишком уж Алеша немолод, чтобы скакать туда-сюда», — думала она. И опять вдруг охватила внутренняя дрожь. Она почувствовала себя не спокойной, уравновешенной, почти пятидесятилетней Екатериной Корнедуб, а прежней Катей, которой хотелось, как тогда, образумить своего мечтателя, ввести его в русло выверенной, как хронометр, научной стези.

Она почувствовала, что надо говорить напрямик.

— Неужели ты бросишь эти просторы, — она показала рукой на уходящие за горизонт поля, — поменять все это на кропотливую работу, а может быть, хуже — на неудачные поиски в лаборатории?

— А если надо? И трижды надо! Чтобы не топтаться на месте...

— Учти, тебе придется иметь дело с Песковым. Он сейчас руководит лабораторными работами. Тебе надо будет с ним встречаться каждый день.

— И что же? Бегать мне от таких... субъектов?

И Екатерине Ивановне он вдруг напомнил того молодого фронтовика, что с бесшабашной напористостью тогда, четверть века назад, ринулся штурмовать науку. И не только шел первым, но, не считаясь с правилами, дерзко не соглашался с институтскими «богами». Занимался боксом. Вопреки советам вел свои поиски.

Екатерина Ивановна решила пустить в дело самый весомый козырь.

— А подумал ли, на кого ты сможешь оставить дело, которому столько отдано сил твоих и Шуры? Без тебя опытная станция зачахнет. У тебя же нет преемников, нет...

Алексей Николаевич рассмеялся.

— Милая Катя я давно ожидал, когда спросишь об этом. Все эти дни думал и убедился, что их, этих преемников, у меня предостаточно. Во-первых, мой сын...

— Андрик? Но ему нет и двадцати лет! Он только собирается поступать в институт. И, вообще, он не выбрал еще себе дело.

— Это тебе только кажется. Он с детства вырос на станции и знает хозяйство не хуже меня. Я ведь как начинал? Мне было почти столько же лет, как и ему. К тому же он скоро женится на одной девушке... Она местная. Немного болтлива, чуть-чуть глупа, но, надеюсь, поумнеет и будет ему помощницей.

— Как твоя Шура?

— Может быть...

— Но ведь Шура твоя — агроном, специалист.

— Когда я с ней познакомился, она работала в Доме культуры и была очень далека от всякой агрономии. А затем стала замечательным специалистом. Окончила институт и так далее. Почему этой девушке не пойти по такому же пути? И у меня есть, кроме того, преемники еще гораздо лучше. Например, Головченко. Настоящий профессор в земледелии.

— Но твой профессор без образования.

— Он знает больше десяти агрономов с дипломами, уверяю тебя.

— А ты не находишь, что твой Головченко, ну как тебе сказать, предельно стар? И твое «выдвижение» просто подорвет его последние силы.

— Ну что ж, назову еще одну замену. Сережа Колобков.

— Помилуй, он все же юнец без опыта.

— И хорошо, что молодой! Тухачевский в таком возрасте уже командовал фронтом и бил лысых царских генералов. Академик Глушко стал в этом возрасте профессором. Эварист Голуа в двадцать один год создал труд, который более чем на столетие опередил движение в математике.

— Давай поговорим конкретнее. Может быть, тебя Сергей Колобков покорила только сегодня?

— Он работник знающий, скромный, честный, а главное, любит свое дело. А то, что он принес цветы на запруду, свидетельствует и о его красивой душе. В таких людей я верю.

Глава 4. СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

В Колосовке решение Бережного истолковывали по-разному.

— Зазнался, сучий сын, ученый! — решил Головченко.— Что с ним, Олексой, стало, не пойму.— А предложение Бережного принять по совместительству директорство над селекционно-опытной станцией он принял как издевательство.— Я ж, можно сказать, темнота тьмой! Это он для насмешки меня рекомендует?..

— Тягостно ему сейчас оставаться тут после смерти твоей мамы,—объясняла Екатерина Ивановна Андрику, который стал было осуждать отца.— Ему надо переменить обстановку.

Эти слова убедили Андрея. И не только его, но даже тех, кто считал, что выезд полезного, нужного человека из Колосовки принесет немалый вред хозяйству.

О том, что план Бережного продиктован необходимостью, и только этим, не вызывал никакого сомнения и показался вполне убедительным только секретарю райкома партии, преемнику Шеварутину. Прочитав письмо, присланное вышестоящей инстанцией с просьбой отпустить доктора биологических наук Бережного на научно-исследовательскую работу, он, как бы поздравляя, крепко пожал руку агронома и сказал:

— Жалко, Алексей Николаевич, расставаться с вами. По-человечески жалко. Но, видимо, надо. Скажите, чем могу посодействовать?

— Согласиться с заменой, которую я по себе оставляю.— И он поведал секретарю о молодом агрономе Сергее Колобкове.

Тот некоторое время думал.

— Что ж, я — за.

Это «за» радостным эхом отдалось в сознании. И Алексей Николаевич не мог не поделиться радостью с Екатериной Ивановной, когда возвратился из райкома.

— Вот так, дочь Корнедуба! Секретарь понял меня лучше, чем ты. Сразу. Так и должны решаться дела.

— Хорошо, позволь тогда задать тебе вопрос. Почему ты решил переходить на работу в институт только после смерти Шуры?

— Видишь ли, сложно объяснить подобное в двух словах. Я почти решил это еще при ее жизни...

— Видишь ли, ты говоришь «почти». И она, конечно, не соглашалась с тобой?— спросила Екатерина Ивановна.

— Не соглашалась.

— Так я, кажется, права в чем-то? — женщина с торжеством взглянула на него. Затем взяла его за руку.— Прости, что я вынудила тебя снова погрузиться в прошлое. И все же... я выскажусь до конца. Спорь — не спорь, но если бы она была жива, вряд ли ты решился бы на то, чтобы покинуть Колосовку. Так ведь?

У Бережного учащенно забилося сердце. Конечно, Катя права. Любовь и уважение его к покойной жене были безграничны. Если бы она была жива, наверное, ее желание остаться здесь победило бы. И все разговоры, которые он вел, ничего не значили бы.

А Катя — он хорошо знал — при всей своей молчаливой деликатности не терпела неправды. Подумала, не вытерпела и дала, по-женски, свою оценку всем его объяснениям и мыслям. Довольно удачную оценку. Перед самим собой он признавал, что немного вводил в заблуждение окружающих, самого себя. Но она нашла в себе мужество и все же сказала горькую правду. Как ни чудовищно думать об этом, но именно создавшиеся обстоятельства подталкивают его к качественно новым научным экспериментам... Сам перед собой он никогда не сознался бы в этом.

* * *

— Я приготовил тебе небольшой сюрприз,— он увлек Екатерину Ивановну по узенькой рыхлой меже, разделяющей делянки озими на сорта, в глубь поля. Они прошли шагов тридцать и остановились перед рослыми колосьями высокой, как рожь, озимой.

— Какая красавица! — восхитилась женщина.

— Не узнала? А ведь она носит твою фамилию,— сказал Бережной.

— Неужели «корнедубка»? — воскликнула Екатерина Ивановна.— Но когда же я ее видела? Много лет назад... Тогда ты прислал образцы в институт. Она, кажется, выглядела совсем иначе.

— Верно. Но это улучшенный сорт. Я ее про себя зову «корнедубка-рекордсменка». Правда, она достойна фамилии твоего батька?

— Тебе виднее... Ты лучше его помнишь. Ладно уж... — с досадой махнула рукой Екатерина Ивановна. — Не умеешь ты делать комплименты. Не получают они у тебя. Лучше скажи, как ты от такой красоты уедешь? Ведь здесь душа твоя останется, Алеша. Здесь вокруг — настоящая красота!

— Да. Но мне хочется и в электронном микроскопе разглядеть эту красоту. Увидеть удивительные нити ДНК, в которых сосредоточены сведения о наследственных свойствах любого организма. Это — настоящее волшебство природы. Миллионы признаков, особенностей растения или животного, от самого простого до самого сложного, человека, — все это сосредоточено здесь, в невидимом для невооруженного глаза кусочке живой материи. Сколько здесь неисчерпаемо интересного! И нужно заглянуть в этот микромир. Для того, чтобы овладеть технологией его изменения. Чтобы человек стал творцом живой материи.

— Я много раз в лаборатории разглядывала подобные тайны. И увы, Алеша, до овладения ими еще очень далеко, — сказала Екатерина Ивановна. — Твои мечты, дорогой мой, пока за чертой реальных перспектив.

— Почему? Скоро у нас появятся еще более зоркие микроскопы и приборы. Ведь недавно скептики вообще отрицали существование генов. А я верил и верю. Помнишь, как-то много лет назад я сказал тебе это слово: верю.

Она молча кивнула головой. И не потому, что у нее не было возражений. Она была взволнована, потому что перед ее глазами вдруг возникли тоненькие, подмороженные стебельки озимой на опытном поле института.

«Он тогда шел своей тропой», — подумала Екатерина Ивановна.

* * *

Они снова пришли на опытное поле. Екатерина Ивановна заметила знакомую табличку. Строго-престрого поджала сухие от жаркого летнего ветра губы. Поправила пряди прически. Долго, внимательно разглядывала, прищурясь, блестящими глазами колосья «корнедубки» и, наконец, сказала хриловато-спокойно:

— Наверное, эта озимь будет для твоих поисков подходящим исходным материалом... Очень подходящим, —

повторила и после паузы произнесла с явной иронией: — Ты, кажется, милый, заразил меня своим романтическим вирусом. Боюсь, что на старости лет стану мечтательницей.

Алексей Николаевич в ее голосе уловил незнакомую нотку.

А гостье, по всему видно, стало по-настоящему легко и хорошо. Она отчетливо почувствовала, что сейчас, когда она, наконец, освободилась от обиды на Алексея Николаевича, ей не захотелось уезжать из Колосовки. Жаль было покидать похудевшего, постаревшего, как от тяжелой болезни, Бережного, оставлять затаившийся в тихой грусти огромный дом-усадьбу, где он жил. Дом, где по просторным комнатам медленными тенями бродили хозяин и его сын.

Вся атмосфера этого дома, казалось, пропитана печалью. Немногие посетители его как-то сразу прониклись ею. Даже рыженькая хохотушка Таня, каждый день проводывающая Андрика, здесь становилась молчаливой, задумчивой, старалась не нарушать минорный тон, царящий в усадьбе.

И все же за печалью обитателей дома таилась какая-то мужественная деловитость, бодрость, и ею заряжались все, кто встречался с ними.

Люди, перенесшие жестокую болезнь и выздоравливающие... Вот на них-то и были похожи Бережные, старший и младший, рассказывающие постоянно о своих замыслах и планах. Алексей Николаевич — о подготовке к лабораторным исследованиям, о семенных фондах озимых и яровых пшениц, о семенах, которые он хотел испытать на фитотроне. Он готовил огромные справочные данные по зерновым юга Украины и повествовал о них с увлечением, как будто это были не биографии растительного мира, а приключенческие новеллы из жизни странствующих рыцарей. Андрей, слушая отца, задавал ему массу вопросов, вносил записи в свою картотеку по агротехнике. Он как медалист-отличник получил право учиться на заочном отделении агрономического факультета и деятельно готовился к этому. Андрик и не мыслил покидать любимую Колосовку. Он хотел здесь жить, соединить заочную учебу с практической работой полевода на селекционной станции, которую создал когда-то отец.

— Папа, я буду никуда не годный лоботряс, если не помогу тебе, — заявил однажды Андрик.

— Но я не советую тебе скрупулезно следовать по отцовым стопам.

— Как раз мне твоя биография подходит.

— Ну и зря. В твои годы я занимался довольно своеобразным делом.

— Догадываюсь — воевал. Так это мне тоже нравится.

— Это совсем не так, как в кино. Учти. Лучше не воевать, а бороться за мир. Но я занимался еще и другим — боксом.

— Великолепно! И с успехом?

— Стал мастером спорта и шокировал этим институтских профессоров. Ты помнишь? — обратился он к Екатерине Ивановне.

— Еще бы! Тебя один деятель за это пытался даже вычеркнуть из кандидатов в аспирантуру. «Ну какой может быть из боксера аспирант?»

— Вот видишь, что может случиться, — сказал назидательно Алексей Николаевич.

— То, папа, было тогда. Теперь в учебных заведениях иначе смотрят на это. Если бы я был мастером спорта, да еще боксером, меня в институте буквально носили бы на руках. И не только допустили бы в аспирантуру, но сделали бы и кандидатом...

— Не преувеличивай.

— Папа, а ты меня потренируй немного.

— Тренироваться, если хочешь чего-то добиться, надо много или лучше совсем не браться...

— Буду много! Хоть сейчас.

— Сейчас не время, — Бережной показал на обвитый черным крепом портрет Александры Андреевны.

— Прости, отец...

С Таней Андрик говорил покровительственно, а девушка смотрела на него влюбленными глазами. Она старалась уловить его мысли по выражению лица. Ее привлекали гуманитарные науки, она собиралась сдавать вступительные экзамены на исторический факультет университета. Узнав, что жена Бережного, проработав директором районного Дома культуры, стала агрономом, селекционером и генетиком, верным помощником своего ученого мужа, Таня немедленно изменила свои замыслы и планы. Она тотчас подала заявление в сельскохозяйственный институт.

— Буду агрономом, и тогда, Андрик, мы с тобой продолжим дело наших отцов, как поется в песне, — подели-

лась она с младшим Бережным.— Ты должен мне помочь с подготовкой к экзаменам...

— Сама готовься.

— Как бы не так! — завопила Таня.— Это не по товарищески,— из ее бесцветных глаз брызнули искры. Она обиженно захлопала рыженькими ресницами.

Андрик не выдержал атаки и согласился готовить ее к экзаменам.

— Я всегда знала, что ты хороший,— сказала Таня и тут обратилась к присутствующим при разговоре Екатерине Ивановне и Алексею Николаевичу.— Надо и вас подключить, товарищи!

Те переглянулись.

Но сердиться на Таню всерьез было нельзя. Ее бесцеремонность шла от наивной откровенности, а за ее настойчивостью чувствовалась молодая энергия.

— Знаешь, Таня, подключать нас к твоим экзаменам не надо. Разве ты сама не справишься? — улыбнулся Бережной.— Ты же такая понятливая. Верно?

У девушки на лице золотистые веснушки порозовели от удовольствия...

На следующий день Екатерину Ивановну телеграммой вызвали в институт на работу. Задумчивая, грустная, она покидала Колосовку, ощущая в себе какую-то непонятную ей самой бодрость. Словно испила здесь воды из волшебного источника.

«Печаль моя светла», — припомнились ей строки стихотворения великого поэта.

Глава 5. ЗАВЕДУЮЩИЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ

В штате лаборатории института генетики и селекции среди полдесятка старших научных сотрудников появилась новая единица — доктор биологических наук Бережной. С заведующим лабораторией Валерием Борисовичем Песковым его появление руководство института не согласовало, а поставило перед свершившимся фактом. Узнав о таком назначении из приказа, Песков обиделся:

— Мне замену подсовываете, Федор Петрович? — спросил он директора института академика Крыленко.

— Вы стали излишне мнительным, Валерий Борисович. Вам на смену надо подыскивать кадры помоложе. А Бережной почти ваш ровесник.

— Вы нарушаете постановление. Ведь каждый научный сотрудник обязан пройти конкурс, быть аттестован...

— Видите, здесь особый случай. Алексей Николаевич представил нам план научно-исследовательских поисков. Очень интересных и перспективных. Мы знаем вашу позицию на сей счет. А конкурс он пройдет. И будет аттестован. Это осуществится в самое ближайшее время.

— Все ясно как божий день,— развел руками Песков.— Но подумали ли вы, что так называемые перспективные поиски Бережного могут помешать выполнению исследовательских планов нашего института? Планов, утвержденных высшими инстанциями.

— Подумали, Это никак не отразится на их выполнении,— заверил его академик.

— Ну, вам виднее. Я должен был предупредить, а там... Я лишь завидую Бережному. Прямо все, что ни придет ему в голову — сразу объявляется перспективным.

— Но он отлично осуществляет свои замыслы, не правда ли?

— Даже — когда стоит на неверных научных позициях? — съязвил Песков.

— Например?

— Пожалуйста. Я двадцать лет назад утверждал и утверждаю, что селекционный отбор, так называемый направленный метод воспитания растений не может повлиять на устойчивость генов. Отсюда неизбежное расщепление созданных подобным методом новых сортов. Пусть Бережной и его сторонники добились некоторых достижений. Но они не учитывают, что сейчас наука, раскрыв тайну молекулы ДНК — тайны генов, уже располагает возможностями в какой-то степени управлять наследственностью, перейти к генетической инженерии.

Песков увлекся, и Крыленко счел необходимым слегка охладить его пыл. Он сделал это тактично, чтобы не обидеть собеседника.

— Валерий Борисович, все это мне известно. Тем более, что о новой эре генетической инженерии мне много раз с увлечением рассказывал, представьте себе, ваш коллега Бережной.

— Ну, слава богу, он, наконец, понял то, что я ему втолковывал двадцать лет назад.

— Вот и хорошо. Значит, союз селекции и генетики состоялся? — пошутил Крыленко.

— Но чем он у нас в лаборатории будет заниматься?

— А вы его сами спросите.

— И спрошу,— бросил Валерий Борисович.

На самом деле весь его пыл, как и все его выпады в адрес Бережного, были несерьезны.

...В тридцатых годах в студенческих и рабочих аудиториях было в моде словечко «буза». Бузотерами называли охотников вести спор ради спора. Любителей поскандалить, в сущности, по пустяковому поводу или даже без всякого повода. И в свое время студент Песков любил побузотерить. Он был на первом курсе института мастером бузы. Эта черта делала его популярным среди товарищей. Это развлекало, таких по-своему любили. Когда Валерий стал старшекурсником, он остепенился. Роль бузотера была уже как-то не к лицу. Он стал примерным студентом, любимцем преподавателей, возлагавшим надежды вырастить из него талантливого специалиста. От бывшего задиристого парня у него осталось лишь умение острить, безобидно, так, чтобы рассмешить анекдотцем или веселой новеллкой студенческую компанию, а порой и кого-нибудь из преподавателей.

Когда же Песков повзрослел, стал научным сотрудником, получил кандидатское, а затем и докторское звание, он стал позволять себе спорить с коллегами, как бы повторять былые привычки. И снова стал бузить. Чтобы прослыть принципиальным. Чтобы говорили про него с опаской: «Этому палец в рот не клади, еще откусит». На собраниях и заседаниях коллеги избегали Пескова критиковать. Боялись. Не трогали.

Его авторитет в институте был что называется прочным. Валерий Борисович считался работником добросовестным. Из одного самолюбия, чтобы «не тыкали его носом» за промахи и ошибки, он во всю старался их не допускать. Но, несмотря на осмотренность, педантичную аккуратность, он на третьем десятке лет своей деятельности в науке стал замечать, что другие, хотя они, как он считал, не очень-то умнее и талантливее его, почему-то все же пользуются большим уважением, чем он.

Взять хотя бы этого самого Бережного. Он, Песков, находил всегда в его научной деятельности много просчетов. Но при всех ошибках сельский агроном создал ряд урожайных сортов озимых пшениц. Их высевают теперь на огромных площадях. Они принесли большую пользу оте-

чественному сельскому хозяйству. Имя испытателя и созданных им озимых хорошо знают труженики полей. И проносят его с благодарностью.

И вот, при всей научной непогрешимости, хотя он написал не один десяток статей, его, Пескова, имя знают лишь в очень узком кругу теоретиков, да и только.

Ведь он тоже пытался внести свой вклад в практику сельского хозяйства. И создал новые образцы зерновых, но почему-то, черт побери! — из этого ничего не вышло.

Правда, он никогда в своих экспериментах не рисковал. В первую очередь — своей карьерой.

Никогда он, как этот грубоватый, не в меру настойчивый Бережной, не вступал в споры с маститыми академиками, не отвергал открыто их рекомендации. Он, Песков, знал себе цену — не якшался с малограмотными землепашцами. Не выпрашивал у них советов, не искал так называемую народную мудрость. Считал это заносчивостью некоторых «демократов» от науки. И не потому, что был высокого мнения о себе, или потому, что чужд простому народу. Он тоже вышел, как и Бережной, из семьи честных тружеников. Отец его — портной. Так почему Алексею много удавалось и удастся? При всех его пробелах в научной подготовке? А его, эрудита, преследуют неудачи? Неужели все дело в так называемых контактах с живой жизнью? Или в том упорстве, в том неистовом желании добиться поставленной цели?

Почему, в конце концов, несмотря на прямолинейность характера, негибкость, Бережного любят? Даже те, с кем он вступает постоянно в конфликты.

Даже его бывшая жена Катя, которую он, Песков, с таким трудом отбил у него. Все же Катя продолжала любить Алексея. И почему она ушла от него, Валерия Борисовича? От него — умного, чуткого, нежного?..

И почему Катя Корнедуб, которой он никогда не сделал ничего плохого, полна ненависти к нему и, что хуже всего — презрения?

Они много лет работают в одной лаборатории, встречаются по службе каждый день. Он старается во всем идти ей навстречу, а она даже не здоровается. Недавно ему пришлось вызвать ее на работу из самовольного отпуска, который она сама себе устроила, уехав к Бережному в связи с гибелью его жены. Какое она, скажите пожалуйста, имеет отношение к жене Бережного? Совершенно непонят-

но! Но она плакала, была взволнована, словно умерла ее родственница, сестра... Патология какая-то!..

Он вызвал ее телеграммой, оформив официально приказом, задним числом, ее самовольный отпуск. Она же, воротясь на работу, вместо благодарности за эту любезность исподлобья посмотрела на него и проворчала:

— Я могла бы обойтись без твоей заботы.

...Валерий Борисович после разрыва с Катей был еще раз женат. И снова неудачно. А ведь он заботился о своих подругах, окружал их комфортом, вниманием. А они, черт бы их побрал, уходили.

И почему у него нет друзей? Преданных, как опять же у этого Бережного!

И опять Валерий Борисович поймал себя на том, что, как только он начинал думать о себе, анализировать неудачи, он невольно вспоминал этого Бережного, который всегда, где он, Песков, терпел фиаско, добивался успеха.

И вот они опять должны встретиться. Теперь давний знакомый приходит, даже не спрашивая его разрешения, в лабораторию. Туда, где уже много лет он, Валерий Борисович, является руководителем. Можно с полным правом сказать, что он, именно он, четко здесь организовал работу. И вот тебе на — человек, который вызывает у него активную антипатию, не спросив его желания, вызвался работать рядом с ним. Это же черт знает что такое!

Но подать официальный протест Валерий Борисович не решался. Он слишком дорожил своим местом, чтобы рисковать. Да и зачем? Прежней ненависти к Бережному он не чувствовал. Тот давно превратился в его глазах в некий эталон удачи и успеха. Сильную зависть, которую он некогда к нему испытывал, сейчас сменило чувство любопытства.

Сам он с очень скромным научным багажом приходил к концу своего многолетнего трудового поприща. Если, конечно, смотреть на это реально, не обращая внимания на многочисленные заметки, которые он опубликовал в разных газетах, журналах и брошюрах. Валерий Борисович разбирался хорошо в таких делах. Он-то знал действительную цену так называемых «научных трудов». Он обладал трезвым умом и не обольщался в действительных достоинствах своего научного творчества...

И вот ему хотелось приглядеться поближе к труду Бережного. В чем тут дело?

Песков не собирался бороться с Алексеем Николаевичем Борьба, кажется, давно завершилась не в его пользу.

...Когда он возвращался в свою одинокую, уютную, хорошо обставленную квартиру, то подолгу просиживал перед зеркалом, рассматривая свое лицо. Зеркало беспощадно отображало облик седого, обрюзгшего человека. Большой изборозженный морщинами лоб, мясистый клюв носа. Глаза, некогда большие, выпуклые, со смешливой искоркой, теперь были холодными. А в глубине их затаилось что-то болезненное, тревожное.

Это беспокойное выражение очень не нравилось прежде всего ему самому. Он даже пытался придать глазам, позируя перед зеркалом, смешливый блеск и путем тренировок закрепить его, этот блеск, во взоре. Но почему-то это уже не получалось. Глаза не подчинялись его воле. Упрямо блестели из-под седых бровей, пряча глубоко на темном своем дне тоскливую тревогу.

— А о чем мне грустить? Что это за напасть такая? — задавал он себе вопрос и не мог на него ответить.

...Дети у Валерия Борисовича могли быть, но он считал, что для человека, посвятившего себя науке, они просто помеха, излишняя роскошь. Жены убегали от него, видимо, потому, заключил он, что были ниже его по интеллектуальному уровню. Все, кроме Кати. Встречаясь с ними, он отворачивался. Родители его уже ушли из жизни. Так давно, что он и не помнил, где на кладбище находятся их могилы. А с дальней родней он принципиально не поддерживал никакой связи.

В отношении службы в институте вроде все обстояло благополучно. К нему за долгие годы работы в лаборатории просто привыкли. Он был обеспечен солидным окладом. Таким, что мог ежемесячно откладывать деньги на сберегательную книжку. А в будущем его ожидала хорошая пенсия.

На здоровье не приходилось жаловаться. Он не курил и не пил спиртного. После очередного медицинского осмотра врач даже сказал ему, что он еще долго проживет.

Так почему же в его глазах этот тоскливый блеск? В чем дело?

Думая о своем душевном состоянии, Валерий Борисович заключил, что он сам недоволен собой. И очень недоволен. Ведь не так давно старшие коллеги считали его та-

лантливый, умный, эрудированный. Говорили, что он далеко пойдет в науке. А вот он совсем никуда не пошел. Новые сорта пшениц, которые он попытался создать, не получились. Заглохли теоретические исследования по генетике... Надо было как-то встряхнуться — он ведь не использовал своих способностей в исследовательских поисках. Жаль, если он ничего не сделает полезного в жизни и окончит ее пустоцветом.

На последнем партийном собрании его упрекнули в эгоизме, душевной сухости, которая, как говорится, гроб для любой творческой личности. Говорили, что он изолировал себя искусственным одиночеством. Запирается в квартире от всего мира, не ходит в театр, в кино.

Он тогда вспылал и сказал, что не позволит никому совать нос в свою личную жизнь. Напомнил присутствующим, что он ученый. Он дома много читает, возможно — больше тех, кто его критикует. А театр ему заменил великолепный цветной телевизор.

Его слова не встретили сочувствия. Когда он сказал, что общается с современниками по цветному телевизору, по залу пробежал смешок. Смеялись деликатно, видимо, жалея пожилого человека.

Придя домой, запершись в квартире, Песков болезненно продумывал каждую реплику, произнесенную в его адрес на собрании. Он опять придирчиво вглядывался в черты своего постаревшего лица. Вот здесь, в этих морщинах и складочках, возле пухлых безвольных губ, и таится, наверное, это проклятое себялюбие. Он рассмеялся, но решил коренным образом изменить свою жизнь. Отныне он станет общаться с людьми. Перестанет видеть в каждом коллеге конкурента и интригана. Он не будет выступать против Бережного, когда тот появится в лаборатории. Поможет кое в чем ему, если понадобится. И может быть, хотя это почти невозможно, они подружатся. Он имеет большой опыт работы с электронной аппаратурой, это может пригодиться тому чудаку... Он, Валерий Борисович, попробует стать другим... Даже заведет собаку, хотя он не терпит этих твякающих тварей, и будет ее каждый вечер водить на прогулки.

Глава 6. АКСИОМА

Июньская предутренняя рань началась с рождения на восточной стороне неба размахистых ярко-желтых полос. Они появлялись на серовато-лиловом мглистом небосклоне почти внезапно. Они возникали как могучие мазки ярко-янтарной краски от кисти очень торопливого, но вдохновенного маляра. Сам этот гигантский маляр — солнце — все еще не появлялся. Он находился где-то внизу, за сокрытой клочками черно-сизого тумана чертой степного горизонта.

Хотя время колебалось между ночью и рассветом, Бережной уже вышел в поле. Он не мог проспать зоревых часов. Его притягивала к себе тысячью незримых нитей земля, умытая еще не высохшей росой. Здесь в напряженном ожидании жнецов-комбайнеров покачивались от дуновения тихого смиренного ветерка созревшие хлебные колосья.

И каждому человеку, вышедшему в поле, казалось, что разлившийся по степи пшеничный цвет отражается своим золотом, как в зеркале, в блестящей голубизне предутреннего неба.

Сегодня вместе с Бережным неожиданно вышел в поле и его сын. Андрик не любил рано просыпаться. Как-то Алексей Николаевич попробовал поднять его на заре, но не смог. Андрик захныкал, и на этом все закончилось. Сын остался нежиться в постели. А сегодня только услышал, что отец собирается в поле, поднялся на ноги, торопливо одеваясь на ходу, не в силах преодолеть сонной одури.

Только когда они вышли со двора, Андрик сумел стряхнуть остаток сна. Он перестал сутулиться, выпрямился, протер глаза и изумленно оглядел округу, словно впервые увидел ее — эту пшеничную степь, уходящую волнами в синюю туманную даль.

— Здорово как, отец! Красота какая!

— А разве раньше ты ее не видел?

— Раньше? Не замечал, — признался Андрик. — Понимаешь, папа, я начинаю по-иному многое видеть.

По тропинке, проложенной вдоль межи, они подошли к месту, откуда начиналось опытное поле. Здесь стояла крытая беседка, где лежали косы, серпы и сапки.

— Хорошо, сынок, начинать уборку с первой рассветной зорьки. Таков был обычай у наших предков.

Алексей Николаевич сбросил пиджак, по локти засучил рукава, поплевал на ладони и взялся за древко косы.

— Нашу сортовую пшеницу надо вручную косить или жать серпом, чтобы каждый колосок был на виду. Понял, Андрик? На виду. Начнем первый загон отсюда, от самой беседки.

И он сноровисто, от плеча взмахнул косой. Острая отточенная сталь со свистом срезала первую охапку пшеницы.

Андрик неловко пошел за отцом, стараясь повторять его приемы.

— Ты не резани мне ногу и не порань самого себя,— наставлял тот.— Не торопись. Будь осторожен, коса остра, как бритва.

Скоро они выкосили первый глубокий проем пшеницы и пошли на второй. Хотя по полю пробегал прохладный рассветный ветерок, рубашки на спине у обоих косарей стали мокрыми от пота. Работали отец с сыном на совесть. В это время на поле появилась в белой панаме Таня.

Она тоже было вооружилась косой, но Алексей Николаевич посоветовал ей взять в руки серп.

— Помнишь, Таня, строчки Некрасова, как женщины жнут рожь серпами? Обрати внимание: не косами, а серпами. Косами убирают хлеб мужчины. А женщинам это не положено. Такова старая крестьянская традиция.

— Не будьте консерватором, Алексей Николаевич! Сейчас женщины имеют равные права с мужчинами. Я смогу — не хуже.

Она взяла косу и всем видом показала, что не хочет ее менять на серп.

— Ты, оказывается, упорная,— улыбнулся старший Бережной.

— Не умничай, возьми это,— Андрик протянул ей серп. Но Таня не выпускала из рук древко.

— Александра Андреевна всегда работала только серпом. Для нашей селекционной жатвы он куда лучше. С ним и одного колоска не потеряешь,— сказал Алексей Николаевич.

Видимо, его слова показались Тане убедительными, и она взялась за серп.

В этот миг над степным горизонтом стал подыматься красный шар солнца. Словно приветствуя его подъем, раздался гул мотора. К полю подошла машина с механизато-

рами, а за ней — тяжелый самоходный комбайн. Приехали к опытному полю на новеньких ярко-вишневого цвета мотоциклах председатель колхоза Головченко и агроном — в любимом мексиканском сомбреро — Сергей Колобков.

Комбайн сразу начал загон по колхозному полю, а на опытное, где жатва шла вручную, ступили Головченко и Колобков.

— С урожаем вас! — весело приветствовали они косарей и жницу.

Илларион Макарович снял шлем и очки.

— Учишь молодежь. И побег помаленько готовишь из наших краев, — с ехидством подмигнул он Бережному.

— А их учить не надо. Они сами нас, стариков, чему хочешь, научат. Посмотри, Макарович, как мой сын обогнал меня в работе.

И было на что глядеть. Андрик, высокий как жердь, тонкий и хрупкий на вид, неожиданно оказался сноровистым косарем. В его длинных цепких руках коса, словно острая сабля, под самый корень срезала стебли. Только свист шел, когда она рассекала воздух и ложила рядами пшеницу.

Младший Бережной не только обогнал отца, но и намного ушел вперед.

— Видите, как оно выходит, — кивнул Алексей Николаевич на парня. — А вы все не доверяете молодым, товарищ председатель.

Илларион Макарович нахмурил седые брови.

— Не то ты говоришь, Алексей Николаевич. Косить — это не все. Это можно еще им доверить. Даже нужно. А вот мозгами ворочать — дело посложнее. Тут они, молодые, еще не того. Зеленые, как завязь яблочная весной.

— Ошибаетесь, уважаемый Илларион Макарович! Мы уже не только завязь яблочная. Мы уже — яблоки. Давно созрели. Даже уже начинаем перезревать, — раздался за спиной Головченко грудной девичий голос.

Председатель оглянулся и увидел рыженькую, похожую на подростка девушку с серпом в руках.

Он узнал в ней Таню, дочь инспектора ГАИ. Узнал потому, что не раз приходилось ему видеть и слышать на смотрах колхозной самодеятельности эту девушку. Она всегда выразительно читала стихи, да так здорово, что порой слезу вышибала у слушателей...

— А ты чего в разговор старших встречаешь без разрешения, рыжуха? — строгим басом спросил Головченко.

Но девушка не струсил.

— Мне обидно, что нас недооценивают.

— Кого это «нас»?

— Молодежь.

— Кто здесь молодежь? Отвечай конкретно,— в том же тоне продолжал спрашивать председатель.

— Ну Андрик, например, и я...

— Не густо, улыбнулся Головченко.— Совсем не густо. На проверку молодежи-то и нет. Молодежь — это нечто большее! Это не один и не полтора, и даже не два молодых человека. Это множество молодых людей! Таких, что работают, а не под крылом родительским байдыки бьют. Или хотя бы учатся, а не краснобайствуют. А ты? Что ты из себя представляешь? На папины средства живешь. Разве ты — молодежь? Ну, а кавалер?— Головченко скосил смеющиеся глаза в сторону Андрика и незаметно подмигнул Бережному — мол, пусть послушает критику сынок, на пользу пойдет.— А твой кавалер тоже еще только готовится. Ишь как размахался косой. Раз в год помашет, так и думает, наверное, что здорово потрудился, заслужил уже отдых в санатории. Вези меня, папа, прямо в Ялту, на Крымский берег! Так, что ли?

— Вы ничего о нас не знаете, председатель. Я уже работаю. Официально зачислена на станцию полеводом!

— Вот затараторила,— оборвал ее Головченко.— Правда глаза колет, да? Если так, кончаем говорить. И точка.

Он был уже не рад, что втянулся в разговор с этой, по его мнению, чересчур бойкой девицей, и хотел, не теряя своего престижа, достойно закончить беседу.

Но от Тани не так уж просто отделаться.

— Вы, товарищ председатель, не знаете, что я решила поступать не куда-нибудь, а в сельскохозяйственный институт. Вот как! Вместе с Андреем Бережным. Мы агрономами станем. Так что вы напрасно ставите на этом деле точку. Не выйдет здесь точки. Жить, работать и учиться мы будем здесь и никуда не уедем. И вам от нас просто не удастся отделаться, дорогой вы наш Илларион Макарович. Поэтому доверять нам уже надо. Во всем!

Весь монолог Таня выпалила одним духом. Он произвел впечатление на присутствующих. Алексей Николаевич воспринял новости с удовольствием. Сергей Колобков впервые столкнулся с Таниным красноречием и выразился кратко:

— Молодец, дивчина! Далеко пойдет.

Лишь Андрик продолжал, как заведенный, косить озимую. Только изредка посматривал в Танину сторону. Но делал это не часто, и создавалось впечатление, что его совершенно девушка не интересует, как и, впрочем, другие.

А Головченко несколько мгновений выразительно молчал. Затем он, смешно, словно в каком-то испуге, обеими руками схватился за свою клинообразную сивую бороденку и ну дергать ее из стороны в сторону, да так, будто бы вырвать хотел.

— Боже мой,— произнес он, наконец,— что только не дается на свете! — Он лукаво прищурился, посмотрел на Таню, порозовевшее лицо которой оттенили веснушки, сделали ее похожей на солнечную девушку-весну. Потомглянул на высокую и тонкую фигуру Андрика. И вдруг повернулся к старшему Бережному.

— Алексей Николаевич! Убедила меня эта девушка. Ты не мог, а вот она — запросто. Только в чем — не скажу. Когда-нибудь вспомнишь мои слова и поймешь. Даже не очень-то много времени пройдет, и поймешь. Я сейчас вижу то, что тебе и во сне никогда не снилось.

Алексей Николаевич хотел расспросить, на что намекал старый председатель, в чем смысл его загадочной речи. Но Головченко быстро подошел к своему вишневому мотоциклу, нахлобучил пластмассовый шлем, натянул очки, завел мотор и умчался, скрывшись в облаке дорожной пыли.

За долгие годы знакомства с Илларионом Макаровичем Бережной хорошо изучил его. Не раз убеждался в редкой наблюдательности, замечательном знании людей, в мудрой прозорливости старика. Головченко ничего не говорил зря...

Алексей Николаевич пытался расшифровать скрытый смысл его намеков, но понять туманную тираду Головченко было просто невозможно. Да и долго задумываться над ней у Бережного просто не хватило времени.

Первый день сбора урожая с опытного поля требовал от руководителя станции большого внимания и сосредоточенности. Малейшая неаккуратность могла свести на нет напряженную научно-исследовательскую работу за целый год. Тут необходим был хозяйский глаз да глаз, чтобы случайно не смешать зерна сортов собранных озимых.

Засучив рукава, Алексей Николаевич сам участвовал во всех работах по уборке урожая: косил, омолачивал, сушил, сортировал зерна, упаковывал, делал собственноруч-

но надписи на ящиках собранных семян. Он не гнушался никакой трудоемкой, казалось, чисто технической операции. И не потому, что не доверял своим молодым помощникам. Он знал — они добросовестные ребята, но еще не достаточно опытные. Могут допустить случайно оплошность. Он часто просил их проверить и собственную работу. Ошибаться случайно может каждый человек, и он не господь-бог.

Только поздно вечером закончили первый день уборки.

Упакованные по сортам зерна Алексей Николаевич поручил отвезти газиком на опытную станцию своим помощникам, а сам отправился домой пешком.

Вдыхая запахи золотящейся пшеничной пылью земли, он, усталый, но довольный, добрался до освещенного электрическим фонарем крытого тока колхоза «Дружба». Здесь среди прочих голосов он слышал ворчливый басок председателя.

* * *

Он повел беседу с ним об улучшенных сортах озимых, о том, как поднимется урожайность, если посеять собранные зерна осенью на колхозном поле. Это была тема, на которую Головченко готов был беседовать хоть всю ночь до утра.

Обсудив с председателем экономические выгоды от посевов улучшенных сортов пшеницы, втянув Головченко в беседу, Бережной сделал паузу и, взяв старика за руку, спросил, на что тот намекал во время дискуссии с Таней.

Илларион Макарович крикнул и попытался было уклониться от ответа. Но Алексей Николаевич не отставал.

— Что я должен понять? И о чем сейчас я не имею представления? Ответьте, пожалуйста.

Головченко долго молчал, но видя, что Бережной не на шутку встревожен и ожидает его объяснений, не выдержал:

— А ты, Алеша, и не догадываешься?

— По-чесному.

— Ну и чудной ты человек! Наблюдательный, выученный, в любой головоломке разбираешься, все эти мутации в клетках, все хромосомы знаешь. Электронным микроскопом собираешься вертеть. Каждую молекулу примешься гонять... А вот под самым своим носом такую молекулу, — Илларион Макарович снял свою кепку и поднес к лицу

Бережного,— вот такую молекулу увидеть не можешь. Это факт, как сказал бы покойный Ильчук.

— Не пойму, о чем вы?

— И сейчас еще не догадался?

— Нет.

— Так ты скоро с прибылью будешь.

— С чем? — недоумевал Бережной.

— С обыкновенной прибылью — с ребенком.

— Почему? От кого?

— Да твой Андрик, как ты зовешь его, и Танька преподнесут его скоро тебе. Понял?

— Ах, вот вы о чем,— рассмеялся Бережной.— Но тут вы просто ошибаетесь. У них дружеские отношения. Я в этом уверен. Они еще по сути — дети.

На этот раз расхохотался Илларион Макарович. От всей души.

— Насмешил ты меня, Алеша! Ей богу... Не они дети, а ты ребенок.

— Вы все же ошибаетесь. Мой сын совсем не балует Таню. Даже порой бывает резок с ней.

Головченко снова рассмеялся.

— Какой же ты слепой! Парень до сумасшествия влюблен в эту рыжуху. Неужели ты забыл свою молодость? Эх, ты... профессор.

— Ну ладно, я забыл, предположим. Но где доказательства, что мой сын испытывает, как вы утверждаете, какие-то чувства к этой девушке?

Тут Головченко дал полную волю своей едкой натуре.

— Пожалуйста. Я хорошо знаю твоего наследника. Его и палкой трудно было выгнать ранним утром в поле. Ты сам мне об этом, ругаясь, говорил. А теперь он на рассвете притащился работать в поле. Ты думаешь, ему так уж это приспичило. Просто, он знал, что придет туда эта рыжуха и хотел ей показать, что он уже настоящий мужчина, герой, а не какой-то ледащий сопляк. А разве ты не видел, как он вышагивал с косой. Что он только не выделял! Косил так, что тебя, здорового мужика, обогнал. Я видел, у него глаза от усталости на лоб лезли, а он косил и косил. Вся рубаха взмокла. С носа капли пота струились, землю орошали... А ты, отец, все видел и не понял.

— Кажется, точно... Ну, а как Таня?

— Таня влюблена в твоего пацана не меньше.

— А это откуда вы взяли?

— Если девушка готовилась в университет, на всех концертах наших стихи читала, первые премии отхватывала, а потом вдруг в сельскохозяйственный бросается поступать... Это так просто не делается. И в поле она тоже, думаешь, так себе на рассвете прискакала? Может, ее, как тебя, озимая сегодня интересует? Дудки! Как бы не так! Ты бы ее на веревке сюда не затащил. Твой Андрюк — ее интерес. Только наблюдай, как она глядит на него.

— Представьте, мне и на ум подобное не приходило.

— Где уж тебе, ученому, такое приметить.

— Я и есть ваш первый друг. И если бы не был другом, не сказал этого. Посоветуйте, как быть?

— Как быть? Ждите ребенка.

— Вы смеетесь! А я серьезно.

— Я тоже серьезно.

— Тогда зачем вы говорите о ребенке? Любовь и ранний брак могут помешать ребятам получить необходимое образование. Им нужно еще много и много учиться. Может быть, лучше как-то разделить их? А главное, повторяю, семейная жизнь мешает их учебе.

— Ну ты — сразу... В наше время любовь и семейная жизнь — совсем не помеха в учебе. Если люди по-настоящему хотят учиться, они своего добьются. Эта рыжуха, хотя совсем не красавица, будет отличной женой твоему парню. И не беда, что она порой слишком откровенна. Это в сто раз лучше, чем если бы она была скрытной, расчетливой девицей. Я уверен, что они будут счастливы. А как называется у вас, ученых, то, что не требует никакого доказательства?

— Аксиома...

— Вот тут и есть эта самая аксиома.

Илларион Макарович повторил это слово, как будто вслушиваясь в его звучание.

Он предложил подвезти Бережного на мотоцикле, но Алексей Николаевич так был взволнован услышанным, что ему захотелось побыть наедине со своими думами. Он отказался от предложения председателя и побрел ночной степью домой.

Скоро старший Бережной окончательно убедился, что между Андриком и Таней существует не только дружба, но и более сильное чувство.

Ему стало ясно и другое, что Головченко при всей своей прозорливости сильно ошибается, считая, что появившаяся тяга к труду — результат только увлеченности молодых людей друг другом.

— Любовь, брат, лишь любовь тянет их на рассвете в поле, желание быть рядом, — говорил Илларион Макарович.

Но Алексей Николаевич, находясь в поле с ребятами, видел, как с этой любовью рядом шагало проснувшееся в них чувство увлечения нелегкой работой. И трудились-то они добросовестно, с рассвета до вечерней зари.

«Горе сблизило меня с сыном, — думал также Бережной. — Было бы хорошо, если бы я смог передать ему частицу жизненного опыта. Только сейчас стало понятно, какое значение в воспитании молодого человека играет доверительная дружба с отцом. И надо дорожить этой дружбой».

Он понимал — не следует ему ни говорить, ни даже намекать Андрику и Тане, что он знает об их сокровенных чувствах. Его осведомленность может стать в какой-то степени болезненным вторжением в их дела, повлиять на естественный ход событий.

Он вспомнил, как тягостны и оскорбительны были взгляды и вздохи тетки Христины Григорьевны, когда она узнала, что он и ее племянница Катя полюбили друг друга.

Однажды Головченко грубовато, в присутствии многих механизаторов, со свойственной ему бесшабашностью спросил:

— Ну, Алеша, скоро ты своего Андрея обкрутишь на рыжухе? — Бережной не на шутку рассердился. Он сжал челюсти так, что зубы скрипнули, но, сдержавшись, отозвал председателя в сторону.

— Очень прошу вас, Илларион Макарович, не задавать вопросов, касающихся Андрика и Тани, — сказал он глухо. — И вообще не вмешиваться... Не сердитесь, но я прошу вас как друга.

— А что, уже и спросить нельзя? Я же по-свойски. К тому же как председатель имею право... — Головченко,

глянув на побелевшее лицо Бережного, понял, что задел бывшего агронома за живое. Он торопливо произнес: — Ладно, успокойся, Алеша. Больше никогда не скажу. Точка.

И он поспешно отошел от Бережного.

Гораздо более неприятное волнение, связанное с отцом Тани, пришлось перенести Бережному позже.

Емельян Захарович Лабуда пришел к нему поздно вечером, когда тот только вернулся с поля. Вместе с Андриком и Таней Алексей Николаевич сидел в столовой.

— У меня разговор к вам, — не здороваясь, сказал Лабуда.

— Пожалуйста, пройдемте в кабинет. Там нам никто не помешает, — предложил Бережной гостю.

— Кто? Они помешают? Их присутствие даже нужно, — хмуро скользнул по лицам присутствующих Лабуда.

— Тогда присаживайтесь.

— И рассиживаться у вас не буду.

— Папа, зачем ты пришел? Скандалить? — вскрикнула Таня.

— Молчи лучше. Из-за тебя, дорогая, из-за тебя, — скороговоркой запричитал ее отец. И, багровея, закричал: — Вы долго будете эксплуатировать мою дочь? Если вы не возвратите ее мне, я напишу куда следует.

— Пишите, — сказал хозяин, — но вы просто зря обижаете и дочь, и меня.

— А если она не отходит от вашего сына и вкалывает на вас...

— Она зачислена в штат станции и работает на государство.

— Станция-то ваша фальшивая! Она и ее продукция — ваше личное хозяйство. Куда вы девааете выращенное зерно? Думаете, я не понимаю? Почему ваш сын не хочет жениться на моей дочери?

— Не трогайте ее! — Андрик, до сих пор находившийся в каком-то оцепенении, подступился к Лабуде.

Наверное, инспектору ГАИ влетело бы, если бы Бережной не перехватил сына. Затем он обратился к Лабуде:

— Собственно, чего вы хотите? Не могу понять, чего вы добиваетесь?

— Вы эксплуатируете мою дочь, — повторил тот.

— Это вы уже говорили. Я вас спрашиваю второй раз: ради чего вы пришли сюда?

Лабуда, словно вопрос застал его врасплох, с каким-то удивлением посмотрел на Алексея Николаевича, потом перевел взгляд на молодых. И, как бы впервые увидев их, сел на стоящий рядом стул.

— Можно закурить?— спросил он и вынул из кармана портсигар.

— Вообще-то, в нашем доме не курят, но если табак может успокоить ваши нервы, то не стесняйтесь.

Емельян Захарович закурил. Сделал несколько затяжек, как бы обдумывая, с чего начать, и, наконец, решительно произнес:

— Я требую, чтобы вы вернули мою дочь!..

— Как же я могу ее вернуть, если я ее не брал? — пожал плечами Бережной.— Ваша дочь — вполне самостоятельный человек. Девушка совершеннолетняя, комсомолка. Она полевод станции, готовится к экзаменам в сельскохозяйственный институт. Она сама хозяйин своей судьбы.

Но Лабуда, казалось, не слушал, что говорил ему хозяин.

— Моя Танька хотела поступать в университет. Это вы тут сбили ее с пути. Она целые дни пропадает на полях. Я сейчас отвезу ее домой, и никогда ноги ее не будет здесь!

Произнеся это, он поднялся со стула, подошел к дочери, взял ее за руку.

— Пошли!

На его дороге встал Андрик.

— Минуту. Вы должны знать, что мы решили пожениться и всю жизнь быть вместе. А теперь отпустите руку Тани. Я сам провожу ее домой.

Лабуда отступил от девушки.

— Это дело другое,— он, словно ничего не произошло, сел на прежнее место.— Так ты делаешь мне официальное предложение?— спросил, приняв важный вид.

— Не вам, а вашей дочери. Я не собираюсь на вас жениться,— сострил парень.

Таня, у которой еще на глазах не высохли слезы, не выдержала и прыснула от смеха.

Емельян Захарович сердито покосился на нее.

— Ты над отцом не хохочи! Тут, дуреха, судьба твоя решается. Объяви мне громко: принимаешь его предложение?

— Он давно мне его сделал, больше года тому назад. И я его еще тогда приняла,— ответила, краснея, Таня.

— Меня не интересует, что ты тогда, в девятом классе, делала. Ты мне скажи официально: принимаешь или нет?

— Конечно,— тихо сказала дочь.

— Что — конечно? Говори официально: принимаю. Ну? — настаивал Лабуда.

— Принимаю,— почти шепотом произнесла Таня.

На ее глаза снова навернулись слезы.

— Вот теперь все, как надо, по порядку,— вздохнул облегченно Лабуда. Он вынул из кармана платок и вытер вспотевшую лысину.— А теперь я задам другой вопрос. Когда мы сыграем свадьбу? Свадьбу я хочу приличную. Пара тысяч у меня найдется. И если вы,— обратился он к Бережному,— столько же прибавите, то погуляем на славу. Не хуже, чем у других.

— Я против подобных торжеств. Они превращаются во что-то длинное и скучное,— сказал Андрик куда-то в сторону.

— Я тоже против. Папа, учти, мне надо к экзаменам готовиться. У нас просто времени нет. И я... я против пьянства,— сказала решительно Таня.

— Вот тебе на! — Лабуда сделал круглые глаза.— Свадьба бывает только раз в жизни. У порядочных людей, понятно. Если мы не сделаем ее, как полагается, это будет позор на весь район! Что люди скажут: один отец ученый, так сказать, другой — как никак тоже начальство — инспектор ГАИ. А вот зажали деньгу. Пожалели!

— Я просто не смогу дать эти тысячи,— сказал грустно Бережной.— Их у меня нет.

— Снимите с книжки в сберкассе,— не поверил Лабуда.

— Да нет их у меня на книжке. И самой этой книжки нет. А если деньги иногда приходят, я их сразу трачу.

— Фу — ты, ну — ты! Так займите.

— У меня нет богатых друзей. Да и, по правде, занять негде.

Лабуда стал размышлять. Наконец, нашелся:

— Я помогу вам машину реализовать. За нее тысячи четыре взять можно. Вот вы с сыном меня тогда поругали, из дому выгнали. Но я зла не помню. Приберег машину вашу, отремонтировал. Думаю, пригодится, быть того не может! А теперь помогу вам ее тихо и без помехи продать.

— Это исключено. Я не могу видеть машину, на которой погибла моя жена. Да и продавать ее... Поймите меня,— с трудом произнес Бережной.

И Емельян Захарович тут поверил. Он понял, что сильно ошибся, считая исследователя хитрым товарищем. Нет, это был и впрямь нелукавый человек. Зря только оскорблял его, называя его эксплуататором. Сразу решил исправить ошибку.

— Извините меня, что погорячился. И промашку насчет вас дал. Значит, с меня причитается. Готов поставить на мировую!

Лабуда стал тащить из кармана брюк тщательно завернутый в газету продолговатый предмет. Вскоре все увидели бутылку водки.

— Ну зачем ты, папа? — сконфузилась Таня.

— Не нужно,— поддержал ее Андрик.

— Мировую нельзя не поддержать,— сказал вдруг Бережной.— Несите стаканы и закуску.

Гость точно разлил водку на равные порции. Выпили. И, слегка захмелев, стали слушать запоздалую исповедь Лабуды. Он говорил не очень связно, но, кажется, искренне.

— Я солдат, может, чуть грубоватый, но порядок люблю. Я за порядок! И за Таньку (она-то без матери растет десять лет) готов любому... Не смотрите, что я ее порой ругаю. Я ее люблю. А ты помнишь, Андрик, когда мы из-за машины поссорились? Ведь ты крикнул: «И Таньку вашу знать не хочу!» У меня с того часа слова твои середину жгли. Вот и думаю, обманывают Таню, эксплуатируют. Вот за это я и навалился. А теперь — простите великодушно...

— Не стоит вспоминать,— Алексей Николаевич пожал ему руку.

Он был тронут прямою гостя.

— Вот только скажите, почему вы с таким недоверием относитесь к людям? Да и свою душу калечите.

— Это вы насчет того, что я станцию опытную вашим личным хозяйством назвал? Знаете, бывают тоже фальшивые хозяйства, где под вывеской государства разные комбинаторы делишки обделывают.

— Но ведь я... исследую больше. Как вы могли такое подумать?

— «Исследую», — ухмыльнулся Лабуда.— Наивный вы человек! Вот я целые дни по дорогам колешу, нарушителей

всяких вылавливаю. Конечно, в большинстве ваш брат ученый — люди хорошие. Но иногда на одного плохого наскочишь, и уж он целую сотню хороших затмевает. Верно я говорю?

— Да, бывают. Забыл о вашей своеобразной профессии, — Бережному не хотелось продолжать разговор об этом.

Словно угадав его мысли, Лабуда перешел на другую тему.

— А скажи, дочка, — обратился он к Тане, — чем тебе понравился вот этот дом? Что ты так сюда зачастила? Все тут да тут. Про отца забыла.

— Я скажу правду, только ты, папа, не обижайся. А может, не говорить?

— Да уж давай, режь правду. Коли я сам напросился.

— Вот скажи по совести, а что я хорошего видела у тебя? Часто ты пьяный был. Только сейчас как-то меньше принимать стал. И ругань, разные неприятности... А что, отец, ныне человек ценит и уважает? Не деньги, не богатство. Человек сейчас ищет ум, доброту, честность. А вот здесь, — Таня широко развела руками, — в этом доме я встретила чистоту. И... и доброту, и культуру. За это я и полюбила этот дом. И вот еще этого хлопца.

Она впервые под перекрестными родительскими взорами поцеловала Андрика.

* * *

Бережной часто думал теперь над словами председателя. Действительно, какой же он чуткий родитель, если больше года не подозревал, что Андрик всерьез сделал предложение соученице? Даже постороннему человеку, случайно увидевшему его сына и Таню, сразу стало ясно, что они любят друг друга. А ему, который часы проводил в их обществе, и мысль об этом не приходила в голову. Все считал Андрея невинным ребенком. Видел его мысленно в детском костюмчике и не подозревал, что тот давным-давно вырос из одежды, в которую он рядил его в своем воображении.

Но самое главное, что молодые люди не считали необходимым и намекнуть отцу о своих чувствах. И не только по вполне понятной стеснительности. Оказывается, они давно уже строили планы семейной жизни. Очевидно, он не за-

воевал их доверия. Вот ребята и не испытывали желания открыться ему.

Сколько раз они говорили о намерении учиться и работать вместе. А он даже не попытался понять причины такого желания. Считал, что детишки просто сдружились. К тому же Андрик всегда фыркал на Таню. Трудно было представить, что он способен влюбиться в такую нескладную девицу! А вот смотри как повернулось.

Бережной вздыхал, тер ладонью лоб, снова вздыхал. Ко всем его заботам прибавляются и эти хлопоты. Ничего не поделаешь: жизнь идет вперед.

А жизнь между тем развивалась так, что только успевай голову поворачивать.

На другой день неожиданно, после известного разговора, буквально на рассвете, когда оба Бережных собирались на полевые работы, совершилось непредвиденное. В дом вбежала с чемоданом и узлом взволнованная Таня. Лицо ее было в слезах.

— Все... Я больше не пойду домой. Я навсегда поссорилась с отцом.

И не успела она толком объяснить что-то, как во дворе грохнула щеколдой калитка, послышались тяжелые шаги. Распахнув дверь, в комнату влетел красный, запыхавшийся Емельян Захарович.

— Она оскорбила меня! — показал он желтым обкуренным пальцем на дочь. Лабуда, видимо, хотел прибавить нечто грубое, обидное, но вдруг обмяк, лицо его потускнело.

— Алексей Николаевич, вы бы подействовали на нее. Я сказал ей утром, что со свадьбой надо спешить. Все расходы беру на себя. Чтобы как у людей, значит. А она в ответ: «Постеснялся бы своими деньгами хвастаться. Откуда у тебя тысячи на свадьбу взялись? Сто двадцать в месяц получаешь, а тысячами готов бросаться. Видно, не зря про вас, инспекторов ГАИ, говорят всякое. Взяточник ты несчастный!» Так и ляпнула... Я еле сдержался! Вон, говорю, этакая! Тогда она за чемодан да за узел. Видно еще ночью вещи собирала. Помогите, товарищ Бережной. Я уже не могу.

— Кошмар какой! — перебила его Таня. — Как тебе не стыдно? Вот убегу куда глаза глядят, чтобы не видеть этого... Первым поездом уеду... Если любишь меня, Андрик, давай со мной!

Она поднялась со стула, схватилась за чемодан, за узел и решительно направилась к дверям. Андрик и Емельян Захарович бросились следом.

— Не надо паники! — прошептал Андрик, отнимая вещи.

Но Таня успокоилась лишь после того, как Алексей Николаевич резко спросил, почему она решила, что имеет право обижать отца. И куда ты хочешь вообще бежать?

— На стройку! В бескрайние просторы Сибири.

— Разве туда комсомольцы едут от того, что им надо от кого-то бежать? Как тебе не стыдно?

— Да, вот именно, — стыдно! Откуда у отца деньги? — на глаза Тани навернулись слезы. — Я не хочу, не хочу, чтобы в поселке говорили, что мой отец на деньги от взяток справил свадьбу. И так про него слухи ходят.

Емельян Захарович побледнел.

— Что ты мелешь, глупая? Что же вы, люди? Заставьте ее замолчать! Поймите, товарищи, эти деньги я уже давно, второй десяток лет собираю. Я их честно заработал, слышишь?

Наступило молчание.

— Давай разговаривать потише. Ты, Таня, должна попросить у отца прощения, — подошел к девушке Бережной.

Та вся сжалась под его взглядом.

— Вы не будете считать меня, ну, вздорной? Я никогда больше так...

— Ясно, перебил ее Андрик, как бы чувствуя, что Тане сейчас совсем не легко. — Все тебе концерты бы устраивать.

— Ну, так как? — спросил Алексей Николаевич.

— Извини меня, папа. Но прошу, чтобы никаких свадеб!..

— Как это никаких? — воскликнул Лабуда. — Как это так? Бери вещи и марш домой!

— Никуда я не пойду.

— А что скажут люди? Я многим объявил...

— Какое мне дело, что скажут. Верно, Андрик?

— Верно то, что через месяца два — вступительные экзамены.

— Вот как ты относишься к моей дочери! Нашел дуру, — Лабуда побагровел и схватил Танин чемодан.

Алексей Николаевич понял, что опять назревает ссора.

— Здесь никогда и никого не позорили, — спокойно сказал он Лабуде. — И впредь такого не случится. А чтобы

у вас, Емельян Захарович, не возникало на этот счет сомнение, то сегодня же наши дети оформят свои отношения. Хорошо? Официально, как вы иногда выражаетесь. Я не настаиваю, но вношу предложение. Пусть решают молодые.

— Я не против, чтобы официально...— пробормотал инспектор.— И понимаю, что вы без обмана. Но тогда давайте со свадьбой! Чтобы чин-чином. Я же расходы все беру на себя. Неудобно как-то... Пойдет брехня, что скупые мы и всякое такое. Все шоферы района будут мне намеки на этот счет делать.

Тане стало жалко отца:

— Да ладно тебе, папа, ныть... Пошел бы ты лучше домой да побрился.

...Вскоре Андрей и Таня вступили в брак. Вечером, под звездами, за столами, украшенными степными цветами, состоялся свадебный ужин.

Когда отзвучали первые поздравления, Таня попросила слова. В белом платье, в венце, сплетенном из васильков, она высоко подняла бокал с белым шипучим вином и произнесла:

— Я одного хочу — всегда идти честной дорогой по жизни. Так, как шли хозяйка и хозяин этого дома.

Глава 7. ЗНАЧИМОЕ ДЕЛО

Вода в Ильчуковом пруду темно-дымчатая. Словно растворился в ее холодной глубине туман.

Маленький белоголовый мальчик Сергейка любил на берегу ставка когда-то мастерить из бумажек кораблики. Глубина здесь смертельная для неумеющего плавать.

Но все же любил мальчик в ставке загадочность. От старших он слышал, как сам маленьким тонул и спасен был хорошим человеком, который, спасая его, погиб... Потом, когда подрос, узнал Сергейка историю о своем спасителе: как талантливо создал тот из глубокого, заросшего кустами оврага искусственное озеро. И не только это. Под его руководством сделана запруда, изменившая русло степной реки, что оросила степь. Рассказывали, как Ильчук осушил болотистую долину и превратил ее в плодородное поле. Потом Семен Демьянович запустил в пруд разных рыб, которые тут расплодились и живут вольготно.

Искусственное озеро и его создатель с малых лет прочно вошли в биографию Сергея.

— Он за тебя, хлопец, жизнь отдал. Вечно помни о нем, как о родном отце,— повторил Сергею председатель колхоза на школьном торжественном собрании, где вручались комсомольские билеты.

Прозвучало это с трибуны, и Сергей оценил значимость сказанного. К тому времени его уже одолевали размышления. А кем ему, в самом деле, приходится этот удивительный человек?

Своего отца, фамилию которого Сергей носил, он никогда не видел. Знал лишь, что Степан Колобков, шофер по профессии, расстался с матерью и уехал на какую-то большую стройку. Тогда Сергей только появился на свет. Отец сначала писал жене письма, где обещал прислать вызов в новый сибирский город. Потом письма от него перестали приходить. Мать целый год еще после последнего письма терпеливо ожидала от него известий. А затем на одной вечеринке, когда вся ее бригада собралась за столом, отмечая чей-то день рождения, Зина попросила слова. Подняла граненый стакан. И она, которую все в бригаде считали тихой женщиной, вдруг засмеялась и заявила, что отныне она холостячка. И будет гулять с кем и когда захочет. А затем, под смущенный смех собравшихся, выпила хмельной напиток. Кое-кто тогда запричитал: «Ох, собьется с пути баба! Загуляет, пропадет».

Но тревожились за нее напрасно. Просто Зина как бы объявила всем о конце неудачного замужества. Поставила точку, как говорил Головченко.

Разные доброжелатели, имеющие опыт в житейских конфликтах, советовали ей подать на скрывающегося мужа в суд, чтобы взыскать алименты.

— Найдут его, соколика. Даже на луне разыщут. Заплатит за все время, что отлынивал.

Слушая такие советы, Зина темнела лицом. Она говорила:

— Если нет совести у человека, то мне не нужно ни его самого, ни его денег. Пропади он с ними пропадом! Проживу с сыном и без них.

— Но деньги, что с него взыщут, не ваши, а сына,— возражали ей.

— Ему, как и мне, никаких денег от него не надо,— отвечала Зина.— Ему надо человеком стать.

Сергейка на радость матери учился хорошо. Только, вопреки запретам, бегал к водоему.

Может быть, ставок притягивал его к себе тем, что он постоянно слышал рассказы об Ильчуке. В дни годовщины гибели Ильчука Зина всегда вместе с сыном ходила на его могилу. Они белили ограду, сажали цветы. Тут они часто встречались с Бережными, которые обычно приглашали их к себе домой.

Когда Сергей подрост, Алексей Николаевич подробно рассказал ему об Ильчуке. Много доброго о нем узнал он и от других. Особенно запомнился ему приезд в бригаду, где работала мать первого секретаря райкома Шеварутина. Знакомясь с бытовыми условиями жизни механизаторов, секретарь заглянул в столовую, на кухню. С поварихой он был давно знаком. И теперь, увидев ее, поздоровался и спросил:

— А как сынок?

— Хорошо. Да вот он, в наличии,— улыбнулась Зина.

И перед Шеварутиным предстал рослый подросток с копной выгоревших на солнце волос.

— Ой, какой же ты белоголовый! А вырос — не узнать. Ну, говори, как тебе учится? И живется?

— Все хорошо,— сказал Сережа.

— В каком классе учишься?

— В седьмом.

— И как?

— Я же сказал — хорошо.

— Что же ты вместе с мамашей заладил: хорошо да хорошо! — рассмеялся Шеварутин.

— А если нет плохого, что ж, обманывать мне вас, что ли? — смутился Сережа.

— Ну, я рад, если так. Собственно, так и должно быть. И знаешь, почему?

— Догадываюсь.

— Вот этого не забывай. Ты — наследник всего, что сделал товарищ Ильчук. Помните,— обратился Шеварутин к Зинаиде Прокофьевне,— ваш сын — первый наследник Семена Демьяновича.

Мать с сыном после этих слов молча переглянулись. Хотя никакого наследства в буквальном значении этого слова у Ильчука не было, смысл сказанного секретарем райкома они хорошо поняли.

— Может быть, ты и на агронома выучишься? — сказала мать Сереже.— Ты, сынок, к Бережным поближе

будь. Они тебе помогут: люди хорошие, ученые. И ты учись.

— Я и так у них бываю. И в учебе не отстаю,— распрямил узенькие плечи сын.

— Сережа действительно часто забегал в дом Алексея Николаевича. Каждое посещение Бережных являлось для него интересным событием, оставляло в душе незабываемый след.

Хозяева, как бы ни были заняты, всегда рассказывали ему о новых книгах, об интересных событиях.

Особенно любил Сергей смотреть на фотографии. Одна из них так пришлась по душе, что он решился выпросить ее.

— Алексей Николаевич! Дайте, я ее перефотографирую.

Бережной внимательно посмотрел на мальчика.

— Значит, очень пригляделась?

— Да.

— У меня есть увеличенные копии,— и он вынул из шкафа пачку, где находились два больших фотопортрета Ильчука.

Семен Демьянович на них был изображен на фоне взметнувшейся вверх листвы яблони.

— Выбирай!

Сергей долго всматривался и, наконец, выбрал самый, по его мнению, удачный.

С тех пор портрет Ильчука поселился в комнате юного Колобкова. Много в своей короткой жизни он связывал теперь с образом человека, который, как ему теперь казалось, отцовскими глазами следил за ним со стены.

Окончив школу, юноша решил, что пора спросить у матери о настоящем отце.

— Скажи, мама, кто батя мой? Где он? — сдерживая выдох, тихо произнес он.

— Кто отец твой? А чем этот тебе не хорош? — Зинаида Прокофьевна показала рукой на фотографию Ильчука. И по тому, как мать быстро, без труда ответила, сын понял, что она давно ожидала этот вопрос и готовилась к нему.

— Но фамилия моя и отчество по документам другие.

— Мало что... Всякие бывают документы. Бумажку написать по-разному можно. Так уж получилось. Я с малых лет честным трудом живу. Все знают. По документам ты —

мой сын. Мать-одиночка я. Тебя воспитала. Так что на моей тебе фамилии быть.

— А отчество почему — Степанович?

— Что Степан, что Семен — похожие имена. Могли и перепутать, — тихо ответила мать. Затем добавила с раздражением: — Не расстраивай меня разговором этим!

Сергею стало жаль мать. Он понял, что она не может сказать всей правды. Не может, потому что жалеет его.

* * *

Узнав, с каким уважением чтит память Ильчука Сергей, Бережной невольно представил себе, как был бы удивлен Семен, если бы пробудился от своего вечного сна. Скажи при жизни ему про это, он не поверил бы.

Старания его породили целый ряд добрых дел, вдохновили многих людей. И его самого, Бережного, и его покойную жену Шуру. И вот этого мальчика, Сергеечу. Это под воздействием его незримого влияния вырос ныне талантливый агроном, который (Бережной не сомневался в этом) станет знающим свое дело организатором и ученым.

Размышляя об этом, Алексей Николаевич все более склонялся к одному: на пост директора станции, который он освободит, надо рекомендовать Колобкова.

Алексей Николаевич отложил все дела, сел за руль газика и помчался в город, в научно-исследовательский институт.

Хотелось повидаться с Екатериной Ивановной, посоветоваться. В том числе — насчет Сергея.

Появляться в лаборатории, где она работала, не хотелось. У него были еще не закончены дела в Колосовке: не сдал директорские полномочия. Чтобы избежать ненужных разговоров с будущими сослуживцами, он позвонил Екатерине Ивановне и встретился с ней во дворе института.

Узнав, кого он прочит на свое место, та покачала головой:

— Не знаю, не знаю... Чем он, собственно, проявил себя?..

Затем Бережной пошел к Крыленко.

— Вы это серьезно? — удивленно повел седыми бровями академик.

— Я обдумал всесторонне его кандидатуру.

— Но двадцать два года — куда это годится?

— Надо выдвигать молодежь! Ведь это ваш лозунг.
— Вы романтик.
— Это вы мне, Федор Петрович, говорили еще четверть века тому назад.

— Ладно. Какие у вас доводы за то, чтобы облачить директорской властью юношу?

— Он с пеленок знает особенности земель, климата в Колосовском районе. Знаком с нашими научно-исследовательскими планами. Новому человеку, пусть он будет самый расталантившийся и с научным званием, придется в лучшем случае поработать не менее года, чтобы войти в курс дела. И еще вопрос — войдет ли он вообще. А Колобков...

— Но у него нет опыта работы с людьми.

— И у меня его не было.

— Подождите, милейший, — прищурился академик. — В отличие от вашего, этого самого, ну, как его?.. Так вот, у вас был преотличный опыт: четыре года войны. Вы, кажется, вернулись из армии старшим лейтенантом?

Несколько мгновений Алексей Николаевич молчал, потупив взгляд.

— Но опыт работы с людьми в боевой обстановке, согласитесь, это нечто другое, чем сейчас, в мирное время, уважаемый Федор Петрович. У Колобкова есть такой опыт. Он уже работает агрономом в бригаде.

— Без году неделя? — рассмеялся Крыленко.

— Но если ему на первых порах будет не хватать этого самого опыта, я буду ему помогать. Я ведь не смогу, даже работая здесь, в институте, забыть о Колосовке. Ведь она не за горами. На газике ехать меньше трех часов.

Он хотел еще что-то сказать, но седоватый Крыленко жестом руки остановил его.

— Понимаю... Так бы и сказал. Я готов подписать приказ не только о назначении директором станции вундеркинда Колобкова, но даже уборщицы, если ты в самом деле будешь помогать, — сказал он, улыбаясь.

Глава 8. ЗВЕЗДЫ, МОРЕ, СТЕПЬ

Как известно, от намерения и до свершения бывает порой огромная дистанция. Хотя Екатерина Ивановна знала, что Бережной не бросает напрасно слов на ветер, ей хорошо была известна одна сторона его характера — мгновенная увлеченность. «Вот погорячится Алеша и остынет.

И оставит свою затею, не придет в наш институт», — думала она.

Ей не хотелось верить в это. Но и казалось несостоятельным его желание проводить свои опыты под одной крышей с Валерием Борисовичем, ее бывшим супругом. Странная взаимная терпимость между ею и Песковым будет, наверняка, нарушена. Ох и трудно станет встречаться ей с ними! Какое напряжение, чувство неестественности, неловкости будут они испытывать. Нет, надо во что бы то ни стало этого избежать... Уйти с работы — вот единственный выход.

Но, верная привычке не спешить с окончательными выводами, Екатерина Ивановна решила повременить с подачей заявления об увольнении.

И на другой день, после ночных раздумий, она, прочитав свое заявление, улыбнулась.

«Что ты, как слабонервная барышня, ударишься в панику? Зачем тебе уходить с работы, которая — основа твоей жизни? Это капитуляция перед трудностями, которых у каждого предостаточно. А вот Алексей — молодец! Ему надо доводить до конца свое дело. Наш институт для этого ему подходит больше, чем какой-либо другой. И лаборатория наша — тоже. Человеку, наверное, просто в голову не приходит, что его бывшие отношения со мной и Валерием Борисовичем могут быть помехой в научных опытах. Если попытаюсь это объяснить, он широко раскроет глаза и рассмеется от всего сердца. И самое главное, что он будет на сто процентов прав! Алеше надо делать свое дело, а остальное — утрясется».

Екатерина Ивановна плотно сжала губы.

«Нет, дуреха ты такая! Однажды ты совершила ошибку, исковеркала себе жизнь — потеряла любимого человека. А теперь можешь потерять и любимую работу...»

И она на мелкие клочки порвала свое заявление.

Вечером этого же дня она направилась к приятельнице, с которой подружилась давно.

Деметра Неходькова была дочерью Веры Федоровны Злобницкой, неизменной научной сотрудницы отдела пшениц. Муж Веры Федоровны — комиссар партизанского отряда — погиб во время войны. Малолетнюю дочь Вера Федоровна воспитывала самостоятельно. Назвала ее Деметрой в честь древнегреческой богини плодородия. Отвоевав в партизанском отряде, Злобницкая стала трудиться по своей мирной специальности — агрономом-селекционером. В стра-

не тогда остро ощущалась нехватка зерна. Женщина с головой ушла в работу. Вот и дочурку назвала Деметрой.

Та окончила сельскохозяйственный институт. Почувствовала затем тяготение к педагогике. И скоро стала читать лекции на кафедре агрономии. То ли от своего отца-комиссара, то ли от Веры Федоровны она унаследовала крепкий характер. Когда первый муж обидел ее, она, хотя и любила его, решительно ушла от него с двухлетним сыном Сашей. Вскоре вышла замуж вторично за моряка-капитана, который большую часть своей жизни проводил в далеких рейсах. Деметра все свое внимание сосредоточила на воспитании сына и лекциях. Ее Шура был вежливым парнем. Он занимался в мединституте.

Но Екатерине Ивановне казалось, что Деметра подавляла юношу своим властным характером. Он выглядел на редкость вымуштрованным.

Об этом она однажды откровенно сказала подруге. У них был уговор: никогда не таить так называемые горькие истины, даже из чувства деликатности. И высказывать их прямо в лицо. Причем не обижаться за это друг на друга.

Деметра Максимовна на миг задумалась и ответила:

— Зато я уверена, что мой сын никогда не поступит плохо.

— Не будь такой самоуверенной, Деметра. Хотя я воспитываю в отличие от тебя только растения, все же не могу не заметить, что жизнь преподносит и опытным педагогам, таким, как ты, свои сюрпризы. Вот мне кажется, твой Саша, при всех его неоспоримых достоинствах, несколько робок для мужчины.

— И у тебя есть основания для такого вывода?— строгим голосом спросила подруга.

— Помнишь, когда прошлый раз вечером он провожал меня к трамваю?.. Тогда нам повстречалось несколько подвыпивших парней. Один из них намеренно толкнул Сашу и выругался. Саша промолчал.

— Сколько же было их?

— Трое.

— Чего же ты хочешь? Силы были явно не равны.

— Эх, милая моя. Если бы на его месте был другой парень, ну, скажем, сын Алексея Николаевича Бережного, я уверена, он спуску бы этим молодчикам не дал.

— Он такой уж герой?

— Он совсем не герой. Но он сын своего отца. А тот, я уверена, дал ему кое-какие советы, как вести себя в подобных случаях.

— Ты, Катя, извини меня,—сказала, улыбнувшись, Деметра Максимовна,— но ты все чаще заводишь разговор об этом человеке. С чего бы это? Ну, ну, не надо краснеть, девушка! Слушай. А почему бы тебе не познакомить моего Шуру с сыном Бережного?

Екатерине Ивановне на миг привиделся стройный юноша в шапке светлых вихрастых волос, сын Алексея. Он возник и исчез, словно растворился в степной дали. Смуглое лицо ее подобрело, будто бы осветилось лучами заходящего солнца. Такое выражение ее лица очень любила Деметра Максимовна.

— Так ты, Катюша, приведи сына Бережного,— повторила она.— Шура действительно довольно застенчив. С людьми трудно сходится. Друзей почти не имеет. Своеобразный юноша...

* * *

Екатерина Ивановна простилась с Неходьковой и бежала по лестнице на каменевшую в ночной тишине улицу. Она направилась, было, к трамваю, но передумала и бесстрашно свернула в мрачную щель неосвещенного переулка. Это был кратчайший путь в гавань. Ее вдруг потянуло туда. Она жила на противоположном конце города, далеко от моря и давно не ступала на его берег. Захотелось взглянуть на освещенные звездами волны, подышать их влажным запахом.

Она не шла, а почти бежала, легко-легко, как на крыльях. Она словно выбросилась из переулка на широкий, как поле стадиона, Приморский бульвар. С обрыва внизу открывалась огромная гавань. Казалось, что все ночное небо, со всеми звездами, ночует в темно-лиловых глубинах бухты. А там, где берега залива тонули во мгле, переливалось многоточие огней, обозначая контуры фантастических массивов — то ли холмов, то ли стоящих у волнолома кораблей, дебаркадеров, рыбацких шхун, сейнеров и еще каких-то неясных, похожих то на скалы, то на облака, нагромождений.

Все это призрачными очертаниями уходило в темно-синюю даль. И не было здесь черты горизонта. Она

размылась, стерлась, и море стало вдруг естественным продолжением небес, как бы соединившись с ними в одно целое.

Расстояние до самых далеких точек Вселенной уменьшилось, и Екатерине Ивановне чудилось, что захоти она протянуть руку — так смогла бы дотронуться до алмазной веточки созвездия, висящего над головой. Медленно шла она по блестящим от ночной влаги плитам Приморского бульвара, припоминая стихи, прочитанные недавно в какой-то тоненькой книжонке:

Вдруг стали призрачны предметы.
Лишь маяки — куда ни глянь —
меж космосом и меж планетой
пунктирную проводят грань.

Зачарованная, смотрела Екатерина Ивановна на эту пунктирную грань маячных огней. Они делали выразительней ночное море.

Порой немного нужно человеку, чтобы он преобразился, стал светлее, отзывчивее и счастливее. Иногда солнечный луч, угавший радугой на стену комнаты, согретое сердцем поэтическое слово, дружеский взгляд совершают чудо, лучше сотни врачей и самых мудрейших лекарств исцеляют душевную боль.

...Она все дальше и дальше шла по Приморскому бульвару, да вдруг сзади ее догнал шум автомобиля. Она оглянулась и увидела идущее такси с зеленым огоньком. Вот удача! Ей сегодня положительно везло. Она подняла руку. И вскоре уже входила в квартиру родного многоэтажного дома, расположенного на окраине селекционного поселка.

После прогулки она устала. Но уснуть не удавалось. Множество мыслей звучало в сознании. Она поднялась с кровати, на которую только что с таким удовольствием прилегла. Зажгла свет и обошла несколько раз свою одинокую квартиру, пока не остановилась у широкого окна. Ее привлекла освещенная стеклянная крыша массивного многоярусного бетонного корпуса — фитотрона. Это была настоящая фабрика искусственного климата для выращивания опытных растений в заданных температурных и световых режимах.

— Мать святая индустрия! — обычно говорила Екатерина Ивановна, глядя на светящийся нимб над ней.

Так она перефразировала строку из стихотворения Уолта Уитмена. Да и как она могла не любоваться этим могучим созданием, одним из первенцев биологической промышленности! Это было чудо — материализованное воплощение всего, о чем пылко мечтали поколения ученых-биологов.

А еще недавно она хотела уйти отсюда, чтобы не работать рядом с самым родным ей человеком.

«Ох, какая я все же трусливая особь! — выругала себя Екатерина Ивановна. — А ведь Алеша должен иметь преданного друга. Смогу ли я быть им?» Незаслоненная фитотроном половина степи уводила ее взор в опытные поля института. А затем — на сотни километров воздушного океана, где за ночным туманом, за горами, за лесами приютился на распаханном равнинном раздолье ее родной поселок — Колосовка.

— Приезжай, Алеша! — прошептала она, вглядываясь в ночную степь.

* * *

Словно предчувствовала Екатерина Ивановна, что Бережной уже, как говорят моряки, отчаливал из Колосовки. И чувствовал себя довольно неуверенно. Переплетение целого ряда обстоятельств и забот заставляло его много раз откладывать отъезд. Ему хотелось оставить по себе опытную станцию как четко отрегулированный, отлаженный механизм, заведенный на долгое время.

Он часто сажал в свою машину Головченко, Сергея и Андрика и, выезжая в поля, проводил с ними своеобразные семинары. Часто во время бесед становился придирчивым, нервным.

— Не будем разливать елей и петь дифирамбы! — говорил он. — Мы должны быть беспощадными к самим себе. Иначе не двинемся вперед. — Он тыкал пальцем на участок поля. — Вот здесь вы, Илларион Макарович, последний урожай сняли, и не очень высокий. Потому что я да вы не доглядели. Мы неправильно выбрали предшественников и подвели хлеборобов.

Головченко выслушивал его, кивал головой. Во время «мудреных тирад» Бережного иронически усмехался. Как оказалось, он уже не верил в возможность уговорить его остаться в колхозе.

— Понимаешь, Алеша,— сказал он однажды,— много я думал о твоей генной инженерии. Все же это песок-плавун, а не наука. Знаешь такой песок? Начнешь на нем фундамент дома строить, а он, глянь, и поплыл вместе с фундаментом твоим, вместе с домом. И все. Так вот и твоя эта самая автогенная забота. Из тысяч колосков, отличных, полновесных, ты отбираешь, я знаю, те, из которых через несколько поколений выйти может нужный сорт. Такой, о котором хлеборобы мечтают. Верно я говорю?.. Есть у тебя такие сорта и еще создашь. А как ты эти колосья отбирал? По каким признакам? Ты и сам этого не объяснишь. Это уже искусство. Понимаешь? Это искусство, Алеша. Ну, посмотришь ты в этот электронный микроскоп. Ну, будешь разглядывать гены. А по мне — хоть тысячу лет разглядывай! Не сможет машинерия определить то, что ты сразу сам определишь. И не заменят приборы твой талант. Да, талант! Поэтому, ты прости меня, Алеша, для чего тебе по лабораториям да институтам шастать? Никак не пойму.

— Все сказали, Макарыч?

— Вроде все.

— Это не махонький вопрос. Признаю. Весь он в завтрашнем дне. На дворе у нас научно-техническая революция идет. Да, я сейчас интуитивно могу отобрать по признакам, которые порой и мне самому не очень понятны, перспективные растения. Но это совсем не опровергает генетическую инженерию, которая делает первые практические шаги. И мы обязательно будем конструировать новые высокоурожайные сорта хлебных злаков! Сперва — по наитию, затем — осознанно, по формулам, по математическим расчетам. Генетики во всеоружии науки, используя химические препараты, лазер, смогут вызвать нужные мутации, создать нужные формы — так называемые аллели или аллеломорфы... Не буду вас пугать терминами. Но вы, видимо, понимаете, что я хочу сказать.

— Догадываюсь... Значит, будем иметь пшеницу такого сорта, перед которой все нынешние покажутся просто чепухой?

— Примерно так.

— А не того ли ты, как бы это сказать — не слишком ли сильно мечтаешь?

— Не слишком. В самую меру, как надо. А теперь — дайте руку в знак того, что вы поверили мне.

Головченко медленно, словно нехотя, протянул свою сухонькую, некогда очень сильную руку. Но и сейчас, при рукопожатии, Бережной должен был признать в шустром старичке еще довольно цепкую хватку.

Илларион Макарович, словно прочитав его мысли, сказал:

— А ты думал, что... рука у меня так себе, не настоящая? Она у меня крестьянская. Коли надо — все сдюжит. От земли силу переняла. От земли, которую ты не должен забывать...

— Не забуду, дорогой Илларион Макарович, — сказал Бережной.

— Ну что ж, пожав руку, жми на науку, — скаламбурил председатель на прощание.

Через неделю Алексей Николаевич со всеми пожитками — чемоданом, свертками, кулями, ящиками, коллекциями сортов колосовых, образцами почв, связками книг, рукописей — уехал в город на своем газике.

Глава 9. ПОРТРЕТ

Большой корпус фитотрона внутри казался еще более впечатляющим. Бесконечно длинные сквозные коридоры четырех этажей, где в бесчисленных отсеках размещались оранжереи, теплицы искусственного климата, научно-исследовательские кабинеты, вычислительный центр, лаборатории разных профилей. В нижнем этаже помещался машинный зал, где стояли холодильные установки и кондиционеры.

Особо поражали посетителя гигантские морозильные камеры, в которых выдерживались растения при низких температурах, и установки для создания заказанных исследователями температур.

Диспетчеры на пультах устанавливали нужные режимы тепла, света, а чтобы не было отклонений от заданных норм, приборы контролировались автоматами.

В камерах-отсеках искусственного климата, в пронумерованных пластмассовых вазонах созревали растения. Но были теплицы и оранжереи, где не лампы, не электрические лучи, а естественный свет солнца ласкал растения пшеницы, овса, ячменя и бобовых. Это был самый верхний зал фитотрона, как бы верхняя палуба этого здания, очень чем-то похожего на могучий современный корабль.

— Линейный крейсер, — осмотрев фитотрон, объявил сотрудникам лаборатории Бережной.

— Скорее — огромный пассажирский лайнер, — раздался за спиной его знакомый тенорок.

Алексею Николаевичу хорошо запомнился этот повизгивающий оттенок в голосе. У него даже прошел неприятный холод по плечам. Он повернулся и увидел Пескова — в белом халате, из расстегнутого воротника вылезал узел пестрого галстука. Валерий Петрович по-прежнему держался непринужденно, с претензиями на элегантность. Но, несмотря на непринужденную позу, в которой он предстал сейчас, это был уже не прежний франтоватый и напористый молодчага. Его лицо осунулось, заострился профиль, лоб в бороздах-морщинах увеличился вдвое от залысин. Большие глаза под пеплом седых бровей утратили свой блеск, смотрели устало и тревожно. Дряблую кожу шеи модный галстук не маскировал, а лишь подчеркивал ее старческую желтизну.

«Здорово ты сдал за эти двадцать лет», — подумал Бережной. Он сочувственно посмотрел на заведующего лабораторией. А у того улыбка, растянувшая мясистые губы, казалась предупредительно вежливой, даже дружеской.

— Позвольте, коллега, поздравить вас с вступлением, так сказать, в члены нашего экипажа.

Бережному показалось, что Песков готов сейчас заключить его в объятия и даже расцеловать. Но Алексей Николаевич немного одеревенел от этой встречи. Он сдержанно протянул заведующему руку.

— Все же мне фитотрон кажется линейным крейсером, а не лайнером, — не зная сам почему, подчеркнул он свое несогласие с Песковым.

— Что ж, ежели крейсер, то пусть будет крейсер мира, — добродушно улыбаясь, согласился Валерий Борисович.

— Э, нет! Какой там мир! Мы ведем войну. Настоящую войну против голода на нашей планете. Боремся, чтобы у нас было изобилие продуктов, чтобы вопрос о хлебе на самом деле перестал волновать человечество. Тут не может быть мира. Наш фитотрон я представляю боевым кораблем в походе.

Валерий Борисович решил не спорить.

— Я проведу вас и постараюсь познакомить с товарищем Сизоненко. Он ведает электронной микроскопией. Идемте.

Голос его звучал мягко, хотя и категорично. Бережной попробовал было отказаться от этого приглашения, но Песков уже двинулся через огромный зал, туда, где сидели у микроскопов, у пультов счетных машин, склянок с анализами, пробирками и еще какими-то неведомыми приборами молодые и не очень молодые исследователи — биохимики, энтомологи, лаборанты. И среди них Алексей Николаевич увидел Екатерину Ивановну. Она подняла голову, украшенную венцом иссиня-черных волос. Кивнула ему и улыбнулась. И показалась такой милой, такой своей, как будто она вдруг предстала из далекой молодости.

Выходя из зала, он чувствовал ее взгляд.

Взволнованный, словно получил неожиданный, очень приятный подарок, он догнал Пескова, который стоял уже в самом конце коридора возле обитой железом двери.

— Входите, — пропустил он вперед Бережного.

В просторной комнате находился похожий на массивный сверлильный агрегат электронный микроскоп. Его цилиндрическая колонна уходила высоко вверх.

Песков познакомил Бережного с Сизоненко.

— Вот, Паша, ты помоги и будь ласков с Алексеем Николаевичем. Он за важное задание взялся.

Павел Станиславович Сизоненко повел с Бережным разговор как со старым знакомым. Оказалось, что он давно читал его труды, знает о выведенных им сортах озимых. У них, как выяснилось, был общий круг знакомых из научного мира.

Приземистый, с темными приветливыми глазами, всклокоченной копной волос, Сизоненко в совершенстве изучил свою точную машину, как он называл электронный микроскоп. Бережной скоро понял, что тот не только любит эту «машину», но и преклоняется перед ней. «Пожалуй, если перенести Павла Станиславовича в эпоху языческих культов, то он, несомненно, превратил бы электронный микроскоп в божество и сам стал бы его жрецом. А других заставил бы почитать его», — такой вывод сделал Алексей Николаевич, поработав несколько дней с Сизоненко. Тихий, деликатный во всем, что не было связано с микроскопом, он, как только заходило дело о его «машине», становился неузнаваемым — подозрительным, недоверчивым. Объяснив Бережному, как надо обращаться с прибором, он, однако, ревниво косился на нового коллегу, как только тот приближался к микроскопу. Ему все казалось, что посто-

ронные недостаточно деликатно обращаются с ним. Павел Станиславович в таких случаях выходил из себя.

Все это сначала довольно сильно удивляло Алексея Николаевича. Но, как только он понял суть характера Сизоненко, он перестал обращать внимание на его нервозность и улыбкой встречал выкрики. Тот, в свою очередь, тоже подобрел.

— Что вы улыбаетесь, когда я ору на вас, и... не сердитесь? — однажды, после очередной вспышки, спросил он Бережного.

— Так вы, кажется, псих, свихнувшийся вот на этой самой трубе, — показал Бережной на электронный микроскоп.

— Знаю, — грустно признался Сизоненко, как нарочно, дернув щекой.

— Ну, а на таких не обижаются.

— Понятно. — Сизоненко несколько минут молчал.

— Знаете, Бережной, — сказал он, — вы первый поняли меня. Обещаю больше не психовать. И, знаете, я вас очень уважаю.

— Насчет уважения — придется поверить. Но в то, что вы не будете психовать, убейте меня — не верю! Это просто выше ваших сил. Хотите убедиться? Вот я тихонько только нажму на эту кнопку, и вы закричите, как только что кричали, — он протянул руку к микроскопу и положил ее на кнопку.

— Не надо, дорогой Алексей Николаевич. Не надо! — вскочил со стула, покраснев, Сизоненко.

Бережной засмеялся и убрал руку с кнопки. Успокоившись, повеселел его напарник.

— Ладно, видно, совсем без нервов я не смогу. Но буду — редко, самую малость. Хорошо? — спросил он.

— Хорошо!

На этом и порешили. Теперь они работали, понимая друг друга с одного взгляда. А работа была очень хлопотливая, требующая огромного напряжения и терпения. Чтобы приготовить пыльцу для исследования под микроскопом, надо было сделать тончайший срез наблюдаемого материала на приборе для проектирования. Это была суперювелирная работа, которую мог выполнить только специалист, отлично изучивший свою профессию. Бережному хотелось побыстрее усвоить этот процесс. Он считал, что заглянуть внутрь хромосомы, внутрь молекулы надо самому, уви-

деть тайное из самого тайного природы. Решил сам пройти все ступени к секретам микромира.

Иногда, отстранясь от приборов, он подолгу задумывался. Он вспоминал Екатерину Ивановну, которая теперь была рядом с ним. Стоило пройти несколько десятков шагов по коридору до зала лаборатории, чтобы ее увидеть. Но странная непонятная сила сковывала его, как бы препятствуя сделать это. Он выходил несколько раз в коридор и каждый раз возвращался к Сизоненко.

Наконец, он понял, что его удерживает от встречи с ней. Боязнь, что Екатерине Ивановне это может быть неприятно. Видимо, она очень дорога ему, если только одна мысль о ее возможном недовольстве ужасает его. «Словно мальчишка, волнуюсь и переживаю», — корил он себя.

Но тут была, конечно, и другая причина, о которой он не хотел и думать. Она была более весомой, чем первая. Приехав из Колосовки и остановившись в номере гостиницы селекционного городка, он сразу позвонил ей по телефону на работу. Екатерина Ивановна поздравила его с прибытием, спросила, где он остановился и, узнав, что он получил номер в гостинице, сказала, что обо всем остальном они поговорят, когда увидятся в институте. Бережного обидел сухой тон ее речи, особенно то, что она даже не пригласила его к себе. Он знал, что она получила в новом доме по месту работы квартиру, но почему-то не сообщила ему адреса. Не пригласила его и теперь. «Значит, не может. Видно, связана с кем-то», — ужалила его мысль.

В институте его захватил и пленил фитотрон. Все, о чем мечтал, о чем читал в журналах, казалось ему, было воплощено здесь в действительность. С Екатериной Ивановной он не успевал на работе обменяться и двумя словами. Всю неделю он скучал по ней. И так же тоскливо грозил закончиться для него и последний день недели, к концу которого Сизоненко превзошел сам себя. На экране его электронного божества появилась увеличенная проекция маленького участка хромосомы-гена, которая была немедленно зафиксирована на фотопленке. Паша, как называли его многие, поспешил в фотолабораторию с кассетами проявить пленку, а Бережной склонился над записями.

В это время кто-то вошел в помещение. Он думал, что это воротился сотрудник, но вдруг чья-то ладонь погладила его по волосам. Он повернулся и увидел Екатерину Ивановну.

— Ну что, собираешься ты уходить домой или будешь здесь ночевать вместе с Сизоненко? — сказала, улыбаясь, она.

— Давно, Катя, собираюсь. Всю неделю прихожу, а тебя нет да нет.

— Нам уборщица рассказывала, что мужчина, похожий на тебя, уже несколько раз поздно вечером наведывался к нам в лабораторию. И, конечно, никогда не заставлял там никого. И сошлись же вы с Сизоненко, этакie два фанатика.

— Ну, положим, ты сгущаешь краски. Я не фанатик — это он...

— Не оправдывайся. Может, ты проводишь меня?

Алексей Николаевич молча засунул свои записи в карман пиджака, накинул плащ.

В дверях он увидел Сизоненко с проявленной мокрой пленкой в руках. На его удивленный взгляд Бережной поклонился и сказал, смущенно улыбаясь:

— До понедельника!..

* * *

Они вышли на вечернюю улицу селекционного городка. Прямую, освещенную широкими окнами многоэтажных корпусов.

— Куда мы пойдем? — спросил Бережной.

— К нам, — засмеялась Екатерина Ивановна. — Понимаешь, Алеша, теперь, куда мы с тобой ни пойдем, все равно получится — к нам, потому что мы живем в одном городке, на одной улице.

— Все же под разными крышами. Я — в гостинице, ты — дома.

— Идем ко мне.

— Нет, моя гостиница ближе.

— Почему отказываешься?

— Мне хочется явиться к тебе побритым, в новом костюме, с подарком в руках — от себя, от Андрика. Даже — от Головченко. Он передал тебе целый чемодан облепихи. В общем, хочу прийти торжественно. Кроме того, учти — я обижен на тебя. За то, что ни разу не пригласила к себе. В конце концов, если у тебя есть или были причины для этого, надо было хоть намекнуть. Давай будем до конца откровенны. Я не обижусь.

— Причин не было — тех, о которых ты думаешь. Понимаешь, тех самых... Но мне тоже полагалось обидеться на твою отрешенность. А все же, если откровенно говорить, у меня, Алеша, была одна глупая причина. Была... — Она остановилась. В сумерках он заметил все же, как побледнело ее лицо. Потом она взяла Алексея под руку, прислонилась к нему.

— Даже стыдно теперь говорить... Я... я боялась. Просто боялась... Прости меня, Алеша.

— Понимаю, Катя. Так сначала пойдем ко мне.

— Куда хочешь.

— Тогда ко мне!

Войдя в номер, где обитал Бережной, Екатерина Ивановна всплеснула руками от удивления. Вся комната была завалена ящиками какими-то, огромными чемоданами, бидонами, мешками, связками книг и рукописей. Среди этого нагромождения золотились аккуратно связанные, с приклеенными этикетками снопики колосьев. На полу лежали горкой ядра арбузов.

Екатерина Ивановна с трудом добралась, шагая через баррикаду чемоданов, до стула, что стоял в относительно свободном от вещей месте, возле стола. Села на него и почувствовала себя, как в осаде, заключенной в кольцо обступивших ее со всех сторон предметов.

— Как ты умудрился привезти в газике горы вещей?

— Да это не я, а Головченко — на трехтонке.

— А ты разве сам осилишь? Надо разобрать все это.

— Вмиг! — Он вскочил с ящика, сбросил пиджак и стал быстро распаковывать вещи. И самые громоздкие ящики, словно картонки с пухом, замелькали в его ухватистых руках. Не прошло и часа, как груда вещей была разобрана и все расставлено по своим местам. Одежда была выдворена из чемоданов в шкаф, книги, рукописи нашли свое место на столе, на подоконниках, на полках, коллекции колосовых украсили верхушку шкафа. Чемоданы и ящики были отправлены в кладовку.

Все дело стало за баулами с фруктами и арбузами. Бережной вопросительно глянул на Екатерину Ивановну.

— Это надо будет переправить тебе, иначе все старания Головченко пропадут.

— Почему ко мне?

— Потому что эти щедроты колосовской земли я не ем.

— Почему?

— Видимо, недостаток воспитания. В детстве и юности, ты знаешь, меня не баловали, и я до сих пор не вошел во вкус.

— Видимо, мне придется взять шефство над тобой — привить этот вкус.

— Попытайся.

— Обязательно. Ну, а где же это... то, о чем ты говорил?

— Ах да! Подарок. Вот он, — с этими словами Бережной взял из желтой кожи чемодан, стоявший в стороне. Извлек из него в самодельной рамке картину. Коричневой тушью изображалась солнечная летняя улица, обсаженная стайкой пирамидальных тополей. На белой стене одного из домов можно было прочесть надпись: «Улица Ивана Корнедуба». Листва тополей словно трепетала на ветру. Это придавало всему изображенному движение, внутренний динамизм, который подчеркивали летящие в небе легкие, как паруса, облака.

— Твоя работа? — спросила Екатерина Ивановна.

— И посвящена она тебе. Называется «Наша родная улица». Наша общая. А дом на переднем плане построен на том месте, где находилась ваша хата, которую сожгли фашисты.

— Так вот бывает... Даже не подозревала о твоих талантах. Да ты настоящий художник!

— Не знаю, Катя. Но мне хотелось, чтобы у тебя перед глазами всегда была родная улица, дом, где ты появилась на свет. И... — он хотел еще что-то пояснить, но Катя обняла его и поцеловала в губы.

— Благодарю от души! Ты сделал мне очень дорогой подарок.

— Подожди благодарить. Мне надо еще вручить тебе вот это, — Алексей Николаевич вытащил из чемодана и передал ей книги, красные и толстые, как увесистые кирпичи — двухтомник сочинений Василия Шукшина.

— Это тебе от Андрика. Вот надпись. Прочесть? «Екатерине Ивановне Корнедуб. Примите в знак глубокого уважения сочинения любимого моего писателя, который всегда пишет искренне и правдиво. Ваш Андрей Бережной». Смотри, как постарался сынок. А вот другой дар — от Тани. Складной зонтик. Когда ты была в Колосовке, Таня спросила, если помнишь, есть ли у тебя зонтик. Ты сказала, что нет... Вот результат... И, наконец, принимай баул, полный целебной облепихи. Собирать эти колючие

ягоды — просто мучение. Но Илларион Макарович оказался настоящим рыцарем и совершил этот подвиг. Ох и тяжелый черт! Ничего, я помогу тебе доставить его домой,— сказал Бережной.

А Екатерина Ивановна, взволнованная, только успевала благодарить. Ее глаза стали влажными...

Бережной поцеловал ее в мокрую от слез щеку.

— Там, в Колосовке, всегда считали тебя родной.

То, что он заговорил не от своего имени, дохнуло на Екатерину Ивановну эдаким холодком. Она отстранилась от Бережного.

— Мне пора домой.

Она была так настойчива, что Алексею Николаевичу ничего не оставалось, как только согласиться с ней. Он взял баул с облепихой, несколько арбузов в авоське и, нагруженный этим, зашагал за идущей впереди женщиной.

Сложил все принесенное в передней ее квартиры.

— Вот ты и знаешь, где я живу. Приходи завтра. Обязательно приходи.

Она говорила тихо, но решительно и непреклонно. Бережной понял, что с ним хотят распрощаться.

— Да иди же...

— Что за непонятные секреты? — голос его дрогнул.

Екатерина Ивановна снисходительно усмехнулась, но затем рассердилась.

— Завтра поймешь все. И еще одно запомни: у меня никого нет. Не было и не будет! А теперь — до завтра.

Она полушутя, полусерьезно взяла его за плечи и, бесцеремонно подталкивая, вывела на лестничную площадку.

— До завтра!

Не понимая, в чем дело, Бережной уныло побрел к себе в гостиницу.

...А в квартире Екатерины Ивановны вдруг энергично застучал молоток. Сама хозяйка, нарушая тишину — шел уже двенадцатый час ночи,— стала забивать в стенку кабинета гвоздь. Стена оказалась твердой, бетонной. И гвоздь не пошел. Он согнулся. Тогда хозяйка вздохнула и взяла тонкое стальное зубильце, которое лежало рядом с блюдечком сухого алебаstra и стаканом воды на скамейке. Видимо, хозяйка предварительно расспросила, кого надо, подготовилась к такой работе. Вскоре нечто, заключенное в рамку, было водружено на стену. Рядом висели фотографии ее отца, матери и Алексея Бережного. Новая фо-

тография представляла собой портрет покойной жены Бережного.

Екатерина Ивановна осталась довольна своей работой. Она очень серьезно относилась к памяти Александры Андреевны. Алексей должен знать, что она будет всегда уважать ее память. Он ведь много лет был счастлив с ней. Ну, а его счастье, даже в прошлом, даже с другой — дорого и ей самой. И еще она хотела, чтобы Алексей был уверен, что она никогда не будет ничего делать такого, чтобы в его памяти потускнел чистый образ Шуры. Она никогда не осквернит память о ней завистливым, недобрым словом или наговором.

Она привезла из села эту фотографию и заказала увеличенный портрет. Только сегодня заказ был выполнен.

Глава 10. НЕОЖИДАННОСТЬ

В новом костюме, взволнованный, словно явился на какой-то экзамен, Бережной перешагнул порог квартиры Екатерины Ивановны. Он вручил ей букет ярко-желтых, пахнущих осенью астр, долго вслушивался в ее голос, как в музыку, но не понимал смысла слов. Потом молча обнял ее и поцеловал. Только теперь он по-настоящему разглядел Екатерину Ивановну. Она стояла перед ним стройная, рослая и, как никогда, красивая, затянутая в темно-вишневое, ладно пошитое по фигуре платье. Ее большие черные глаза блестели. Бережной и впрямь удивил ее своим поведением. Всегда сдержанный, он сейчас показался ей удивительно несобраным. Преподнес цветы, неожиданно обнял, поцеловал, а потом стал здороваться, поклонился, пролепетал извинения, поцеловал смущенно руку. И, наконец, широко раскрытыми глазами человека, увидевшего чудо, уставился на нее.

— Алеша, Алеша, я не узнаю тебя. Ты что, выпил?

— Ни капельки, Катюша. Честное слово, ничего, кроме стакана минеральной воды. Но я сам не знаю, почему так разволновался.

— Ну идем, ты посмотришь мои апартаменты. Впрочем, если ты устал, присядь пока, — она взяла его под руку.

— Что ты, Катюша! Я совсем не устал. — И он вошел с ней в кабинет-библиотеку. Здесь он увидел полки с книгами, поднявшиеся до самого потолка. И свою картину,

изображающую колосовскую улицу, только вчера подаренную Екатерине Ивановне. Картина стояла на столе, прислоненная к старинным часам, вмонтированным в чугунную статую поднявшего крылья орла.

— Я не знаю, куда повесить ее. Посоветуй,— попросила хозяйка.

Он обвел взглядом кабинет. И вдруг оцепенел, увидев портрет Шуры.

Это был более чем сюрприз. Это было так неожиданно, что напоминало нечто фантастическое. Шура, словно внезапно ожившая, появилась в Катином доме и сейчас смотрела на него со стены.

Он поднес руку к голове, провел ладонью по вспотевшему лбу.

— Хороший портрет?

— Отличный,— сказал он, как бы приходя в себя.— Спасибо тебе. Ты, конечно, умница.

— Перестань хвалить меня! У меня еще не выработался иммунитет к таким похвалам. Перед ними я просто беззащитна. Вот загоржусь, и ты сам не будешь рад,— пошутила Екатерина Ивановна.

Двухкомнатная квартира сначала понравилась Бережному. Однако, поразмыслив, он дал ей такую оценку:

— Квартира для тебя мала!

— Жилплощадь даже больше, чем полагается по норме таким жрецам науки, как я.

— По норме... Верно, но надо смотреть, от какой науки этот жрец. Вот скажи, где ты разместишь вазоны с рассадой, коллекции семян, маленькую лабораторию, научный архив. Тебе просто необходимо как генетику иметь дома все под руками. Ну, а если еще я к тебе перееду?

— Ого! Узнаю Алексея. Ты, оказывается, все такой же бунтарь, как в юности.

— Да нет, Катя, не приклеивай мне этого ярлычка. К сожалению, я не заслуживаю его. Я не бунтарь, но просто человек, который изучил немного арифметику жизни и соображает точнее и острее, чем некоторые чинуши. Такие, как твой Песков...

— Кстати, лабораторией он руководит неплохо. Ты относишься к нему несправедливо. Просто не можешь кое-что простить...

— Ты права. Конечно, мне трудно забыть, что он проделал с тобой. Но тут не только он в ответе. Это я ви-

новат, что так получилось. Да, я поступил глупо, неловко оттолкнул тебя. И не случилось бы Пескова, вместо него мог быть другой, еще похуже. Не из-за этого у меня зуб на него.

— А из-за чего? При чем тут он и, например, нормы на жилплощадь?

— Он имеет к ним, на мой взгляд, самое непосредственное отношение. Такие, как Песков, в науке — пустцветы. Они ничего не создают, ничего не дают обществу. За все годы он ничего как селекционер не сделал полезного. Как генетик, как теоретик — тоже ничего. Повторял, как попугай, ошибочные изречения. Мешал тем, кто искал свои дороги. Таких, как он, — хватает. Вот от этой совершенно ненужной братии и пошли нормы, жесткие нормы на житейские блага. Вот и полезным для науки людям влетает по первое число.

— Постой. Такой вопрос. Ну, а себя, конечно, ты относишь к полезным?

— Удар запрещенный. Могу только сказать: тебя — считаю.

— Почему — меня? — удивилась Екатерина Ивановна. — Ты как-никак создал четыре или даже пять сортов озимых, которые завоевали признание. А я? Я только автор диссертации и ряда статей.

— В отличие от своего шефа Пескова ты написала одну очень дельную, полезную работу. Это — рекомендации по поднятию процента крахмала в пшеничном зерне. Думала, я прессу пропускаю? Очень нужная работа, которая, по-моему, принесет много пользы. Я искренне за тебя радовался.

— Алеша, ты — варвар! Нельзя все же подходить только с позиций полезности — и баста. Ну, а другие мои выступления?.. Ты читал их?

— Знакомился. Внимательно. Изучил твою кандидатскую.

— Ну и как?

— Не станешь дуться? — спросил Бережной.

— Я с Деметрой... Знаешь Деметру? Вот мы дали друг другу слово не обижаться ни при каких обстоятельствах за откровенность. Вот и с тобой тоже хочу об этом договориться.

— Считай, что дело сделано.

— Тогда говори, я не обижусь.

— Некоторые твои труды, как и произведения твоего шефа, — чушь.

— Неужели? Ох, Алеша, ты и вправду варвар, да еще какой!

— Какой есть!

— Но все же ты неправ.

— Почему? Я просто против так называемых «трудов», в которых нет открытия, пережевывается пережеванное. Чушь и есть. Та белиберда, что забивает людям мозги.

— Хорошо. Но давай вспомним время, когда Песков восставал в своих статьях против твоих сортов озимых, утверждая, что они подвержены расщеплению. Разве с точки зрения теории он не прав? Другое дело, что для практики сие расщепление несущественно. Все же хорошо, что нашелся человек, который критически взглянул на твои сорта.

— Он просто хотел запретить распространение моих сортов. Но это ему не удалось, так как хлеборобам они были нужны и давали высокую урожайность. И Песков боролся не за научную истину, а пытался использовать науку для сведения со мной личных счетов. Вот это и гнушно.

— О его грехах я знаю... Но все же он был более теоретически прав, чем ты. Верно?

— Конечно, я тогда плохо разбирался в генетической азбуке. Многие были еще только гипотезами в этой области. Сейчас, когда многое расставлено по своим местам, уже нет смысла об этом вести дискуссии. Но можно лишь заметить, что тогда селекционеры-практики — именно они — создали хорошие сорта пшениц, кукурузы, картофеля, других культур, подняли урожайность наших полей. И сейчас лично я продолжаю эту традицию. Традицию тех ученых, кто приносит практическую пользу хлеборобам. Только теперь мне хочется оснастить свою работу надлежащей техникой.

— А как ты думаешь строить отношения с Песковым, работая в лаборатории, где он заведующий?

— Поскольку у меня есть разрешение ученого совета вести работу самостоятельно, я не буду от него зависеть.

— Но ведь он, кажется, готов забыть прошлое.

— Ты слышала наш разговор?

— Как все, кто тогда находился в лаборатории.
— Но мы говорили тихо.
— Тихо говорил он, ты же, как всегда, петушился.
— И слышала весь спор о фитотроне?
— Ты явно придирался к нему: мол, фитотрон правильнее сравнить не с лайнером, а с боевым крейсером. Я еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Какая разница — лайнер или крейсер? Не будь, Алеша, таким задирой!

Бережной не принял игривого тона.

— Видишь ли, меня не устраивает сравнение фитотрона — этой боевой единицы биологической науки — с пассажирским лайнером. Мне так и представились возлежащие на палубе туристы, совершающие развлекательный круиз. Нет, это не то! Наша наука — не развлечение. Это напряженная борьба за будущее человечества. Борьба с призраком голода, который еще бродит по планете. Трудная борьба с мракобесием, с идеологической путаницей шарлатанов. А он — лайнер...

— Считаем, что ты прав, — прервала его Екатерина Ивановна. — Однако... Мне кажется, ты сцепился с ним не только за это.

Алексей Николаевич насупился, потом посмотрел ей прямо в глаза.

— Я думал и о тебе.

— Мне это стало ясно сразу, как только я услышала твой голос. Ведь я так хорошо тебя понимаю. Знаю, что ты никогда не забывал и не мог забыть...

— Вот поэтому сейчас наши судьбы снова сходятся, Катя...

— Но ты только теперь заговорил об этом. А почему не раньше? Не в Колосовке?

— Рана была очень свежей.

— Возможно, она еще не зарубцевалась? Алеша, пойми... может, нужно еще время. Я в своей квартире нашла место для этого портрета. И знаешь почему? Впрочем, я тебе это уже говорила. Не буду повторять... Я не хочу, чтобы ты сделал решительный шаг в твоей жизни, торопясь... зажмурив глаза.

Бережной некоторое время молчал. Затем сказал:

— Если что-то должно состояться неизбежно, зачем откладывать?.. Мне кажется, нам больше нельзя жить врозь...

Как в далекие дни юности, субботу и воскресенье они посвятили друг другу. Они не отвечали на настойчивые телефонные звонки.

Уже не надо было слов. Они и без них могли беспрерывно смотреть в лицо друг друга и все понимать...

Но на вторую ночь во сне Алексей Николаевич начал стонать и произносить имя покойной жены. Екатерина Ивановна вскочила с кровати, включила свет, долго смотрела на бледное лицо спящего, а он, не просыпаясь, продолжал стонать и звать Шуру.

Порыв ночного ветра с резким стуком захлопнул приоткрытую форточку. Екатерине Ивановне показалось, что призрак покойной прошел по комнате.

Она не была суеверной, но тут вздрогнула, побледнела. Однако она сумела взять себя в руки и все внимание переключила на любимого человека. Смочила полотенце цветочной водой, положила на лоб спящего.

Он проснулся. Сонно щуря глаза от света, спросил, почему она бодрствует, сбросил со лба влажную ткань. Она ничего не ответила, потушила свет.

Счастье, которое было нашла Екатерина Ивановна, сразу потускнело. На другое утро она и словом не обмолвилась о ночном происшествии. А Бережной, спеша на работу, забыл спросить, почему она разбудила его ночью.

Трое последующих суток Екатерина Ивановна выжидала. Не желая напрасно тревожить Алексея Николаевича, она ничего не говорила ему о стогах, о том, как он во сне зовет покойную жену...

На четвертый день Бережной, придя с работы, застал у Екатерины Ивановны женщину — врача-невропатолога. Только в ее присутствии хозяйка рассказала ему о том, что происходит каждую ночь.

Врач тщательно обследовала Бережного и нашла, что он вообще-то здоров. Но надо успокоить нервную систему, потрясенную горем.

— Этого можно достичь только увлечением любимой работой, деятельностью... Вам надо исключить встречи с людьми, которые могут навести вас на мысли о погибшей.

Не заключение врача, а рассказ Екатерины Ивановны взволновал Бережного. Он пришел в ужас, представив себе, сколько пережила любимая женщина, слушая ночами, как он стонет и произносит имя жены.

— Прости меня, Катюша. Ты как бы предчувствовала, какая душевная травма тяготеет надо мной.

— Главное, Алеша,— это твое здоровье. Не волнуйся, не переживай. Это пройдет. Помни, я всегда с тобой...

И они решили встречаться реже. Хотя Алексей Николаевич не мог отказаться от того, чтобы не провести Екатерину Ивановну домой.

Глава 11. ПОЭМА

После отъезда старшего Бережного в его дом-усадьбу зачастили гости. Почти каждый вечер здесь бывали Колобков, механик Павел Лысюк, бригадир механизаторов Дмитрий Шевченко со своей женой Тamarой.

Молодые хозяева понимали, что старших по возрасту людей вряд ли интересует общество таких юнцов, как они. И не могли понять причины такого паломничества. Что приводит людей сюда? Может, просто любопытство — как они, желторотые, живут без родителей?.. Но вскоре и Андрик, и Таня поняли: их гостей влечет другое. Андрик убедился, что к нему односельчан приводит доброе чувство. К нему — сыну родителей, которые полюбились многим обитателям Колосовки. А когда пришел день отправлять молодых на вступительный экзамен, сам Илларион Макарович вызвался подвезти их на станцию. Несмотря на редкую непогоду, председатель свернул машину с отъезжающими в степь.

— Хотя и очень хмарно, а все же проститься с родной землицей хлебной вам треба,— сказал он, мешая русские и украинские слова. Вышли из машины у заповедной межи, разделяющей опытные и колхозные поля.

Таня и Андрик последовали за председателем. Свирепо выл ветер в степи. Поле жалобно звенело в упругих струях холодного воздуха. Казалось, стерня была не из короткой соломы, а из тонких железных стержней, по которым катился стремительный, обжигающий ветер.

— Нечего сказать, а еще июлем называется,— проворчал Сергей, ежась от холода. Он пристроился к друзьям по дороге, так как тоже должен был решить в городе свои дела.

— Хлеборобу всякая погода — к делу,— явно вызывая его на спор, сказал Головченко.— Отличный ветерок. Хорошо поля продует. Глядишь — и дождиком землицу освежит.

— Что вы говорите? Такой ураган выветривает почву.

— А ты зачем? Бороться надо! Вот и поломай голову, как сделать, чтобы любая непогода не страшна была. Вот для чего надо наукой вооружаться.

— Постараемся, Илларион Макарович! Не все сразу,— сказал Сергей.

— Все это хорошо. Торжественность момента прочувствована. Вот боюсь только, чтобы Таню здесь ветром не прохватило,— сказал Андрик, накинув свой пиджак на плечи жены.

— Ритуал исполнен! — засмеялась Таня и первой села в машину.

За ней — остальные. Головченко захлопнул дверцу.

— Теперь, друзья, курс на крутую вершину науки! — и председатель повел газик к пассажирскому поезду.

По приезде в город дороги молодых людей разошлись. Сергей, перейдя со стационара на заочный, стал сдавать зачеты, поселившись в общежитии института. Бережные приступили к своим экзаменам. И тут Андрика с первого же дня постигла сокрушительная неудача. Тематическое сочинение неожиданно оказалось для него роковым. Он написал его лучше всех экзаменующихся — хорошим образным языком. Но — увы! — с многочисленными грамматическими ошибками. Сделал их абитуриент не вследствие безграмотности, а по рассеянности. Однако придирчивый красный карандаш экзаменатора исчеркал весь текст и поставил выразительную единицу.

— Мы не можем допустить в институт людей, которые делают столько ошибок. Лучше бы вы написали менее одаренное сочинение, но без погрешностей в грамматике. Придется вам подтянуться. Не теряйте времени зря. Год пролетит незаметно,— постарался утешить его, сверкая стеклами темных очков, секретарь экзаменационной комиссии.

Это была первая серьезная неудача в его жизни. Андрик призвал все свое мужество, чтобы не выдать перед окружающими своего состояния.

Его неудачу как бы оттенял успех Тани, которая написала сочинение не так хорошо, как он, но лишь с одной ошибкой и получила четверку.

Она была счастлива — выдержала экзамен! Ее удручала только неудача мужа. Таня старалась утешить мужа.

— Брось, Андрик! Милый, хороший, успокойся. Вот поедем в Колосовку, будем вместе работать. И год пролетит, как день. Все пройдет.

— Даже не напоминай мне о Колосовке! Я туда не поеду.

— Как это не поедешь? Что ты говоришь? Почему?

— А вот потому... Как я там людям смогу в глаза взглянуть? Что я скажу Иллариону Макаровичу? Мите, Павлу? Илларион Макарович на меня такие надежды возлагал. Помнишь его слова про курс на вершину науки? Вот тебе и вершина. Сорвался я, Таня, вниз покатился.

— Что ты мелешь! стыдно слушать. Ох, какой же ты трус!

— Видимо, не судьба мне агрономией заниматься. Видишь, как все неудачно складывается.

— Да? А мне чего голову морочил: агрономами, мол, будем. Как отец с матерью. А я-то, дура, верила. И меня ты, значит, обманывал, и отца,— рассердилась вдруг Таня.— Ты же всех за нос водил! И при первой же неудаче— в кусты? Поедем сейчас к отцу твоему. Я посмотрю, посмеешь ли ты ему все это сказать! Пошли! — она решительно схватила его за руку и потянула к дверям.

— Пусти! Ты что, с ума сошла?

В конце концов ему пришлось сдаться. Он согласился идти хоть к черту на рога, только чтобы она перестала нервничать.

Таня вытолкнула его из комнаты в коридор общежития и лишь тогда отступила в сторону. Андрик не предполагал, что у его жены, хрупкой, тоненькой женщины, столько силы.

А Таня как будто бы немного успокоилась. Однако это не помешало ей скомандовать:

— А теперь марш за мной! И смотри у меня! — Андрику ничего не оставалось, как повиноваться и следовать за своей маленькой, но грозной супругой.

Они пешком пересекли город, вышли на его окраину и добрались, когда уже вечерело, до гостиницы, где жил старший Бережной.

Сообщить ему о провале сына на экзамене взяла на себя Таня. Она сама хотела выполнить неприятную миссию.

— Я сделаю это тонко, чтобы не оглушить его таким известием. Я его подготавливаю. Вот тогда ты и войдешь. А по-

ка постой здесь, в коридоре,— сказала она мужу перед дверью номера, в котором жил Алексей Николаевич.

И хотя Андрик хотел сразу все выложить отцу — Таня была так настойчива, что он опять согласился с ней, чтобы только не препираться и не спорить. И Таня одна юркнула за приоткрывшуюся дверь.

К ее удивлению, старший Бережной отнесся к ее сообщению удивительно спокойно. По встревоженному лицу невестки он догадался, что случилась неприятность.

— Ты засыпалась на экзаменах?

— Да что вы, Алексей Николаевич. Я-то выдержала — получила четверку.

— Поздравляю!.. Значит, Андрей... Как же он умудрился?

— Вы не переживайте, Алексей Николаевич. Я сейчас все объясню.

— Да чего там объяснять?

— Да.. Но, видите, как получилось,— начала было Таня.

— Так где же сам герой?

— Он здесь. За дверью. Ждет, пока я вас подготовлю,— пролепетала, расстерявшись, Таня.

— Зачем же меня готовить? — улыбнулся Алексей Николаевич. — Зови его сюда!

— Видя, что Таня окончательно смутилась, Бережной-старший подошел к двери, открыл ее.

— Чего не заходишь? Струсил?

Андрик перешагнул через порог. Алексей Николаевич глянул на него и рассмеялся весело, без всякой досады.

— Чего вы тут китайские церемонии разводите? Ну провалился — так провалился. Эка невидаль! На то и экзамены. Их всегда или выдерживают или... не будем уточнять. Если постигает неудача, значит, плохо подготовился. Сам виноват. И вывод может быть один: надо лучше подготовиться к новому экзамену. Времени будет достаточно.

— Я то же самое говорю,— обрадованно закивала головой Таня.

— Так в чем же дело?

— Видишь, отец, ты судишь несколько упрощенно. В-первых, я провалился на экзамене не потому, что плохо написал сочинение. Секретарь приемной комиссии сказал мне, что я написал лучше всех — в отношении, что ли, худо-

жественном, но наделал достаточно ошибок из-за рассеянности. Так к чему, скажи мне, отец, целый год готовиться? Избавиться от рассеянности?

— Разумеется.

— Мне достаточно недели, чтобы мобилизоваться и избавиться от этого. Ты знаешь отлично, что главные предметы, которые надо знать агроному — химию, физику и математику, — я хорошо усвоил по программе. Меня как медалиста избавили от них, и я могу лучше любого, кого примут в этом году в институт, в том числе и по русскому языку, учиться. Вот. А там увидели только грамматические огрехи. Я считаю, что ко мне отнеслись формально.

— Сколько ты сделал ошибок в сочинении?

— Около десяти или больше...

— Так чего ты хочешь? Чтобы тебя с такими показателями приняли в институт? И думаешь, что, отказав тебе в этом, поступили несправедливо?

— Да.

— Ты убежден в этом?

— И даже больше этого. Будь ты отзывчивее, ты бы не потерпел такой несправедливости по отношению ко мне. Да что я говорю? По отношению к любому человеку. Ведь ты же знаешь, что я могу быть студентом сельскохозяйственного института. А ты... — Андрик взглянул на отца, на его ставшее суровым лицо и осекся.

— Что я?.. Продолжай. Я внимательно слушаю.

— Мне не хотелось бы тебе говорить, отец, но ты сам можешь не догадаться. Ты мог бы позвонить ректору. И рассказать поподробнее обо мне. Тебя знают, уважают, и, я уверен, они пошли бы навстречу. Меня бы зачислили даже без больших усилий с твоей стороны в институт. Ведь ты знаешь, что я достоин.

Андрик повысил голос, подчеркивая последнее слово. Он с какой-то смешной важностью поджал губы.

Бережной-старший несколько секунд разглядывал сына.

— Понимаешь, — наконец, тихо, выдавливая из себя голос, произнес: — Все дело за очень небольшим, но существенным обстоятельством.

— За каким, отец? — встревоженно спросил Андрик.

— Я сейчас убедился окончательно, что ты совершенно не созрел для учебы.

— Ты шутишь.

— Нисколько. Дорогой мой, из-за самоуверенности ты потерпел фиаско на экзамене. Почему, ответь честно, ты позволил себе несерьезно отнестись к делу, которое как будто любишь?

— Видишь ли, наверное, я не так люблю это дело, как ты...

— Вот, сынок, мы и поняли друг друга,— лицо старшего Бережного сразу осунулось, словно постарело на много лет. Ему трудно было скрыть грусть.

— Прости, отец, что я разочаровал тебя...

— Не в этом дело. Одно скажу: тебе даже повезло, что ты завалил экзамен. Вскрылась истина.

— Алексей Николаевич, что вы говорите! Вместо того, чтобы убедить Андрика учиться на агронома, стать продолжателем вашего дела, вы его еще больше расхаживаете! Даже сбиваете с пути. А я-то думала, вы сумеете на него повлиять,— затараторила Таня.— Зачем вы сбиваете сына с пути, когда он и так сбился!

— Я не принадлежу, Танечка, к тем родителям, которые тянут за уши своих упирающихся чад в институты, чтобы они получили дипломы, а потом всю жизнь занимались делом, к которому у них нет ни призвания, ни любви. Ведь это самые несчастные люди на свете. Я не хочу, чтобы мой Андрик был таким.

— У меня есть свое дело,— насупившись, признался Андрик,— но боюсь, что оно никого не порадует.

— Я знаю, что он имеет в виду,— воскликнула Таня.— Только вы, Алексей Николаевич, не смейтесь. Он стихи пишет.

— Да? Приходилось, приходилось замечать за ним... Что ж, это неплохо. Важно, чтобы это увлечение было серьезным. Тут смеяться не над чем.

— Я настроен серьезно,— сказал Андрик.— На днях отнес одну вещь в газету. Только вы не распространяйтесь. А то, если не напечатают, стыдно будет.

— Ладно тебе, сынок, о стыде печалиться. Ты у меня не девица засватанная,— Алексей Николаевич взъерошил ладонью шевелюру сына. Взглянул на ручные часы.— Вот что, дети, сейчас уже около семи. А в семь я обещал быть у Екатерины Ивановны. Собирайтесь и — айда к ней. Там посоветуемся...

— Только ты, папа, не говори о моем случае,— взмолился Андрик.

— Отчего же? С этого и начну разговор. А ты к этому — привыкай! — перешел на бас Алексей Николаевич.

Затем подмигнул молодой паре.

* * *

У Екатерины Ивановны гостили Деметра Максимовна с возвратившимся из рейса мужем, капитаном танкера Артуром Кондратьевичем Неходьковым — рослым, уже седеющим брюнетом. С ними был и их сын Саша.

Увидев Екатерину Ивановну в обществе незнакомых людей, Андрик покраснел. Его бросило в жар при мысли, что вот сейчас отец откровенно расскажет всем о его неурядицах.

О причине волнения мужа мгновенно догадалась Таня.

Ей стало жалко его, и она поспешила на помощь. Извинившись перед гостями, она взяла под руку Екатерину Ивановну и на минуту вышла с ней в другую комнату. Рассказала о неудаче Андрика.

— Позовите Алексея Николаевича сюда и попросите его сохранить это в тайне.

Екатерина Ивановна пообещала это сделать.

Выйдя к гостям, она представила им Бережных, а потом рассказала о матери Деметры Максимовны — Вере Федоровне Злобницкой.

— Это она передала эстафету доброжелательства всем нам, которая распространяется на выходцев из Колосовки, — пошутила хозяйка.

От ее слов дохнуло дружеским теплом на всех собравшихся. Все хорошо знали о Вере Федоровне. Ее доброта, честность стали уже легендой. Даже Таня, и та не слышала о ней. Гости почувствовали такое расположение ко всем Неходьковым, словно встретили каких-то неожиданно появившихся родственников. Напряженность, которая возникает при встрече незнакомых людей, исчезла, и на Андрика нахлынуло доверие к Деметре Максимовне. Он отважился рассказать о своей неудаче на экзамене, а также о давнем желании посвятить себя литературе. Лихо потрянув пшеничной шевелюрой, добавил:

— Мне хотелось бы попутешествовать, познать трудовую жизнь во всем разнообразии. Хочу увидеть дальние страны, моря и океаны. Несколько раз обогнуть наш голубой шарик.

— Стоп, юноша! — обратился к Андрику капитан Неходьков. — Почему бы вам, если вы хотите повидать моря и океаны, не поступить в мореходное училище. Прием туда проходит несколько позднее, чем в других вузах, и у вас есть еще возможность поступить. Главное здесь — экзамен по математике и стопроцентное здоровье.

— Я здоров, а математика — мой любимый предмет.

— Ты тоже самое говорил и о русском языке, — съязвила Таня.

— Дети, перестаньте ссориться, — прикрикнул на них Саша. Он кашлянул в кулак, важно погладил свои черные усы. Прodelал он это так смешно, что все заулыбались. — Учтите: я дед во втором колене, а первый вот кто, — он кивком головы показал на отца. — Это настоящий дед-капитан, который может оказать тебе, Андрик, помощь при поступлении в мореходку.

— Шутки в сторону, мой сын дает вам верный совет, — сказал Артур Кондратьевич. — Позвоните завтра, и я поговорю с начальником мореходки, точно выясню условия приема.

Андрик поблагодарил.

Екатерина Ивановна пригласила гостей к чайному столу. Говорили опять о путях-дорогах, которые может выбрать себе молодой человек, дерзающий содержательно построить свою жизнь. Проникнуть в неведомые тайны природы, раскрыть удивительные механизмы, передающие в веках коды наследственности, шифры живых клеток.

— Мне вот удивительно, что человек, проникая в дали Галактики, исследуя электронным микроскопом невидимый мир, а телескопами — другие планеты, все же очень поверхностно знает родную землю. Особенно плохо изучены моря и океаны нашего голубого шарика. Тут явная недооценка большого интересного мира, — сказал капитан, и, к удивлению Тани и старшего Бережного, Андрик поддержал мысль Неходькова.

— Да, копаемся мы в генах изрядно, создаем сорта злаков, а заняться голубой нивой планеты, которая может прокормить миллиарды людей дешевле и сытнее, чем поля всей земли, люди еще не удосужились! Ученые мужики в этом отношении, как и во многом другом, проявляют завидную консервативность.

Алексея Николаевича, Екатерину Ивановну поразили не резкость суждений парня, а резкий тон, в котором они

преподносились. У Тани засосало под ложечкой. Ей стало казаться, что Андрик давно решил уйти в море...

— Ты решил поиздеваться надо мной? — шепнула она.

— А что прикажешь делать? — скривился он в кислой улыбке. — Если отвергают родные поля, буду искать счастья в море.

— Друзья, ночное море — это чудо. И чудо это у нас, что называется, под боком. Я предлагаю прогулку на бульвар, чтобы отдохнуть глазами и душой, — предложила Екатерина Ивановна.

Гости нестройными голосами поддержали ее предложение.

Вся компания высыпала из квартиры в августовскую ночь. Екатерина Ивановна почувствовала, что все ее существо, как и в предыдущую прогулку, пронзила трепетная свежесть морского ветра. Андрик произнес по этому случаю строки из Маяковского:

Звездой набиты нагусто
Ночи августа...

Поход к бульвару забрал около получаса. Но время промелькнуло незаметно в оживленной беседе. Правда, Екатерине Ивановне хотелось добраться как можно быстрее, не идти, а лететь, словно на крыльях, сквозь темное пространство улиц, переулков, чтобы скорее добраться к синезвездному чуду — ночному морю.

И вот они, наконец, вышли к черте, откуда открывалась чаша залива, в волнах которой ершисто поблескивали звезды.

— Ох, Катя, какой ты молодец, что привела нас сюда! — обняла за плечи подругу Деметра Максимовна. — Спасибо! А вот тебе, сын моря, — обратилась она к мужу, — выношу строгое порицание. Почему ты так редко приводишь меня сюда?.. Настоящая симфония огней.

— Мне эта симфония порядком примелькалась. Если бы ее так часто видела ты, как я, то вряд ли она была бы для тебя такой прекрасной. Твое преимущество, Деметра, что ты видишь все это реже, — усмехнулся капитан.

— Однако волнистая рожь при луне, как у Сергея Есенина, не менее впечатлительна, чем это море, — заметила вроде бы совершенно некстати Таня.

— Не мудрствуй лукаво, милая, — ответил ей муж. — Все равно не тянет меня в Колосовку.

— Тянет или не тянет, а все равно поедem,— проворчала супруга.

— Молодежь, хватит вам спорить!— обратилась к ним Екатерина Ивановна.— Я предлагаю всем, в том числе и тебе, Таня, пройтись мысленно по дорожке маячных огней, что пролегла сейчас по морю, туда, куда она ведет нас — на самое небо.— И она показала рукой на цепочку светящихся точек, что уходила в темную синь.— Такая вот игра.

— Взойдем на небо!

— Взойдем!— ответили весело остальные.

И Таня, замороженная красотой ночного синего мира, присоединила свой голос к общему хору.

* * *

Утром, когда стрелки на циферблате показали девять часов, коридор студенческого общежития наполнился грохотом. Это в дверь комнаты, где ночевали молодожены-абитуриенты, застучал Сергей Колобков. Наконец, ему открыл дверь заспанный Андрик.

— Ты чего так долго возишься?

— Я думал, что это комендант пришел меня выгонять. Поэтому вообще не хотел открывать. Меня, как провалившегося, к экзаменам не допускают.

— Вот как! Ну о том, как ты на экзамене погорел, я уже знаю. Таня пошла сдавать экзамен по математике, а меня послала к тебе. Не все потеряно. У меня идея одна есть.

— Какая еще идея?

— Об этом потом. А сейчас — пляши.

— С чего это?

— Видишь!— Сергей поднял руку с зажатými в кулаке газетами и помахал ими перед лицом Андрика.— Тут твоя поэма напечатана. Говорят — пляши!..

— Сергей, дай хоть взглянуть! Дай скорее! — взмолился Андрик, пытаясь выхватить из рук товарища газеты.

— Осторожней! А то порвешь! А я пять штук купил. На, читай. Хорошо тебя подали,— он протянул Андрику газеты.

Тот дрожащими от волнения пальцами развернул широкое бумажное полотно, на третьей странице увидел под крупным заголовком «В добрый путь» свою поэму.

Андрик долго не мог налюбоваться первым в своей жизни напечатанным произведением. Его волновало и то, что поэма напечатана выразительным шрифтом, и то, что подписана его полным именем — Андрей Бережной, и то, что она увидела свет в областной солидной газете.

Он хотел прочитать поэму про себя, но не тут-то было. Сергей взял второй экземпляр газеты.

— Давай вместе, по порядку. Надо все уяснить,— и Колбков стал вслух читать предисловие «В добрый путь». В ней редакция давала сведения об авторе: «Андрей Бережной — сын потомственных хлеборобов. Отец его Алексей Бережной — известный ученый-селекционер — тоже не раз печатал на страницах нашей газеты стихи о людях и природе степного черноморского края. Сын его продолжает эту традицию. Он сейчас поступает на агрономический факультет сельскохозяйственного института. Мы желаем ему больших успехов в учебе и литературном творчестве: стать хорошим агрономом и певцом щедрой нашей земли». Видишь, как они про тебя пишут, аж завидно.

И Сергей стал громко, часто сбиваясь на ударения, произносить строки:

Здесь море от степи недалеко,
Земли и моря встретился простор.
И в шуме жита разобрать легко
Прибрежных волн гортанный разговор...

— Дьявол тебя побери! С тебя причитается, Андрик.

— Когда поэма была прочитана дважды, Сергей деловито взял два экземпляра газеты, аккуратно сложил и спрятал в карман пиджака.

— Зачем они тебе?— удивился Андрик.

— А я сейчас пойду к ректору и скажу, как с тобой поступили на экзамене. Покажу поэму и заявлю, что твои ошибки не от безграмотности, а от нервничанья. Короче, попрошу, чтобы тебя допустили к сдаче других экзаменов.

— Не смейся, друг. Не все так просто. Не учиться мне, наверное, в сельскохозяйственном. Я уже и отцу сказал.

— Ну, а что Алексей Николаевич?

— Говорит, что против тех родителей, которые великовозрастных детей за уши в вуз тянут. Каждый, мол, человек должен любить свое дело.

— Ну, а разве ты, хлопец, не любишь дело своего отца? Наши поля? Наш край?

— Видно, не так, как надо,— ответил, потупившись, Андрик.

— Нет, врешь! Все у тебя, как надо. Иначе бы такую поэму не написал,— сказал сердито Сергей.— Дурака не валяй. Откуда такие глупости? Не знаешь? А я знаю! От самолюбешка больного. Срезался на экзамене — и сразу гордость взыграла. Мало тебя, друг, еще били. Мне Танька все рассказала. Плачет ведь она!

— Плачет?

— Довел ты ее, черт, своими выбриками.

— Что же мне теперь делать?

— Не психовать — это раз. Второе — исправить ошибку. Идти сейчас же к ректору и все рассказать. Все как на духу. Чтобы год зря не пропал. Бороться надо, а не иуни пускать.

— Эх, нарубил я дров.

— Сознаешь теперь?

— Понимаешь, дурь нашла тогда.

— Хватит каяться!

В кабинете ректора было полно народа.

— Смотри, сколько таких, как я, тут собралось. И все, наверное, по таким же вопросам. Да еще мамаш и папаш привели,— шепнул Андрик.— Идем отсюда.

— Подожди,— остановил его Сергей и стал пробираться сквозь толпу к секретарше, которая говорила по телефону. Когда он достиг ее стола, девушка закончила разговор, встала и объявила:

— Ректор по вопросам экзаменов и поступления в институт сегодня принимать не будет. По этим вопросам принимает его заместитель до четырнадцати часов. Его кабинет — вторая дверь по коридору направо.

— Я не по вопросу приема.

Секретарша с подозрением посмотрела на Сергея. Он вынул из кармана пиджака красную, тисненную золотыми буквами книжечку.

— Я студент-заочник института. Вот удостоверение. Я не по своему личному вопросу, а по очень важному делу. Я должен сообщить ректору о материале, опубликованном сегодня в областной газете.

— Я сейчас доложу,— сказала секретарша и юркнула в кабинет. Через минуту она появилась снова в приемной.

— Войдите.

Он вошел в кабинет.

Сергей всего два раза видел ректора Кирилла Мефодиевича Карпова, да и то издали, когда тот сидел в президиуме собрания в актовом зале. Теперь вблизи он мог хорошо разглядеть плотного пожилого человека в темных роговых очках. Крупное лицо его казалось добродушным и в то же время непроницаемым, как и глаза за темными стеклами.

Он кивнул в ответ на приветствие вошедшего головой и молча показал на стул.

— Я вас слушаю.

Колобов положил перед ним на стол газету с поэмой Андрея Бережного. Карпов несколько минут внимательно просматривал страницу, потом недоумевающе взглянул на Сергея.

— Простите, но я ничего не понимаю.

— Да вот, вот... Видите, тут.— Сергей ткнул пальцем в газетную полосу.— Видите подпись? Тут черным по белому — Андрей Бережной.

— Ну и что?

— А то, что этот Андрей два дня назад сдавал экзамен здесь, в институте, письменный, по русскому языку. Лучше, чем кто-либо из абитуриентов, написал сочинение. Но по рассеянности сделал описки и ошибки. И приемная комиссия отстранила его от дальнейших испытаний. То есть просто вычеркнула из списков. Это не правильно потому, что Андрей Бережной — толковый парень... Он отлично учился в средней школе. Это я точно знаю... А что касается сельского хозяйства, то он проходил практику на семеноводческой селекционной станции. Отлично изучил химию, физику, математику, почвоведение,— начал перечислять достоинства своего друга Сергей.

— Простите,— прервал его горячую речь Карпов.— Мне знакома эта фамилия. Не является ли он сыном... известного селекционера Бережного?

— Точно!— обрадовался Сергей.

— Гм... Значит, Алексей Николаевич его папаша?— Карпов снял темные очки и стал старательно протирать их платком.— Гм... Так вот оно что... Интересно! Помню, я Алексея Николаевича не раз журил за поэтические увлечения. Так сказать, упражнения в стихотворстве... Он талантливый селекционер, но очень странный товарищ! Ба! Да может быть, сам он и написал это, только напечатал под именем сына, а?— он хитро подмигнул Сергею.— Как вы думаете? Могло такое быть?

— Это исключено! Вы говорите, что давно знакомы с Алексеем Николаевичем. Так вы должны знать, какой он честный. Он не способен на подобные вещи.

— Да, да! Вы, конечно, правы. Я не подумал об этом,— поспешил согласиться Кирилл Мефодиевич.— А какая позиция редакции газеты по поводу всей этой истории?

— Так вот же в предисловии к стихам все и сказано. «В добрый путь!» Коротко и ясно. Дальше, читайте, пожелания автору стать хорошим агрономом и певцом нашей земли. Вот в этом абзаце.

— Спасибо. Вижу... В самом деле. Гм...— Кирилл Мефодиевич несколько секунд молчал, видимо, что-то обдумывал. Потом улыбнулся и взялся за телефон.

— Мне, пожалуйста, Викентия Евдокимовича. Извини, что сразу не распознал. Так вот, тут с абитуриентом Бережным вышла оказия. Он хорошо учился. Да, да. Он к тому же сын нашего Алексея Николаевича. Ну, понимаешь, сын! Яблоко от яблоньки далеко не падает. А вы его так... Ошибок, говоришь, много? Но у него уважительная причина, мать погибла. Не слышал об этом? Да, трагически погибла. У него, очевидно, душевная травма. А, не знали? Надо было спросить. А я разобрался. Так ты его внеси в список, пусть сдает экзамены с другими медалистами. И тут нужно проявить чуткость. Понял? Ну и хорошо,— он повесил трубку и обратился к Сергею.

— Вы будете видеть Бережного-младшего?

— Обязательно. Ведь он здесь. В приемной.

— Так, будьте любезны, позовите его сюда.

Когда бледный от волнения Андрик появился в кабинете, Кирилл Мефодиевич поднялся с кресла, подошел к нему и объявил о разрешении сдавать экзамены дальше.

Андрик так растерялся, что стоял как вкопанный перед Карповым, потеряв на несколько мгновений дар речи. А когда, волнуясь, он попытался выразить свои чувства, ректор с доброй улыбкой остановил его.

— Не надо ничего объяснять. Меня тоже зачисляли в студенты. Такое испытываешь лишь раз в жизни. Поэтому я хорошо понимаю вас.

Возбужденные до головокружения, друзья покинули кабинет ректора. Выйдя на улицу, встретили Таню. В ее руках была газета.

— Поздравляю, Андрик! — поцеловала Таня на ходу мужа и устремилась дальше.

— Куда ты торопишься? Остановись!— Оба схватили ее под руки.

— Не задерживайте меня! Я тороплюсь к ректору,— пыталась вырваться Таня, но они крепко держали.

— Не спеши! Мы уже у него побывали... А зачем он тебе?

— Хочу газету с твоими стихами показать. Убедить, что твои ошибки — просто случайность.

Сергей и Андрик переглянулись.

— Ну чего вы, черти, хохочете?— рассердилась Таня.

— Да мы уже убедили в этом ректора,— сказал Сергей.

— Не мы, а он,— поправил товарища Андрик.

— Неужели?

— Можешь определенно поздравить своего Андрика с высоким званием. Он уже студент!— с напыщенной вежливостью, дразня ее, сказал Колобков.

Не обращая внимания на идущих мимо по улице людей, Таня обняла Сергея и закружилась с ним в танце. Но потом она вдруг остановилась, сделав строгое лицо.

— А теперь, мой милый и слабонервный муж, когда все закончилось хорошо, я тебе вот что скажу: если ты при новой неудаче снова будешь психовать, то держись. Я тебе покажу!

— Учти, Танька твоя — человек серьезный. Так что, Андрик, держись,— сказал Колобков.

— Придется держаться. Уж очень она хороша!— воскликнул молодой Бережной.

— Ты о чем?— спросил его Сергей.— О поэме?

— Да нет! Что поэма! Я думаю: жизнь хороша.

— Экое открытие сделал! Придумай что-то новое. Маяковский давно это сказал,— сыронизировал Сергей.

— Эх, друг ты мой. Разве существенно, кто это и когда сказал? Важно, что именно так.

Глава 12. СОАВТОРЫ

Екатерина Ивановна при каждой встрече с Бережным подробно интересовалась его работой. В первую очередь потому, что чувствовала: он живет нелегкими поисками. Все его мысли и чувства устремлены на них. Нельзя ли помочь ему как-то?

О том, как ему трудно, Алексею Николаевичу, она догадывалась и по его измученному лицу, и по усталому взгляду

рассеянными ответами в разговоре. Она понимала, что он весь в головоломных молекулярно-биологических исследованиях. Все чаще в его речах стали проскальзывать непонятные ей выражения. Однажды, объясняя, что его чувство к ней никогда не изменится, он сказал, что они всегда будут «функционировать, потому что в них полный набор хромосом и ни одна не отсутствует». Обронил это с самым серьезным видом и для убедительности повторил: «Ни одна не отсутствует». И очень удивился, когда она рассмеялась.

— Милый мой, у тебя от этих хлопот уже ум за разум заходит.

Алексей Николаевич рассеянно потер пальцами виски.

— Да, порой я и сам замечаю это. Но не могу не размышлять...

Он часто отмалчивался на ее вопросы. И она понимала: Алексей считает, что она бессильна дать ему какой-либо мало-мальски полезный совет.

И Екатерина Ивановна решила доказать, что он ошибается. Она еще раз перечитала все его научные работы, статьи, заметки, разбросанные по разным книгам, журналам, сборникам.

Затем прочла конспекты Бережного, стенографические записи, выступления, рецензии, отзывы о его трудах — в общем, весь пестрый и обширный его архив. Разобрала и систематизировала огромную бумажную грудку печатных и рукописных материалов, которую он принес ей на хранение.

Проделав эту нелегкую работу, Екатерина Ивановна облегченно вздохнула. Она обрела некую спокойную уверенность, словно неожиданно увидела впереди цель — широкий просторный горизонт, позволяющий дышать глубоко, с наслаждением.

Ей стал ясен круг научных интересов Бережного. Это неизменно обрадовало женщину: любимый человек мужественно шел непроторенным путем. Его поиски — не шаблонны, не трафаретны. Она почувствовала гордость за своего Алексея.

Нащупав главную мысль в его поисках, она все чаще стала вести с ним разговоры об этом, зная заранее, что ему теперь будет интересно и что теперь он не сможет отделаться от нее, как прежде, ничего не значащими фразами. Ее радовало, что теперь в его глазах загорелись пытливые огоньки.

Однажды, когда Екатерина Ивановна завела с ним беседу об электрофореze белков пшеничных зерен — так называют метод разделения смеси белков на отдельные составляющие при помощи электрического поля, Бережной, откровенно волнуясь, сказал:

— Ну ты и даешь, Катя! Тут ты вступила на заветную тропинку моих поисков. Она ведет от генетики к молекулярной биологии. Знаешь, как было бы важно обнаружить прямую зависимость между молекулами белка и генетическими формулами, которые координируют их? Это было бы настоящее открытие! Конкретное, полезное дело для селекции.

— Кажется, Алеша, ты не берешь во внимание, что многие такие вопросы уже положительно решены генетиками и в нашей стране, и в других странах.

— А где у нас?

— И в Ленинграде, и во Всесоюзном селекционно-генетическом институте в Одессе.

— Ну, спасибо, Катя. По ряду причин, сама знаешь каких, у меня в последнее время был период, когда я не мог следить за новыми выступлениями генетиков. Придется наверстывать.

— Судя по тому, к чему ты пришел, ты совсем не отстал от них. И тебе совсем нечего догонять.

— А откуда ты знаешь, к чему я пришел? Я тебе ведь не говорил.

— Не воображай, что твои идеи так уже трудно постичь такой безалаберной генетичке, как я.

Это был неплохой щелчок по его самолюбию. Бережной досадливо поморщился. Но в то же время природное чувство справедливости в нем восторжествовало.

Катя была права. Он недооценивал ее как коллегу-ученого, считая, что она была способна только на компиляцию.

— Вот тебе на!

Женщина эта открылась с новой, неизвестной для него стороны. Он любил ее как самое для него родное и близкое существо. Уважал даже как добросовестную труженицу на научном поприще. Он, действительно, внимательно, с карандашом в руке прочитал и изучил ее работы. Кандидатская диссертация выражала довольно широкую эрудицию автора, хорошее знание им материала. Но ничего нового не открывала. Да, она была нужным и полезным тру-

дом, как подобные ей многие сочинения такого рода, — и только. Катинь «Рекомендации для селекционеров» ему понравились деловой направленностью, доходчивыми примерами, нужными в повседневной практике. И он считал, что эта работа и есть ее высшим достижением, на которое Екатерина Ивановна способна. Но он никогда не видел в подруге научного работника, способного к самостоятельному мышлению. И вот такое открытие! Она предстала перед ним одаренным единомышленником в науке. И это — его Катя. Как он не понимал ее, как он был самоуверен...

Екатерина Ивановна поняла его состояние. Ей стало жаль его. Но на сей раз она решила быть с ним беспощадной. Содрать эту шелуху самоуверенности, самовлюбленности, которая выросла на нем в результате непрерывных за последние годы успехов. А может быть, в результате восхвалений, дифирамбов, к которым он привык. Не передалась ли эта черта и его сыну? Не послужила ли косвенной причиной срыва Андрика на экзамене? Она решила поговорить с Бережным до конца. Припомнить ему снисходительные, ничего не значащие фразы, которыми он постоянно отделивался от нее, лишь только заходила речь о работе.

— Тебе не кажется, что меня интересует то же, что и тебя. Ты только начинаешь исследования там, где я уже давно веду работу и составила кое-какие об этом представления. Где я, наконец, имею конкретные данные. Например, я давно ищу связи генов запасных белков и хромосом. Этот вопрос, кстати, интересует не только меня, но и одесских ученых, далеко продвинувшихся в этом направлении. Они уже заглянули в некоторые тайны. Методом электрофореза установили зависимость многих хозяйственно-ценных признаков определенных блоков генов.

Екатерина Ивановна говорила горячо и долго.

— Путь, ведущий от генетики к молекулярной биологии, волнует сегодня многих. Конечно, этот путь — только начало. Только истоки к свершению твоей мечты, Алеша. Еще не может наука дать селекционерам строго научный критерий, по которому они могли бы безошибочно отобрать отдельные пшеницы, дающие высокий урожай и в то же время способные производить зерно самых высоких технологических качеств... Но поверим в будущее. Ведь ты же меня когда-то в юности призывал верить в это. Лиха беда — начало!

Сказанное вызвало в Бережном противоречивые мысли и чувства. Не нравилось, что его ученица оказалась впереди в научных поисках. А ведь он считал себя всегда первым в этих делах. Теперь, видимо, придется консультироваться у нее, придется пользоваться ее советами, рекомендациями — незадачливая роль...

Он вскочил с кресла, в котором сидел (этот разговор происходил вечером в гостиной Екатерины Ивановны), и, понуря голову, зашагал по комнате. Наконец, знакомый мягкий голос дошел до его сознания.

— Прекрати, пожалуйста, бегать. Сядь, успокойся. Ничего ужасного не произошло. Может, я тебя обидела?

Эти слова остановили его. Он сел — вернее — плюхнулся в кресло.

— Ты ничем меня не обидела. Все, что сказала, верно. Ну, а сержусь я только на себя. До чего я еще, черт меня подери, самоуверенный идиот. Действительно думал, что тебе, дорогая Катюша, никогда не разобраться в моих замыслах. Недооценивал. Не сердись. Просто я каждый раз убеждаюсь, что плоховато знаю тебя.

— Не занимайся самобичеванием. Ну, недооценивал как генетика. Теперь будешь лучшего мнения обо мне. Только и всего.

— И всего...— повторил он, как эхо.

— Милый мой, кому-кому, а тебе достаточно хорошо известно, что сейчас наука развивается широчайшим фронтом. В разных точках планеты и почти одновременно случаются открытия. Изобретения следуют одно за другим, часто как бы дополняя одно другое. Твоя так называемая сокровенная идея зрела и зреет в сознании многих ученых. К ней приводит повседневная практическая работа. Не может не привести. Например, те же одесские генетики ставили перед собой скромную задачу в отделе качества зерна — исследования технологических свойств муки, ее хлебопекарных качеств. И, проводя исследование свойств белковых молекул, пришли к более широким обобщениям.

— Да, да,— перебил он ее,— все это верно. Я подумал, Катя, что ты должна быть в моих беспокойных буднях соавтором.

— Как это? По-моему, ты обойдешься без меня.

— Нет, я не обойдусь. Он притянул ее к себе и обнял.— Катенька, это доставит мне огромную радость.

— Если огромную, то я — соглашаюсь. — Она поцеловала его и тотчас освободилась от его объятий. — А теперь уже поздно. — Екатерина Ивановна посмотрела на часы: — Без двадцати двенадцать. Одевай свой плащ и иди в гостиницу. Чтобы в двенадцать был уже в постели.

— Но, Катенька, может, я останусь? Кажется, я уже здоров.

— «Кажется» — это не убедительное слово в науке. Ты должен быть здоров, Алеша. Твое здоровье для меня — самое главное. Пойми. Я не хочу, чтобы тебя мучили кошмарные сны. Иди в гостиницу, милый. И учти, я настаиваю сейчас на этом как твой соавтор. Надо хорошо отдохнуть. Завтра нас обоих ждет большая работа.

Глава 13. ТРАДИЦИЯ

Таня говорила Андрику:

— Завтра, когда сдадим химию, пойдем в кино.

Говорила без малейшего сомнения в том, что все будет как нельзя лучше.

Андрик, не выдержав, заметил, что она не так уж хорошо знает химию и что иногда, даже отлично зная предмет, его можно завалить.

— Ты что, в своем уме? — она приложила ладонь ко лбу мужа. — Ну подумай хорошенько, как я могу не сдать химию? Я что сюда с камышом приехала? Маловер ты, настоящий маловер. Может быть, в кино не хочешь — так и скажи. А я после сдачи экзамена обязательно пойду на шестнадцатичасовой сеанс.

Присутствующий при этом Саша Неходьков не удержался, чтобы не переспросить:

— И ты ни капельки не сомневаешься, что сдашь?

Таня ожгла его огнем своих бледно-голубых глаз. Несколько раз взмахнула от искреннего удивления рыжеватыми ресничками.

— Ни капельки!

Саша пришел в восторг:

— Молодец, девушка! Ай да молодец! Ты, Таня, просто чудо!

Сашина радость ей совсем не понравилась. Таня скорчила недовольную гримасу. Она в самом деле не бравировала. Сомнения в том, что она может срезаться, ей были чужды.

Ее уверенность, не деланную, спокойную, чувствовали и экзаменаторы. Она их нисколько не стеснялась. Держалась почтительно, но непринужденно. Никогда не терялась. Таня готовилась тщательно и поэтому чувствовала себя естественно, просто, как, по ее мнению, и должно быть.

Рыженькая, похожая на подростка женщина, симпатичная хохотушка, она быстро располагала к себе людей. И не удивительно, что после окончания экзаменационной сессии ее единогласно избрали старостой группы. Именно ее, хотя она выглядела моложе всех на курсе.

Таня ровно сдала все экзамены, а на поздравления друзей отвечала с удивлением в голосе:

— А для чего же я приехала сюда из Колосовки?

Несмотря на чудеса большого портового города, на театры и кино, музеи, прогулки на катере по морю, она тосковала по своему степному поселку. Удачное завершение экзаменов ее радовало главным образом возможностью вернуться в родные места.

Проводы превратились в семейный праздник. На квартире у Екатерины Ивановны, кроме виновников торжества Тани и Андрика, собрались Бережной-старший, Сергей и семейство Неходьковых.

— Вы, дети мои,— сказал Алексей Николаевич,— теперь самые настоящие проводники науки в наших степных краях. Вам, Таня, Андрик и Сережа, передается эстафета старшего поколения.

— Ох, как побегу я с ней, с эстафетой этой, Алексей Николаевич, аж пятки засверкают! — воскликнула Таня.

Ее слова заставили всех рассмеяться.

— Я верю, что ты всех оставишь,— сказал Саша.— У тебя энергии — на десятерых.

— Не захваливай ее! Видишь, уже нос дерет,— заметил Андрик. Ему не нравились постоянные комплементы Саши в адрес его жены.

— Ну как не хвалить Таню, если она заслуживает? У меня это от души...

Новая похвала молодого Неходькова заставила Андрика помрачнеть. А Саша все подливал, как говорится, масло в огонь.

— Твоя Таня так интересно рассказывает, что мне захотелось в Колосовку. Летом в отпуск приеду к вам. Можно?

— Милости просим, ты не разочаруешься в нашем поселке, — поспешила пригласить его Таня.

— А если он мне понравится, то я закончу медицинститут и попрошу направить меня туда...

Андрик нахмурился еще пуще. Но у Тани было свое мнение на этот счет.

— Обязательно берите назначение в Колосовку. Нам нужен хороший врач, — деловито заявила она. — Дельный доктор под боком.

Танина фраза вызвала взрыв веселья.

— Ох, и практичная у тебя жинка, — сказал Бережной сыну: — Дельный доктор под боком — лучше и не придумаешь.

Один Андрик не разделял общего веселья.

— Зачем ты его тянешь в Колосовку? — ревнивым шепотом упрекнул он жену. Таня возликовала: наконец-то ее холодноватый, гордый Андрик не в силах скрывать свои чувства. Он ревнует ее! «Давай, давай, — думала она про себя. — А то я уже думала, что ты стал относиться ко мне с прохладцей».

— А ты ведь, сын, хотел побывать в дальних рейсах, повидать моря и океаны, все порты мира. Я хотел, было, помочь тебе в этом, — долетели до Таниных ушей слова капитана Неходькова.

— Я передумал, отец, — подкручивая ус, бархатным баском откликнулся Саша. — Меня очень заинтересовала, — он пристально посмотрел на Таню, — поэма Андрика о колосовском крае. Вот и потянуло туда.

Андрик сидел, понутив голову. Этот черноусый наглец вызывал в нем раздражение. Он стал догадываться, что Саша хвалит его стихи лишь потому, чтобы удобнее было ухаживать за Таней. А та, как бы не замечая сердитого лица Андрика, наградила Сашу нежным взглядом.

Это переполнило чашу его терпения. Когда ужин кончился и все вышли из-за стола, Андрик молча взял под руку Сашу и повел его на балкон.

— Слушай и запомни, — сверкнул он узкими глазами, — тебе не удастся поиграть со мной.

— Не понимаю, — побледнел Неходьков-младший.

— Я могу объяснить, — придвинулся к нему ближе Андрик.

Он хотел сказать что-то резкое, но сзади кто-то крепко сдавил его за локоть. Он обернулся и увидел улыбающееся

лицо Сергея. Видимо, тот догадался, зачем Андрик повел Сашу на балкон, и последовал за ними:

— Вы, хлопцы, воздухом дышите? Да-а! Гляньте — такой вечер! Выйдем на улицу, пройдемся по бульвару, пока Екатерина Ивановна чай приготовит. Пошли!

Андрик перевел дух. И сразу стало стыдно, что Сергей слышал его задиристые слова. И почему-то вдруг стало жалко Сашу. Вся злость у Андрика мгновенно испарилась.

— Ладно, пойдем на улицу, — вздохнул он.

— Да, вечер и вправду неплохой, — согласился Саша.

И через несколько минут они дружно зашагали по бульвару.

К вечеру на другой день молодые колосовцы на газике старшего Бережного двинулись в родной поселок. Машину вел Колобков.

Ехали в приподнятом настроении: все трое добились того, к чему стремились. Сергей перешел на третий курс. Таня и Андрик стали студентами. Есть о чем доложить землякам — не уронили честь родного колхоза.

Уже в степи стало темнеть, когда машина вышла к колосовской балке. Подъезжая к усадьбе Бережных, увидели в окнах дома свет. Таня даже взвизгнула от радости.

— Значит, в доме кто-то есть, не забывают! — Она захлопала в ладоши.

У калитки их встретила мать Сергея.

— Мама, как ты здесь оказалась? Почему не дома? — спросил сын. — Пришла нас встретить?

— Да я тут почти со дня вашего отъезда. Илларион Макарович попросил, чтобы я хату доглядывала.

— Так тебе же отсюда ходить на работу далеко!

— Пустое, — засмеялась Зинанда Порфирьевна. — Он, председатель, утром за мной машину присылает. А вечером с работы иногда сам подвозит.

Не успели прибывшие выгрузить из машины вещи, как раздался шум мотора, и к газiku подкатил красный мотоцикл. С него сошел, снимая шлем и очки, Головченко.

— Здорово, герои, — прогорланил он и стал чинно обнимать каждого.

Потом председатель, лукаво посмотрев на Андрика, спросил:

— И как?

Андрик сказал правду:

— Провалился! На первом же экзамене, с треском.

— Не может быть! Не обманывай старика. Ведь я звонил в институт и спрашивал. Мне ответили, что тебя приняли. И жену твою, рыжуху, тоже. А Сергей дальше шагает. И теперь ты такое говоришь! Вот у меня даже сердце кольнуло,— Головченко положил руку на грудь.— Такими вещами не шутят.

— Успокойтесь, дорогой Илларион Макарович. Честное слово, на первом экзамене провалился. Плохо написал сочинение. Но меня приняли.— И он рассказал старику все по порядку.

— То-то же,— проворчал Головченко и вдруг сердито обрушился на Андрика: — Ты мне брось на себя нелепости возводить. Чтоб этого более никогда не было! Приняли тебя чин-чином в студенты — и все. Не надо слухи разные сеять. А вирши твои читал. Поздравляю! Только ты не очень-то зазнавайся...

Приструнив, как он считал, молодежь, Головченко ласково погладил рыжеватую головку Тани.

— А традиция? — спросил он.— Традицию вы забыли?

Сергей Колобков первым понял, о чем ведет речь председатель.

— Наверное, придется отменить... К тому же цветов голубых нет.

— Эх, Сергей, хоть и давно мы с тобой знакомы, да плохо ты меня знаешь. Вы еще в институте экзамены сдавали, а я уже об этом распорядился. Есть голубые цветы! — Он вынул из багажника завернутый в газетку снопик.

Через пятнадцать минут подъехали к Ильчуковой запруде. И один за одним пошли на середину дамбы.

Над ставком темнел густо усеянный звездами небосклон, острые вершины оголенной поздней осенью рощи. Тихий теплый ветер дышал горьким запахом упавших листьев. Над серединой ставка висел, словно кораблик, сплетенный из блестящей соломы, месяц. Его золотое соломенное доннышко светилось на темно-лиловой глади воды.

— Ты, Зина, одна видела и помнишь, как тогда это случилось. Ильчук погиб на этом месте, где сейчас месяц отражается?

Илларион Макарович развернул газету, в которую был завернут букет сухих голубых васильков.

— Вы,— обратился он к молодым,— на его тропу вступили — в дружбе с наукой землю нашу счастливой сделать. Это ваш долг.

И он первым бросил в темную, отражавшую звезды воду пучок голубых цветов. То же самое сделали и остальные.

Цветы медленно поплыли, подталкиваемые ветерком, к тому месту, где отражался месяц.

* * *

После отъезда «детишек» — теперь так нежно Бережной называл не только сына и его жену, но и Сергея Колобкова — Алексей Николаевич почувствовал, что тоскует по молодежи. И по сельским горизонтам. И если бы не Екатерина Ивановна, не совместная работа с ней, возможно, он бы не выдержал этой властной тяги и однажды ночью, вскочив с постели, сел бы в газик и помчался, чтобы обнять детей, спросить, как их дела, объехать всю колосовскую округу. Но увы! Машины у него тоже не было. Он отдал ее Андрику, чтобы, как говорится, с глаз долой, чтобы газик не соблазнял на такие подвиги. Но тоска по родным краям не покидала его ни днем, ни во время сна. Ему снилось все, к чему прикипела душа за тридцатилетнее житье-бытье в Колосовке. Покойная жена, усадьба, поле. Снилось порой и очень давнее, самое начало его работы агрономом: создание опытного поля, дружба с Семеном Ильчуком. Привиделось однажды во сне, как они с Семеном на дне оврага у старой ольхи планировали постройку плотины. Отчетливо вспомнились ему облака в голубизне неба, плывшие тогда над чашей будущего водоема, и карие монгольские глаза Семена, пристально следившие за этими облаками. Просыпаясь потом, он удивлялся, до чего крепка и объемна человеческая память. А иногда под утро приходила во сне она, Шура. Садилась в ногах на кровати, и начиналась долгая беседа. Лицо Шуры возникало перед ним ясно, во всей его неповторимости, с каждой запомнившейся черточкой, с каждой складочкой... И вдруг больно уколола мозг мысль, что все это лишь сон. Алексей Николаевич просыпался и долго смотрел в предутреннюю мглу комнаты.

На работе, когда он оставался наедине с Екатериной Ивановной, она, глядя на его обострившееся лицо, темные полукружья под глазами, спрашивала:

— Опять приходила она?

Ему не хотелось даже ей рассказывать о таких сновидениях. Но под ее взглядом он признавался:

— Да.

— Вот видишь, а говорил мне, что уже здоров. Почему не лечишься? Тебе врачи что прописали?

Она знала, что у него для лечения не было времени. У него было крепкое здоровье. Иногда, правда, были полученные на войне раны, но, кроме этих недомоганий, он ничем не болел. Поэтому он упорно верил, что сможет в конце концов без помощи врачей поправить свою потрясенную горем психику.

— Это все пустое, Катя. Пройдет. Надо уставать так, чтобы с ног валиться. Тогда и для сновидений времени не будет. Разбаловался я немного. Разнежился.

— Ты на себя наговариваешь. И так работаешь за десятерых. Тебе все же нужна врачебная помощь. Ты должен серьезно лечиться.

— Они же сами сказали, что я здоров. Мол, режим — и все.

— И уколы, и процедуры,— добавила Екатерина Ивановна.

— Ох ненавижу эти процедуры! Время на них терять жалко. Думаю, еще парочку дней, и пройдет все. Отрегулируется.

Однако дни проходили за днями, а психика все не «регулировалась». Екатерина Ивановна с тревогой смотрела на любимого человека. Он с похвальной одержимостью по двенадцать часов в сутки, не разгибаясь, проводил с ней и Сизоненко за стереоскопом, проверяя тысячи образцов семян для дальнейших исследований и испытаний. Временами о чем-то задумывался, и Екатерина Ивановна, хорошо изучившая Алексея, понимала, что он думает не о работе, что его мысли где-то там, далеко от лаборатории, от нее, от их института.

Как-то она перехватила его взгляд и тронула за плечо.

— Алеша, а не съездить ли тебе на парочку дней в Колосовку?

— И ты со мной? — сразу оживился Алексей Николаевич.

— Ну зачем я тебе там? Только помеха. А ты немножко развеешься. Детишек повндаешь, Головченко.— Она стала перечислять по порядку всех, по ком тосковал он.— Осмотришь озимые, как они там взошли.

У Бережного заблестели глаза.

— Ну, а ты как — одна? Без меня?

Екатерина Ивановна засмеялась.

— Как раньше. Почти четверть века... И знаешь старую песню? «Есть у нас еще дома дела...»

— Понимаю. Дел у тебя хватает.

— К твоему приезду даже не успею переделать. И стирка, и глажка, и вообще уборка квартиры...

— Понимаешь, железной дорогой долго ехать, а свою машину я отдал Андрику. А побывать там хочется. Прямо на крыльях бы полетел.

— Ну и лети на крыльях.

Так и решили, что он полетит самолетом.

Он никого не предупреждал о своем прибытии, но Алексея Николаевича ожидали на аэродроме. Когда он вышел из самолета, то был изумлен, увидав, что его встречают не только великовозрастные «детишки», но и Илларион Макарович. После объятий, естественно, он спросил:

— Откуда узнали?

Встречавшие переглянулись. А секрет раскрыла Таня.

— У меня диспетчером-кассиршей в городе подружка работает. Она мне и позвонила. Ну вот... Мы успели...

— Невероятно все это,— улыбнулся Андрик.

— Невероятно, но тем не менее факт. Поэтому позволь мне преподнести тебе сюрприз,— и Алексей Николаевич вручил Тане коробочку, из которой она извлекла маленький театральный бинокль.

Он напоминал портсигар, который мог уместиться в сумочке, в кармане. Эту вещицу Алексей Николаевич увидел в ларьке аэропорта, когда перед посадкой вспомнил, что летит к близким без всяких подарков и сувениров. Портативный бинокль ему так понравился, что он взял еще два таких — все, что имелось в ларьке. Теперь, кроме Тани, он подарил их Сергею и Иллариону Макаровичу.

Получив эти дары, все, кроме Головченко, остались довольны. Илларион Макарович ожидал, что старший Бережной непременно привезет семена новых сортов озимых или семена тыквы — тритикале. Может быть, намного превосходящий тот, что подарил калининцам. Театраль-

ный бинокль, даже необычный, не мог заменить то, чего он ожидал.

Принимая подарок, Головченко хоть и поблагодарил за него, но все же не мог удержаться, чтобы не проворчать:

— Я в театрах редко бываю. А если смотрю — всегда своими глазами, без этих самых биноклей.

В душе он негодовал на Бережного: «Уже огорожанился до того, что понятие потерял, что сельскому человеку надо».

А Бережной, как только увидел свой газик, сразу, словно джигит к любимому коню, направился к машине. Он сел за баранку, пытаясь объяснить своим детям и Головченко, какое он испытывает наслаждение, когда руль снова в его руках.

— Сколько тысяч километров я промчал на нем!

Все сразу поняли и оценили его чувство, но когда Алексей Николаевич повел машину не к дому, а в противоположную сторону — в поля, запротестовала Таня. Попросила поворачивать к дому.

— Нас ждет с обедом тетя Зина. Надо поспешить, иначе все остынет, — решительно сказала она.

Старший Бережной пустил в ход все свое красноречие, чтобы ее успокоить. Уж очень его манили к себе изумрудно-зеленые всходы озимых, уводившие взор в дальнюю даль, в дымку горизонта.

— Танечка, милая... Ничего, если обед чуть приостынет. Сейчас еще рано садиться за стол. Да и Зинаида Порфирьевна нас, думаю, простит, а?

— А то, что тетя Зина нервничает, не в счет? Надо уважать людей! — твердила Таня.

И старший Бережной в глубине души посочувствовал младшему, подумав, сколько в этой маленькой женщине энергии и настойчивости. Он уже готов был пойти на капитуляцию перед невесткой, повернуть машину к дому, но тут ему пришла мысль отвлечь ее. И он обратился ко всем, кто сидел в машине:

— Друзья, я привез вас сюда затем, чтобы вы оглядели поля... Давайте выйдем из машины... Настройте ваши бинокли!

Алексей Николаевич остановил газик. Сам первый вышел из кабины. За ним последовали остальные. Машина остановилась в метрах двадцати от межи поля, где зеленели ростки нового сорта озими — карликовой пшеницы так

называемого интенсивного типа. От каждого ростка в будущем должен подняться огромный колос на коротком стебле. Первой пробой этого сорта колхоз «Дружба» засеял в этом году по совету Бережного более тысячи гектаров поля. Сейчас эти гектары зазеленели: значит, новый сорт отлично приживался.

— Наведите бинокли и гляньте на озимь,— скомандовал Бережной-старший.

Таня опередила всех. Зеленые кустики приблизились к ее глазам.

— Я сейчас словно лицом в листочки уткнулась.— Танино восклицание привело в веселое настроение даже Головченко.

— Добре приближает, что твой цейсовский. За тридцать метров росток, а будто у самого носа. Вот теперь я понял, что ты полезную вещь привез... Теперь это завсегда в кармане таскать буду. Легче будет по полям шагать. Ну спасибо,— от души поблагодарил председатель.

Алексей Николаевич и не предполагал, что театральный бинокль сможет найти свое применение на полях. Но, главное, его радовало то, что Таня увлеклась новой игрушкой. При всей своей практичности она, казалось, забыла об обеде. Уже сидя в машине, вспомнила о нем и тете Зине.

Для Алексея Николаевича объезд полей, где зеленели озимые, превратился в настоящий праздник. Он видел, как вели себя семена посеянных сортов пшениц в естественных условиях, в земле, под открытым небом, как готовились крохотные стебельки ухватиться своими корнями за почву, как смело тянулись ввысь, не боясь, что впереди еще крепкие зимние холода, снег, обледенение. Сколько непонятной жизненной силы в каждом кустике, в то же время — сколько различий во внешнем сходстве этих стебельков. Нужен опытный взгляд селекционера, чтобы даже на этой стадии развития растений обнаружить их особенности, их неповторимость. И лишь генетик знает о тайнах, о неисследованных свойствах того или иного сорта растения, о тех самых, что формируют его особенности: длину колоса, количество зерен в нем, число листьев и его выносливость.

Объезжая поля, оглядывая всходы, Бережной говорил своим спутникам:

— Вот смотрите. Это пшеница, созданная нашим замечательным селекционером Лукьяненко. Высокоурожайная.

Ее особенность: в одну из ее хромосом попала половинка хромосомы ржи. Вот откуда у этого гибрида его необычные свойства.

Особенно задержался Алексей Николаевич на полях селекционной станции. Здесь поднялись зеленые кустики сортов с так называемыми запасными белками, над которыми у него шла сейчас исследовательская работа в лаборатории.

Объезд порадовал Бережного. Он удостоверился, что база будущего урожая толково и удачно заложена.

— Как на грех дождей вторую неделю нет. Небо — как синька. Сухая осень, язви ее в корень! — пожаловался на погоду Головченко.

— Ничего, в этой осенней засухе наши всходы не сдадут. Земля накопила влагу, и озимые в норме. Видите, кое-где отлично вытягивают.

— Да вижу, — буркнул председатель.

— Так чего же вы панику разводите? Опять, наверное, небу кулаком грозили.

— Грозил. Хлебороб всегда должен быть недоволен. Обычай такой старинный есть.

— Плохой обычай. Из тех времен, когда человек темным и запуганным был. Хотел всех обхитрить: и бога, и черта, и барина. Всем со страха врал.

— Знаешь, Алеша, видно, горбатого могила исправит, — признался старик.

— Что ж, друзья... Вижу, настроение у всех отличное, беру курс на дом, — Бережной вывел машину на шоссе.

* * *

Когда они вошли в дом, Зинаида Порфирьевна только заканчивала приготовление обеда.

— А ты торопила, — упрекнул Таню муж.

— Отец отдохнул бы...

Бережного действительно потянуло отдохнуть. Особенно это желание стало острым, когда он вошел в кабинет, взглянул на удобное кожаное кресло, на диван, где рядом стояли его шлепанцы. Ох, как хотелось растянуться на диване и вкусить покой! Почувствовать весь этот комфорт, которого он, уже немолодой человек, сам себя лишил. Стал скитаться по гостиницам, по ухабистым дорогам, по широким нескончаемым полям...

Он сел в уютное кожаное кресло, в котором так давно не сидел, и почувствовал, что блаженно утопает в сонной неге. Еще миг — у него сами закроются глаза. Сколько раз такой соблазн вставал перед ним. А он преодолевал его. Он сражался, умирал, воскресал, любил, ненавидел, учился, учил других и дьявольски много работал...

Бережной поднялся с кресла. Чтобы стряхнуть усталость, потер затылок. Так в юности делал ему перед третьим раундом тренер, чтобы выпустить бодрым на ринг.

Он вышел из кабинета в столовую.

Глава 14. СПОР

Приветливо, хотя несколько и суховато, его встретила Екатерина Ивановна. Взглянув на ее нахмуренные брови, он понял, что она скучала по нем. И он спросил напрямик об этом.

Она ответила не таясь:

— Очень, очень... А ты доволен поездкой?

— Еще как!

— И, наверное, меня и не вспоминал?

— Не вспоминать тебя нельзя. Привет от всех «детшек», от Иллариона Макаровича и Шеварутина. Я к нему заезжал. Уже на пенсии, но держится молодцом.

— Спасибо, Алеша, а теперь самое важное, — Екатерина Ивановна снова нахмурила иссиня-черные брови. — Мне пришла идея применить для ускорения отбора низкорослой пшеницы, когда у нас в теплицах появляются первые ростки, простой способ, который применяют американские ученые.

— Ты говоришь об опрыскивании проростков гибберелловой кислотой?

— Да. У растений, в эндосперме семян которых много копий генов, гибберелловая кислота, играющая роль гормонов, убыстряет рост. А у нужных нам низкорослых растений мало копий генов. Их рост не интенсивный. Таким образом, мы легко отберем нужные нам карликовые экземпляры, те, у которых в молекулах клеток заложены природой нужные нам механизмы.

— Ты говоришь дело. Я сам думал, как убыстрить работу.

И они, отвлекаясь для коротких советов друг с другом, еще горячее брались за работу.

Они старались найти связь между молекулами белков и генетическими структурами, фотографировали сложный удивительный мир, открывающийся оку электронного микроскопа. Надо было сделать множество снимков, чтобы не ощупью двигаться к цели. Надо было кусочек плоти зерна провести через исследования, получить электрофореграмму, по ней определять, какое потомство может дать это семя. Будет ли прок от такого зерна. Надо было тысячи образцов исходного материала проверить, испытать, чтобы это были надежные родители будущего урожайного сорта пшеницы...

Вскоре всем в институте стало известно, что они совместно ведут исследования по созданию нового сорта озимых, исходным материалом для которых служит местная степная пшеница.

Факт болезненно отразился в сознании Пескова. И не потому, что Екатерина Корнедуб являлась его бывшей женой и он ревновал ее к Бережному. Валерий Борисович это пережил бы. Но задевало то, что советчиком и соавтором Бережного в его опытах стала она, всего лишь кандидат наук, а не он, опытный специалист.

Со скорбным, обиженным выражением лица Песков однажды предстал перед директором института Крыленко.

— У нас в лаборатории происходят странные вещи, Федор Петрович,— начал он сразу без околичностей.— Опыты, которые проводит Бережной,— не просто рядовая работа. Это генеральное направление всех усилий нашей лаборатории. К нему должны быть привлечены самые квалифицированные и солидные силы. Но, странное дело, в решении такого важного задания обходят наиболее компетентных специалистов. Я не говорю про себя лично как заведующего лабораторией. А наших ведущих биологов, биохимиков, цитологов, физиологов, фитопатологов почему забыли? Надо прикрепить к Бережному и Корнедуб ударную группу ведущих ученых. Что значит их соавторство? Этого слишком мало! Не личным же делом занимается Бережной — тут государственный интерес. Надо усилить их соавторство.

— Вы говорили уже с ними?

— Пытался, но он, наверное, недопонимает этот очевидный аспект.

— Но ведь мы не можем навязывать. Исследование — дело творческое.

— Так-то оно так. Но тут есть одно щекотливое обстоятельство. Они, по-моему, в интимно-близких отношениях. И это официально называется семейственностью.

Видя, что лицо академика порозовело, Валерий Борисович поднял руки, растопылив пальцы.

— Только, Федор Петрович, не подумайте, что я хочу скомпрометировать коллег. Я только по-товарищески хочу заметить, они в силу семейной близости не могут принять принципиально верного решения.

— Странно вы рассуждаете, Валерий Борисович.

— Но налицо — семейственность?

— Я все же не предполагал, что вы дойдете до этого.

— Но это, как ни печально, все же факт.

— Какое вам дело до их личных взаимоотношений? Это ни вас, ни меня не касается.

— Все же я прошу официально рассмотреть мое предложение, исходящее от лица, ответственного за работу лаборатории, от заведующего. Прошу решить вопрос с прикреплением компетентных специалистов к работе Бережного и Корнедуб.

— Это можно сделать только с их согласия.

— Так я прошу — поговорите с ними об этом. Им даже выгоднее самим принять мое предложение.

— Хорошо. Мы вызовем и поговорим. Прямо сейчас.

Песков насупился. Перспектива вести разговор на столь щекотливую тему с Бережным и Корнедуб показалась ему опасной. Пусть лучше академик один попробует воздействовать на них, уговорить.

— Простите, Федор Петрович, но вы в лучших отношениях с Бережным, чем я. Просто умоляю, для пользы дела, поговорите с ним и с Екатериной Ивановной без меня. Добейтесь разумного решения этого вопроса, — Валерий Борисович неожиданно поклонился и быстро вышел из кабинета.

Крыленко пригласил «научную пару» к себе.

— Вы, соавторы, не чувствуете ли необходимости расширить в вашем деле круг сотрудников? Может быть, подкрепить работу группой квалифицированных специалистов?

— К нам уже по ходу исследования подключился товарищ Павел Stanisлавович Сизоненко. А дальше видно будет. Может быть — понадобятся еще, а сейчас справляемся, — ответил Бережной.

— Ясно. А тут уже о вас некоторые беспокоятся. Внесли предложение: у соавторов ведущая работа, надо, мол, облегчить труд для их же блага.

— Такое «облегчение» лишь внесло бы неразбериху, снизило бы реальную отдачу. И, позвольте спросить, Федор Петрович, кто о нас так трогательно печется? Если не секрет?

— Конечно не секрет. Предложение исходит от вашего шефа Пескова.

— Какая наглость! — воскликнула Екатерина Ивановна. — Он уже не раз заводил при мне разговор с Алексеем Николаевичем о том, какую пользу в исследованиях, которые мы ведем, мог бы принести еще один эрудированный генетик, то есть он сам. А затем упоминал о своих связях в высших ученых сферах, о роли печати в создании популярности научным трудам...

— Как вы, Алексей Николаевич, отнеслись к предложениям Пескова? — спросил академик.

— Да никак. Мне просто было стыдно за человека. И я делал вид, что мне непонятны его речи. Всячески избегал встреч, никогда не заходил в его кабинет, хотя он постоянно приглашал побеседовать по душам.

— Боялись?

— Немного, — признался Бережной. — Боялся, что не выдержу, сорвусь и еще, чего доброго, оскорблю его.

— Ну что ж, мне окончательно ясно: предложение Пескова не состоятельно и исходит не из творческих побуждений. Я верю в продуктивность вашего соавторства. Верю, что вы создадите то, о чем мечтаете, потому что знаю ваши способности. И твои, Алеша, и твои, Катя... — сказал после некоторого раздумья академик. Затем лицо его приняло веселое выражение и он спросил: — Мне хочется вторгнуться, с вашего позволения, на правах давнего знакомого, а, если вы позволите так считать, то и друга, не в служебные ваши отношения, а в личные. На каком они уровне?

Екатерина Ивановна покраснела, хотела что-то сказать, но ее опередил Бережной.

— Через два месяца! Именно тогда мы пригласим вас на свадебный ужин. Раньше не сможем, так как не решены кое-какие проблемы.

— Да, Федор Петрович, так что готовьтесь, — добавила Екатерина Ивановна.

— Видно, с жильем у вас не ладно?

— У меня двухкомнатная, а он,— она показала на Алексея Николаевича,— в гостинице пока. У него столько всяких вещей: и архив, и коллекции. Да он еще считает, что нам надо обязательно домашнюю теплицу и лабораторию развернуть, что все это в мои две комнаты не втиснешь.

— Я его, Катя, знаю! Он в Колосовке весь дом свой в научно-исследовательский комплекс обратил. Но вот посмотрите сюда,— Крыленко показал на видневшийся в проеме широкого окна кабинета силуэт высотного дома, над крышей которого поднималась решетчатая стрела подъемного крана. — Видите? Это двенадцатиэтажное здание. Строится самый высокий дом в нашем селекционном городке. Он специально для работников нашего института. Там будет выделена для вас, друзья, четырехкомнатная квартира. Такая, чтоб вы вместились со всеми архивами, оранжереями, домашней лабораторией. Я буду ходатайствовать перед исполкомом. Так что готовьтесь к новоселью.

— Когда это может произойти? — спросила Екатерина Ивановна.

— Строители обещают сдать дом в конце года. Может быть, так оно и будет.

— Тогда наш свадебный ужин совпадет еще с одним семейным событием — новосельем. Первым нашим гостем на этом празднике будете вы.

— Спасибо за приглашение,— Крыленко взглянул на часы.— Ой-ой, мне уже скоро надо быть на сессии Южного филиала Академии. Извините, мне пора...

На другой день он вызвал к себе Пескова. У них состоялся неприятный для последнего разговор.

— Мне не хотелось бы огорчать вас, но дело обстоит так. Соавторы, ознакомившись с вашим предложением, отклонили его и выразили мнение, что оно не только ошибочно, но и продиктовано не творческими соображениями.

— Как вы лично отнеслись к моей инициативе? — мрачно спросил Песков.

— Я должен поддержать соавторов.

— Мне тяжело слушать это от вас, Федор Петрович.

— Мне было еще тяжелее слушать то, что вы говорили мне вчера. Так что и вы поймите...

— Вот и договорились, — криво усмехнулся Валерий Борисович.

— Совсем не договорились. Я хочу вам сделать предложение. Не согласитесь ли вы перейти на более спокойную, но лучше оплачиваемую должность? Заведующим контрольно-счетной лабораторией.

— Значит, вы считаете, что я творчески ни на что не способен?

— Почему? Ведь повышение в ранге и зарплата выше.

— Так-то так, да творческой инициативы никакой. Эта должность — почетная. А ведь я как-никак ученый.

— Я не отрицаю этого. Но поймите, чтобы заведовать лабораторией фитотрона мало быть хорошим специалистом. Надо еще сочетать это с умением руководить, вести за собой творческий коллектив. А вы все больше и больше отрываетесь от него, потеряли всякий контакт с людьми. Начали опасно срываться.

— Что вы имеете в виду?

— Ваше так называемое предложение, замешанное на мелкой интриге. Вам лучше возглавить контрольную лабораторию. Людей там мало. Электронно-счетные машины в основном. Вам некому будет завидовать, портить себе и людям нервы.

— Не иронизируйте так надо мной, — сверкнул выпуклыми глазами Песков. — Я никогда не дам согласия на переход с моей должности на другую.

— Не горячитесь. Время прояснит истину. К тому же я уверен, что жизнь убедит вас и вы сами попросите о переводе на заведование контрольной.

— А я говорю — никогда! — хлопнув дверью, Валерий Борисович вышел из кабинета.

Глава 15. ПРОНИКНОВЕНИЕ В ТАЙНУ

...только влюбленный
имеет право на звание человека.

А. Блок.

Интриги Валерия Борисовича возмутили Корнедуб и Бережного.

— Я объяснюсь с Песковым и так проверю, что у него навсегда пропадет охота выяснять, кто с кем в каких отношениях.

— Пойми, Алеша, — возразила Екатерина Ивановна, — объясняться и ссориться с таким человеком — это только

унизить самого себя. Что ты докажешь ему? Есть более сильное средство воздействия.

— Какое?

— Не разговаривать с ним, не замечать. Будто бы он и не существует на свете.

— Ты даешь хороший совет, но, мне кажется, нелегко будет удержаться от желания разнести Валерия Борисовича в пух и прах.

— Конечно, нелегко, — горько усмехнулась Екатерина Ивановна. — А ты все же попробуй взять пример с меня. Я почти двадцать лет работаю рядом с ним, и за это время не сказала ему и двадцати слов. И если сказала, то по крайней служебной необходимости.

Через некоторое время Песков пришел в аппаратную, где работал вместе с Бережным Сизоненко. Павла Станиславовича Песков нисколько не стеснялся. И поэтому в его присутствии сказал Бережному:

— Я не знаю, как информировал вас о моем предложении Крыленко. Не знаю, что он сказал вам, но мной, поверьте, руководило лишь доброе желание. — И Песков стал пространно объяснять свои намерения.

Алексей Николаевич буквально дрожал от гнева. Он ненавидел лицемеров, тем не менее, пересилив себя, сумел подавить раздражение. Даже не удостоил Пескова взглядом.

Облизав сухие губы, Песков в бешенстве выбежал из аппаратной. Он был подавлен молчанием Бережного, за которым, понимал, таится глубокое презрение к нему.

— Что ты так с ним? — спросил Сизоненко, свидетель этой сцены.

— Как?

— Ну, не разговариваешь?

— А как ты думаешь?

— Из его оправдательной речи я понял, что он очень хочет стать участником наших опытов. И еще — он навязывается через Крыленко в соавторы.

— Ты сказал точно, именно навязывается. Но делает это подло, как настоящий интриган-демагог. Поэтому я прервал с ним всякие контакты.

— Кажется, ты здорово отбрил его. — И, подумав, Сизоненко добавил: — Я тоже перестану с ним разговаривать.

И тут опять в аппаратную вторгся Песков.

— Павел Станиславович, вам сегодня нужно провести микробиологические исследования и сделать фотографии пыльцы. Провести анализы, поданные в порядке очереди. Пока не выполните их, отложите все другие работы. Слышите?

Сизоненко молча кивнул головой в знак того, что он слышит, и повернулся спиной к Пескову. Тот позеленел от злости.

— Вы что, тоже лишились речи?

Сизоненко продолжал молчать.

— Если вы не будете исполнять сказанного мною, я подам на вас докладную директору.

Не дождавшись ответа, Валерий Борисович, кусая пухлые губы, вышел из аппаратной. Он чувствовал себя так, словно пол из квадратных плит стал колебаться под ним, как корабельная палуба в шторм.

Сизоненко вопросительно посмотрел на Бережного.

— Что делать? Придется отложить нашу работу и заняться очередными анализами.

— Обязательно. Можно было бы подождать с этими анализами. Они все равно будут после исполнения лежать без всякого движения недели. Исследования эти — не срочные. Но формально Песков прав. И ты обязан выполнять его распоряжения,— ответил Алексей Николаевич.

— А как наша работа?

— Будем заниматься ею после рабочего дня. Вечером, даже ночью. Я уже имею нужные навыки. Ночью даже спокойнее работать.

— Ну, я тогда тоже буду ночью.

— Вот и отлично.

В аппаратную вошла взволнованная Екатерина Ивановна.

— Песков запретил фотографам проявлять пленки с нашими снимками. С теми самыми, по которым можно отличить хромосомы ржи и пшеницы и, таким образом, определить, как шло формирование наших гибридов. Без таких снимков нам, Алеша, не обойтись. Какой ты видишь выход?

— Самый простой, Катя. Я сейчас пойду к директору института и объясню, что Песков сознательно тормозит, срывает нам работу. Валерий Борисович получит нахлобучку и попутное распоряжение не вмешиваться в наши дела.

— Только не это! Ходить с жалобами! Ставать на одну доску с ним... Противно.

— Мне самому не очень приятно. Но что делать?

— Мне кажется, вот что. Ведь я тоже какой-то фотограф. Несколько лет занималась тем, что проявляла эти самые негативы. Я могла бы проявить наши снимки даже быстрее. Если бы найти темную комнату и воду в кране. В моей квартире уж очень широкие окна. Их не затемнишь, никакой шторы не хватит. Вот если бы чуланчик какой-либо, без окон, с розеткой. Самый простой уголок. Остальное — фиксатор, лампы, аппаратура, ванночки — у меня есть...

— Чуланчик? Катя, у меня он есть! И тут, рядом, в гостинице. Мне дали его как подсобку. Кран рядом, проведем к ванночке шланг. Не знаю только, как там электро-сеть.

Подсобка, маленькая кладовая, оказалась неплохой фотолaborаторией. Бережной тут же вынес из нее архивы, конспекты своих записей по селекции, связки журналов. Лишь злополучный бак с бензином было некуда вынести, и он поставил его в углу. Из-за этого бака в кладовой запахло, как на складе нефтепродуктов.

Алексей Николаевич хотел отвезти его за город и просто сбросить с машины, но Екатерина Ивановна запротестовала.

— Нельзя выбрасывать подарок сына. И вообще бензин тебе еще понадобится для поездок.

— Но ведь того... так пахнет.

— На меня этот запах не действует. Не будь неженкой.

Так и решили. Розетка в подсобке имелась, и Бережной подключил лампы, установил столик с увеличителем, ванночки с раствором для проявления отпечатанных снимков и — работа началась.

Вечером Екатерина Ивановна проявила и отпечатала первую серию фотографий. Без всяких словопрений, нерво-трепки продолжалась исследовательская работа соавторов. Их многозначительное молчание испугало Пескова больше, чем возможные жалобы, которые не последовали. И через несколько дней он подошел к Бережному.

— Вы, наверное, думаете, что я нарочно, желая насолить вам, запретил вне очереди проводить микроскопию ваших исследований или проявлять пленку фотографу? Меня

заставило отдать такое распоряжение только крайнее обстоятельство. Сейчас ликвидирован затор в этой области и, пожалуйста, опять зеленая улица для ваших работ открыта. К сожалению, приходится иногда принимать меры для поддержания порядка. Еще раз повторяю — можете снова продолжать...

Бережной и Кориедуб молча выслушали его речи. Но Сизоненко, несмотря на то, что он тоже дал обет молчания, не выдержал и вдруг засмеялся — от души, негромким смехом. Валерий Борисович замолчал, махнул рукой и, провожаемый насмешливыми взглядами сослуживцев, вышел из комнаты. Первый раз в жизни он по-настоящему растерялся и не знал, как тут поступить.

Разрешение Пескова несколько припоздало. Соавторы приспособились к работе в ночных условиях. Ночью им работалось и спокойнее, и, как казалось, продуктивнее. У Екатерины Ивановны снимки получались качественнее, чем у лаборантов-фотографов.

Все шло нормально, но однажды вечером Екатерина Ивановна встревоженная вошла в лабораторию, где занимался Бережной.

— Алеша, я больше не могу находиться в этой кладовке. Пока не включали зимнего отопления, было терпимо. Но вчера начался отопительный сезон, и включили радиаторы. От жары стал испаряться бензин. Сейчас к двери подойти нельзя — нестерпимо разит.

— Хорошо. Я сейчас уберу бачок. Просто выкачу его во двор.

— А еще выключатель барахлит. Надо его десять раз вертеть, чтобы вспыхнули лампы.

— И его починю. Идем, Катя. Я сейчас наведу порядок.

Они направились к гостинице. Подсобка, превращенная в фотолабораторию, находилась на первом этаже.

Екатерина Ивановна остановилась у дверей, ища в сумочке ключ.

От двери сочился едкий запах.

— Небольшой бачок, а пахнет на всю гостиницу. Он, может быть, стал протекать?

— Да не протекает... Он без пробки, заткнут тряпицей. Ну вот, наконец-то, я нашла.

Она достала ключ, открыла дверь и шагнула в распахнутую тепловатую тьму.

— Я сейчас включу свет,— сказала она. И в этот миг ослепительный, громкий, как пушечный выстрел, взрыв отбросил ее прямо на Бережного.

Оба свалились на пол. Алексей Николаевич мгновенно вскочил на ноги. На Екатерине Ивановне плясали голубовато-розовые ленты огня. Вспыхнула нейлоновая кофточка и юбка. Сбросив пиджак, Бережной проворно, не обращая внимания на алые кусающиеся язычки, стал сбивать огонь с потерявшей сознание женщины. Он действовал быстро, решительно, зная свирепую стихию огня, который не раз опалял его в войну.

Пламя мгновенно было затушено. Боясь повторного взрыва, он оттащил все еще не пришедшую в сознание Екатерину Ивановну подальше от двери подсобки. Убедившись, что жизнь ее спасена, крикнул дежурной гостиницы, чтобы та немедленно вызвала «скорую помощь». А сам, прикрывая лицо носовым платком, вошел в подсобку. Ее помещение сейчас напоминало закопченное чрево огромной пушки после выстрела. Бережной отыскал ощупью бачок и удивился, какой он легкий. Белая жесть его была нагретой, видимо, от радиатора. Не удивительно, что за сутки почти весь бензин испарился, зарядив камеру горючей смесью. И скопившиеся пары подожгла искра от неисправного выключателя.

Схватив горячий бачок, он выскочил с ним из подсобки, растолкал уже скопившуюся толпу зевак и побежал на гостиничный двор. Тут он изо всех сил, как можно дальше, выбросил опасную ношу.

Теперь, ликвидировав главную опасность, он мог вернуться к Екатерине Ивановне. Она все еще была в забытьи. Черный от копоти, с обожженными пальцами, с обгоревшими волосами, он бросился к ней, поднял и понес в комнату, осторожно положил на постель. И тут у изголовья больной вырос щупленький юноша в белом халате — врач «скорой помощи».

Испуганно косясь близорукими глазами на страшного, еще не успевшего смыть сажу и копоть Бережного, он бегом осмотрел пострадавшую. Подоспевшая сестра милосердия сделала Екатерине Ивановне укол. К ней вернулось сознание. Она закричала от боли.

— Катенька, родная, крепись! Ты поправишься... Ну, потерпи...

Алексей Николаевич страдал, видя, что ей больно. Блестящие от слез глаза Екатерины Ивановны встретились

с его взглядом. Она поняла, что он испытывает, и до крови закусил губы, чтобы не стонать.

— Алеша, милый, мне уже лучше. Лучше... — чуть слышно прошептала она и вдруг спросила: — А фотографии не погибли?

— Успокойся, не погибли, — солгал Бережной, чувствуя, что вот-вот он не выдержит и заплачет. — Снимки целы. Поправишься, и мы все восстановим.

Екатерина Ивановна еле слышным шепотом сказала:

— Все, Алешенька... Все восстановим...

* * *

Но восстановить здоровье Екатерины Ивановны было нелегко.

Осмотрев пострадавшую, врачи ожогового отделения центральной городской больницы, куда ее положили на лечение, решили: случай не смертельный, но серьезный.

Об этом и рассказал Бережной коллегам.

— Ей необходима помощь для восстановления обгоревшей кожи. Для пересадки подходит кожа людей, которые сами испытали ожоги. Ну, а если таких нет, подойдет кожа и тех, кто имеет доброе сердце и готовность помочь своему товарищу. Так как я испытывал ожоги и мой организм выработал те восстановительные свойства, которые необходимы для излечения, я первый иду на операцию, чтобы помочь пострадавшей. Кто еще хочет ей помочь?

Все сотрудники лаборатории изъявили желание помочь Екатерине Ивановне. Все сгрудились вокруг Бережного. Только Валерий Борисович, как окаменевший, молча сидел на стуле. Затем, словно очнувшись, побрел в свой кабинет.

Потом, уже дома, во время бессонницы, он себе задавал вопрос: почему он не смог сделать благородный жест — не согласился помочь человеку в беде, как все в его коллективе? Почему он так же, как все, не показал себя в выигрышном свете? Ведь он почти на девяносто девять процентов не рисковал пожертвовать своей кожей. Знал же, был уверен, что его кожу не возьмут. Во-первых, он никогда не получал ожогов, поэтому его жертва не могла быть предпочтительной. Во-вторых, скорее взяли бы кожу не пожилого человека да еще заведующего лабораторией, а, конечно, кого-нибудь помоложе. Например, Валентины Петровны Эваристовой, молоденькой кандидатки, к тому же — спортсменки.

Песков почти всю ночь прикидывал, на сколько процентов он рисковал своей кожей, если бы согласился со всеми пойти в доноры. После сложных подсчетов выходило, что риск-то был бы очень незначительный. К тому же он являлся не совсем чужим для Екатерины Ивановны Корнедуб. Давно, но все же считался когда-то ее супругом. И вот соскоблили бы с его, песковского, бедра лоскут кожи для пострадавшей. И пришлось бы испытывать муки, долго прихрамывать, как сейчас этот Алексей Николаевич. От таких мыслей Валерия Борисовича прошиб холодный пот. «Черт возьми, до чего же сложны эти, на первый взгляд, невинные житейские коллизии. А может быть, все же стоило рискнуть? Сделать красивый жест. Тогда, может быть, лучше думали бы обо мне...»

Он вспомнил, как сидел один, обособившись, среди всех сослуживцев. А они подняли руки, как бы вопреки ему голосуя за доброе отношение к человеку. Тогда все скрестили на нем свои взгляды. Вспомнил, как под перекрестным огнем их глаз он плелся в свой кабинет.

Валерий Борисович был неглупым человеком и сейчас понял, что у него ничего хорошего уже не получится на посту заведующего лабораторией. Он никогда уже не сможет договориться с сослуживцами. Он потерял последний свой шанс, когда сидел среди них, чужой, окаменевший.

Значит, надо уходить? Сто раз был прав академик Крыленко, когда советовал перейти с этой работы на другое место, где почти нет людей, а одни приборы. Академик сказал, что он потерял всякий контакт с людьми. Он тогда не согласился. А теперь убедился в правоте слов Крыленко. Он уйдет от людей к машинам...

Академик принял его так, словно давно дожидался.

Ох и прозорливый же этот Крыленко! Песков молча положил перед ним заявление о том, что он давно интересуется техникой контрольных расчетов в генетике, селекции и в сельском хозяйстве, поэтому просит дать ему возможность практически поработать в этой области.

Прочитав заявление Валерия Борисовича, Крыленко усмехнулся и на уголке положил гриф: «Желая удовлетворить творческие стремления В. Б. Пескова, прошу оформить его заведующим контрольно-счетной лабораторией с окладом согласно штатному расписанию».

Передавая заявление с этой резолюцией, академик сказал:

— А ведь я был прав, когда говорил, что вы сами попросите перевода.

— А что здесь удивительного?— ответил Песков. Но вдруг, не зная почему, покраснел от раздражения:— Ничего удивительного нет, взял и передумал.— И выпалил еще одну, неожиданную для себя самого, несуразность:— Запомните, я не тот, кто отдает за будь здоров кожу!

— Я давно это знаю. Да и это не секрет, Валерий Борисович,— ответил Крыленко.

Через несколько дней на доске объявлений института появилось два приказа. Один — о переводе заведующего научно-исследовательской лабораторией, доктора биологических наук В. Б. Пескова на должность заведующего контрольно-счетной лабораторией. А другой приказ — о назначении кандидата биологических наук Е. И. Корнедуб на должность заведующей научно-исследовательской лабораторией.

Выписку из этих приказов Бережной принес в больницу и показал Екатерине Ивановне.

Полученные ею ожоги залечивались очень медленно и мучительно. Все же, хотя ее терзала незатихающая боль, она смогла улыбнуться и сказать:

— Алеша, теперь нам уже никто не помешает в работе.

И Бережной понял: страдания не смогли сломить, а наоборот, закалили ее волю.

...Он продолжал еще несколько месяцев день за днем посещать ее в больнице. Рассказывал о своих замыслах и поисках, чтобы как-то отвлечь больную от неизбежных страданий, чтобы хоть на миг вырвать ее из пучины мучений, в которую она была погружена.

Видя ее состояние, он чувствовал, что не только делается отзывчивее, но приобретает какую-то новую остроту и прозорливость в своей научной работе. И все крепче росла в нем привязанность и преданность к любимой женщине, пробуждающей в нем до сих пор дремавшие чувства и мысли.

Миновали осень, зима, а Бережной каждый день с трепетом переступал порог ожогового отделения. Здоровье больной быстрее пошло на поправку. Но она еще чувствовала порой раскаленные укусы давно угасшего пламени. Особенно ощущались они там, где проходили рубцы и швы.

Он научился с первого взгляда распознавать, что она испытывала. И когда замечал в ее глазах боль, становился самым несчастным человеком на свете.

Но однажды, придя к ней, он увидел в ее глазах спокойный свет.

— Алеша, сегодня первый день, когда меня уже ничего не терзает. Понимаешь, почти нет никакой боли. Даже ма-люсенькой.

Поздравляя ее с выздоровлением, он поцеловал ее глаза. А Екатерина Ивановна, словно только вернувшись из длительного путешествия, долго и пристально разглядывала его.

— Лишь теперь могу хорошо рассмотреть тебя. И что я вижу! Ты, мой милый, стал совсем седым. Сколько же ты из-за меня пережил! Но глаза у тебя по-прежнему молодые, как тогда, в нашей далекой юности.

— И ты, Катя, такая же, как тогда...

— Значит, мы с тобой сможем еще проникнуть в тайну жизни? В тайну, о которой ты мечтаешь, Алеша!..

— Да, у нас, родная моя, есть все основания верить в это. Ведь каждый из нас постиг за эти годы самое сокровенное — тайну собственного сердца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.	Тревога	3
Глава 2.	Отблески пламени	9
Глава 3.	Трудный путь	17
Глава 4.	Зов земли	25
Глава 5.	Степной лог	32
Глава 6.	Новая улца	46
Глава 7.	С огоньком!	57
Глава 8.	Заповедные зерна	65
Глава 9.	Горячие дни зимой	85
Глава 10.	Сердечные тайны	98
Глава 11.	Скучная жизнь	109
Глава 12.	Заколосилась пшеница	117
Глава 13.	Первая победа	124
Глава 14.	Друг всегда будет рядом	131
Глава 15.	Исцеление	141
Глава 16.	Радуга в пути	148

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1.	Голос памяти	155
Глава 2.	Добрый свет	160
Глава 3.	Голубые цветы	170
Глава 4.	Светлая печаль	179
Глава 5.	Заведующий лабораторией	184
Глава 6.	Аксиома	191
Глава 7.	Значимое дело	207
Глава 8.	Звезды, море, степь	212
Глава 9.	Портрет	219
Глава 10.	Неожиданность	228
Глава 11.	Поэма	234
Глава 12.	Соавторы	248
Глава 13.	Традиция	253
Глава 14.	Спор	264
Глава 15.	Проникновение в тайну	269

Юрий Сергеевич Трусов
ПРОНИКНОВЕНИЕ В ТАЙНУ

Роман

Редактор Н. М. Суховецкий
Художник В. А. Соловьев
Художественный редактор И. С. Белоус
Технический редактор Т. Н. Молчанова
Корректор Л. Н. Пономаренко

Информ. бланк № 777

Сдано в набор 15.04.80. Подписано к печати 19.06.80. БР 06271,
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура академическая. Печать высокая
Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,23. Тираж 30 000 экз. (2-й завод 15001 —
30 000 экз.).
Зак № 5081. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Маяк» 270001, Одесса-1, ул. Жуковского, 14.

Одесская книжная фабрика РПО «Полиграфкинг»,
270008, Одесса-8, ул. Дзержинского, 24.

Гр 10 к.

